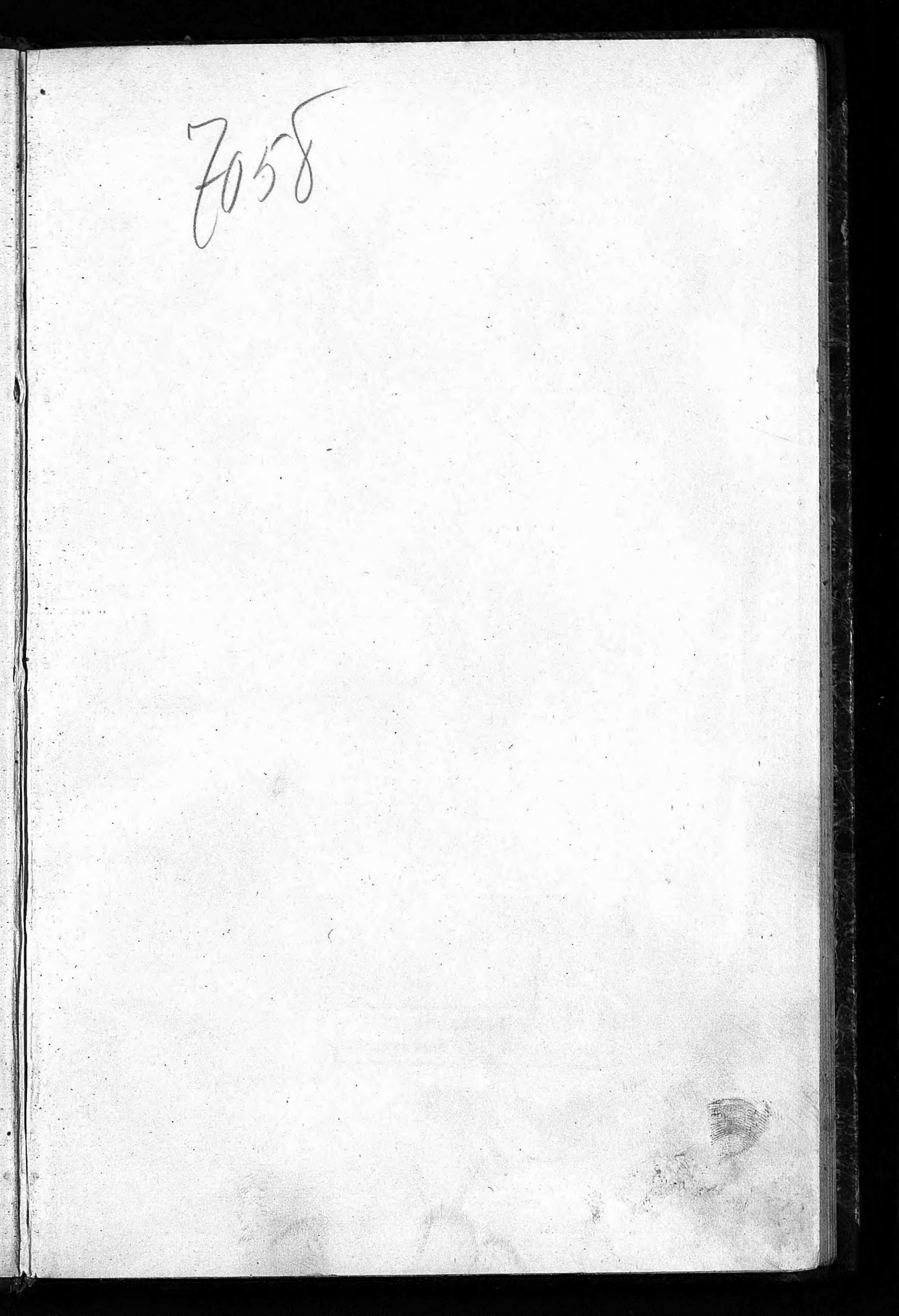

7058

Тамбовскій Епископъ
Пахомій.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ—ПЯТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ВОСЕМЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ» платятъ: вмѣсто 5 руб.—4 руб., и вмѣсто 8 руб.—7 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

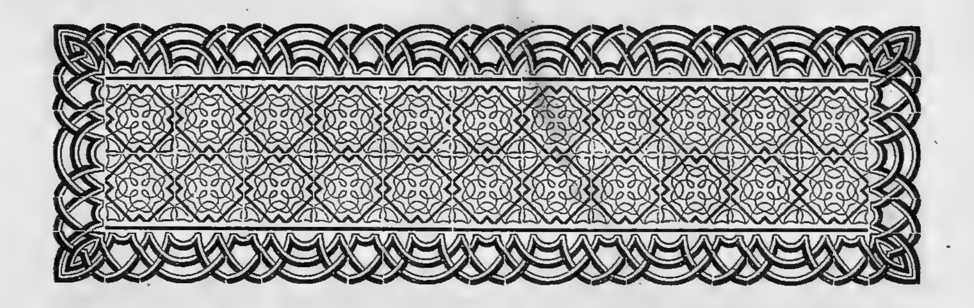
1908.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.
1908.

За кулисами дипломатіи.

(Окончаніе).

ГЛАВА VII [1]).

Стратегическая зависимость нашей арміи за Дунаемъ отъ Австро-Венгріи.— Необходимость блюсти конвенцію 3-го янв. 1877 г. какъ зѣницу ока.—Порадимскій проектъ перемирія.—Несоотвѣтствіе его съ основами конвенціи 3-го января 1877 г.—Князь Горчаковъ отказывается принять отвѣтственность уступки Австріи Босніи и Герцеговины.—Сборы Н. П. Игнатьева въ армію.— Впервые слышитъ онъ о существованіи конвенціи 3-го янв. 1877 года.—Соглашаясь съ доводами Н. П. Игнатьева, Государь Императоръ посылаетъ телеграмму о движеніи войскъ къ Босфору.—Въ лагерѣ наслѣдника цесаревича Н. П. Игнатьевъ узнаетъ о заключеніи перемирія.—Положеніе арміи послѣ перемирія.—Въ виду измѣнившейся обстановки слѣдовало ли Н. П. Игнатьеву заключать миръ въ С.-Стефано?—Въ крушеніи исторической задачи—кто отвѣтственъ?

Невыгодность соглашенія съ Австро-Венгріею слишкомъ била въ глаза. Австро-Венгрія предоставляла Россіи воевать, сама сохраняла свободу дѣйствій, а за нейтралитетъ подобнаго рода требовала себѣ Боснію и Герцеговину. Одну минуту у насъ хотѣли было объявить Австріи войну, однако, мысль эта была оставлена. Князь Бисмаркъ предупредилъ, что Австрія нужна Германіи въ видахъ политическаго равновѣсія, а потому нанести ей рѣшительный ударъ Германія не дозволитъ.. Когда же турки отвергли сначала постановленія Константинопольской конференціи, а потомъ Лондонскій протоколъ, Россія оказалась передъ альтернативою: или принять австрійскія условія или не воевать совсѣмъ. Послѣднее было невозможно по причинѣ броженія, охватившаго русское общество и славянофильскихъ симпатій придворныхъ сферъ. Дѣлать было нечего, горькой необходимости пришлось подчиниться: 3-го января 1877 г. между Россіею и Австро-Венгріею была подписана военная конвенція. Россія попала въ положеніе изолированное и отъ доброй воли, своей

[1]) См. «Русск. Стар.», іюнь 1908 г.

яко бы союзницы, Австро-Венгріи зависимое. За гранью Дуная наша дѣйствующая армія собою изображала, говоря словами поэта:

...тяжелый нѣкій шаръ,
На тонкомъ волоскѣ висящій.

При такихъ обстоятельствахъ, элементарное чувство самосохраненія подсказывало намъ беречь каждый пунктъ конвенціи, какъ зѣницу око. Иначе Австрія получала не только возможность, но и нравственное право отнять у насъ свою руку и протянуть ее нашему противнику—Англіи.

Какими бы дефектами соглашеніе наше съ Австро-Венгріею ни отличалось, назначеніе свое обезпечивать тылъ нашей арміи оно выполнило безусловно. Послѣ одной изъ Плевненскихъ битвъ, графъ Андраши зашелъ къ нашему послу Е. П. Новикову и заявилъ ему: „Profiter des embarras du prochain ne porte jamais bonheur. J'ai des observations à Vous faire, mais j'attendrai pour cela que Vous ayez plus de foin dans vos bottes". Не пошевелила Австрія пальцемъ, и когда военное счастье намъ улыбнулось, и передъ побѣдоноснымъ россійскимъ воинствомъ турецкія арміи и крѣпости стали сдаваться одна за другую.

Установилось мнѣніе, будто бы разрывъ съ Австріею послѣдовалъ, отчасти вслѣдствіе происковъ русской панславистической партіи, отчасти вслѣдствіе традиціоннаго коварства Вѣнскаго кабинета. Въ защиту послѣдней версіи выступилъ оффиціозный публицистъ министерства иностранныхъ дѣлъ С. М. Горяиновъ (Босфоръ и Дарданеллы, С.-Петербургъ, 1907 г.). Въ дѣйствительности, виновникомъ краха былъ никто иной, какъ творецъ австро-русскаго соглашенія, канцлеръ А. М. Горчаковъ.

Въ половинѣ ноября 1877 г. въ нашей главной квартирѣ, стоявшей въ Порадимѣ было приступлено къ составленію условій мира съ турками. О конвенціи 3-го января 1877 года авторы мирнаго проекта ничего не знали, поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ предположеніяхъ своихъ они отъ нея значительно отклонились. Особенно рельефно противорѣчія эти обозначились по двумъ важнѣйшимъ вопросамъ: Босніи и Герцеговины и границъ Болгаріи. По вопросу Босніи и Герцеговины конвенція гласила совершенно опредѣленно: „Россія предоставляетъ Императору австрійскому избрать время и способъ оккупаціи Босніи и Герцеговины [1]". Въ порадимскомъ проектѣ этотъ пунктъ получилъ слѣдующую ре-

[1]) Описаніе Рус.-тур. войны 1877—78 гг., т. II, стр. 7. Изданіе военно-истор. комиссіи главнаго штаба.

дакцію: „Босніи и Герцеговинѣ даруется автономное управленіе съ достаточными гарантіями, при ближайшемъ участіи въ опредѣленіи ихъ сосѣдней съ ними Австро-Венгріи". По вопросу границъ Болгаріи конвенція (ст. 3) оговаривала „недопущеніе на Балканскомъ полуостровѣ образованія значительнаго славянскаго или иного государства". Порацимскій проектъ пространство будущей Болгаріи предуказывалъ: „въ предѣлахъ болгарской національности и никакъ не меньшихъ противъ тѣхъ, которые были намѣчены Константинопольскою конференціею". Затѣмъ, порадимскій проектъ былъ отправленъ въ Бухарестъ проживавшему тамъ князю Горчакову на разсмотрѣніе.

Здѣсь позволю себѣ сдѣлать отступленіе и поставить вопросъ: была ли, въ самомъ дѣлѣ, надобность вопросы военные и сторону политическую связывать тѣснымъ узломъ? Вѣдь наше сепаратное соглашеніе съ Турціею безъ европейской санкціи, все равно обойтись не могло. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было затрогивать больныя мѣста и преждевременно раскрывать карты. Не политичнѣе ли поступили бы наши делегаты, если бы вопросы компетенціи европейской,—Боснію и Герцеговину, границы Болгаріи и др.,—они отложили до созыва конференціи, а тѣмъ временемъ потребовали бы отъ турокъ уступокъ характера исключительно военнаго: передачу намъ флота и крѣпостей, допущеніе русской арміи подъ стѣны Царьграда и т. п.

Иниціаторомъ австро-русскаго соглашенія былъ князь Горчаковъ. Поэтому для кого другого, а для него конвенція 3 января 1877 г. была обязательна. Получивъ порадимскій проектъ, онъ долженъ былъ съ конвенціею его свѣрить, постановленія конвенціи въ него вписать и въ такомъ исправленномъ видѣ отослать въ главную квартиру обратно. „Но князь Горчаковъ, говоритъ г. Горяиновъ, сознавалъ, что уступка славянскихъ земель австро-венгерской монархіи могла возбудить негодованіе въ Россіи" [1]). Внеси онъ въ порадимскія мирныя условія измѣненія въ духѣ конвенціи, сразу обнаружилось бы: Боснія и Герцеговина и есть та цѣна, за которую русское правительство купило отъ Австріи безопасность тыла нашей арміи. Признать себя виновникомъ подобной сдѣлки у князя Горчакова не хватило гражданскаго мужества. Между порадимскими условіями и конвенціею разницы словно не замѣчая, онъ порадимскій проектъ препроводилъ императорамъ германскому и австрійскому на отзывъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ Вѣнѣ сообщеніе князя Горчакова

---

[1]) Босфоръ и Дарданеллы, стр. 307.

произвело впечатлѣніе самое неблагопріятное. Русская политика совершала зигзагъ: отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріею снова вернулась она на почву Константинопольской конференціи и европейскаго концерта. Но ссылаться на Константинопольскую конференцію Россія уже потому была не въ правѣ, что конвенція съ Австро-Венгріею была заключена позже, а слѣдовательно, всему тому, что было говорено и условлено до нея, она подводила итогъ. Помѣнявшись ролями, теперь Австрія упрекала Россію въ вѣроломствѣ. Вопросы политической этики всегда болѣе или менѣе спорны. Но, ставъ на точку зрѣнія исключительно практическую и военную, нельзя не признать—минута, которую для разрыва съ Австріею выбралъ князь Горчаковъ, была самая неподходящая. Наша армія на плечахъ непріятеля переваливала черезъ Балканы. На морѣ господствовалъ турецкій флотъ, а къ нему во всякое время могла подоплыть и присоединиться англійская эскадра. На алтарѣ какого-то фантастическаго общественнаго мнѣнія съ легкимъ сердцемъ старый канцлеръ принесъ въ жертву и безопасность сообщеній дѣйствующей арміи и международное положеніе Россіи. Разувѣрившись въ Россіи, Австрія начала искать сближенія съ Англіею.

Назначенный уполномоченнымъ для заключенія мира съ Турціею, генералъ Н. П. Игнатьевъ къ выѣзду изъ Петербурга въ армію дѣлалъ сборы. О существованіи конвенціи 3-го января 1877 года и ея двухъ главнѣйшихъ пунктовъ,—отдачи Босніи и Герцеговины въ дискреціонное распоряженіе австрійскаго императора и недопущеніе на Балканскомъ полуостровѣ образованія значительнаго государства,—даже не подозрѣвая, онъ былъ всецѣло поглощенъ разработкою, разумѣется, въ духѣ началъ Константинопольской конференціи, прелиминаріевъ С.-Стефанскаго мира. Раскрыть ему глаза и предостеречь его князь Горчаковъ не только не счелъ нужнымъ, наоборотъ, въ этомъ направленіи онъ его поощрялъ. На одномъ изъ засѣданій, при видѣ работы генерала Игнатьева, кропотливой, испещренной турецкими и болгарскими названіями, онъ воскликнулъ: „mais c'est un travail de bénédiction". Впослѣдствіи, когда С.-Стефанскій трактатъ былъ обнародованъ и вызвалъ протесты державъ, это не помѣшало ему утверждать: С.-Стефанскій договоръ есть личное дѣло генерала Игнатьева, и для него явился сюрпризомъ. „J'ai haussé les épaules", по петербургскимъ гостинымъ разсказывалъ старый князь.

Сколько времени продолжалась бы странная мистификація—это неизвѣстно, но тайну конвенціи генералъ Игнатьевъ узналъ совершенно случайно изъ бѣглой фразы генерала Н. Н. Обручева: „А мы въ Вѣнѣ по вопросу болгарскихъ границъ руководствовались

вашими желаніями", проговорился генералъ Обручевъ. Страшно пораженный, Н. П. Игнатьевъ бросился къ Государю Императору, который, въ свою очередь, потребовалъ объясненія отъ Горчакова. „Andrassy, доложилъ канцлеръ, a exigé de Novikow sa parole d'honneur que le Général Ignatieff ne saura rien de la convention".

Въ это самое время на жгучую тему—заключать ли съ турками перемиріе или продолжать движеніе на Константинополь, между Государемъ Императоромъ и великимъ княземъ главнокомандующимъ происходилъ оживленный обмѣнъ телеграммъ. Генералъ Н. П. Игнатьевъ горячо доказывалъ необходимость занять позицію на среднемъ Босфорѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ фарватеръ проходитъ вплотную у берега. Чувствуя себя связаннымъ словомъ, даннымъ Англіи—что онъ Константинополя не возьметъ, Императоръ Александръ II не соглашался. „Но въ городъ мы и не войдемъ, возражалъ Н. П. Игнатьевъ, мы расположимся у его стѣнъ, а, затѣмъ, европейскія державы попросимъ пожаловать въ Одессу на конгрессъ. Одесса центръ культурный, куда пріѣхать князю Горчакову, во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ легко и удобно". Послѣ нѣкотораго колебанія, Государь уступилъ. Была составлена и отправлена великому князю телеграмма—идти впередъ и занять позицію на Босфорѣ.

Въ упованіяхъ самыхъ радужныхъ покидалъ Петербургъ Н. П. Игнатьевъ. Едва за Дунаемъ, одно за другимъ, его постигли разочарованія. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Рущукскій отрядъ, въ главную квартиру наслѣдника цесаревича. Тутъ, какъ громомъ, его ошеломило извѣстіе—перемиріе подписано и военныя дѣйствія пріостановлены.—Я хотѣлъ брать Шумлу, сказалъ ему государь наслѣдникъ цесаревичъ, а великій князь взялъ да и заключилъ перемиріе.—Встревоженный, возмущенный, Н. П. Игнатьевъ поспѣшилъ далѣе. Настигнувъ главнокомандующаго, онъ приступилъ къ нему съ вопросомъ:—Ваше Императорское Высочество, а телеграмма Государя Императора?—Главнокомандующій уклонился отъ полнаго отвѣта. Въ это время военно-телеграфными сообщеніями завѣдывалъ генералъ Чингизъ, товарищъ Н. П. Игнатьева по Пажескому корпусу. Тебя казнить слѣдуетъ, накинулся на него Н. П. Игнатьевъ. Ты мусульманинъ, а потому ты отъ главнокомандующаго утаилъ Высочайшую телеграмму, въ которой повелѣвалось идти на Константинополь.—Помилуй Богъ, взмолился Чингизъ. Да эту телеграмму я собственными руками передалъ великому князю.—Теперь зная въ чемъ дѣло, Н. П. Игнатьевъ возвратился къ великому князю.—Ну, да, отвѣтилъ великій князь, телеграмму я получилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Турки наши условія приняли, а я далъ

слово, что какъ только они наши условія примутъ, я заключу перемиріе.

Еще наканунѣ столь грозное, на слѣдующій же день подписанія и обнародованія перемирія 19-го янв. 1878 г., положеніе русской арміи вдругъ сдѣлалось безвыходнымъ. До самой послѣдней минуты Турція уповала на милость побѣдителя и, чтобы ее заслужить, готова была на всякія жертвы. Но, въ виду непреклонности, проявленной въ вопросѣ болгарской независимости русскими делегатами, она передалась Англіи. Недоразумѣнія съ Австро-Венгріею, хотя и начались ранѣе, но дотолѣ они тлѣлись незамѣтнымъ огнемъ. Когда же Россія о своихъ намѣреніяхъ относительно Босніи и Герцеговины и границъ Болгаріи, объявила всенародно, Австрія, въ отвѣтъ, приступила къ мобилизаціи. Что Румынія станетъ на сторону Австріи, а не Россіи, въ этомъ сомнѣнія не могло быть ни малѣйшаго. Послѣ акта 19-го янв. 1878 г. ровно черезъ двѣ недѣли, англійская эскадра вошла въ Мраморное море и бросила якорь у Принцевыхъ острововъ.

Общая обстановка нашей арміи, стратегическая и политическая, съ положеніемъ Наполеоновскихъ войскъ въ Испаніи представляла нѣкоторое сходство. Въ обоихъ случаяхъ, главенство на морѣ безспорно принадлежало Англіи. Какъ и французамъ, спереди и фланговъ намъ угрожали англійскій флотъ и возможность дессанта. Но передъ нами французы имѣли важное преимущество: ихъ коммуникація шла прямымъ путемъ, по направленію родной Франціи. Между тѣмъ, у насъ позади находились рѣка Дунай и двѣ непріязненныя державы: Австро-Венгрія и Румынія желѣзнымъ кольцомъ, охватывали вражескія силы побѣдоносную русскую армію. При такихъ обстоятельствахъ, о продолженіи войны нечего было и думать. Оставалось дипломатіи поспѣшить на выручку, дабы, наготу фактической капитуляціи прикрывая цвѣтами риторики, изъ плодовъ побѣды спасти—что̀ только возможно.

Въ сонмѣ европейскихъ государствъ единственная держава, которая въ извѣстной мѣрѣ къ Россіи благоволила, была Германія. Съ Россіею она была связана и узами вѣковой дружбы и признательностью за доброжелательство Россіи въ тяжелые моменты борьбы за германское объединеніе. Къ сожалѣнію, съ княземъ Бисмаркомъ князь Горчаковъ не ладилъ и обязываться ему не хотѣлъ. На запросы князя Бисмарка, прямые и косвенные,—на какихъ условіяхъ предполагала бы Россія заключить миръ, — князь Горчаковъ отвѣчалъ неизмѣнно: „Je n'ai pas besoin de Bismarck pour faire la paix". Послѣ того, становится понятнымъ—почему князь Бисмаркъ отошелъ въ сторону и занялъ позицію наблюдательную. Све участіе

онъ ограничилъ тѣмъ, что петербургскому кабинету изъявилъ готовность помочь Россіи подвести итоги и положеніе ликвидировать, но выступать въ роли заступника Россіи, когда его о томъ Россія и не просила, онъ счелъ со своимъ достоинствомъ несогласнымъ и совершенно излишнимъ.

Создавая С.-Стефанскую Болгарію, Россія, очевидно, предполагала для дальнѣйшихъ своихъ видовъ въ Болгарахъ найти послушное орудіе. Не ошибалась ли она въ подобныхъ разсчетахъ? Вѣдь съ Эгейскаго моря въ Болгарію потянуло бы англійскимъ вѣтромъ, а не русскимъ. С.-Стефанскій договоръ, однако, осуществленъ не былъ, поэтому и всѣ споры о его достоинствахъ и недостаткахъ являются занятіемъ довольно празднымъ. Самое названіе „прелиминарный договоръ“ уже показываетъ, что русское правительство окончательнаго значенія договору не придавало, а, напротивъ, оно намѣревалось подвергнуть его пересмотру державъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было, вообще, заключать договоръ? Задачу пріостановить военныя дѣйствія и заручиться согласіемъ Турціи на мирныя условія Россіи въ достаточной степени выполнило перемиріе 19-го янв. 1878 г. Смыслъ С.-Стефанскаго договора могъ быть только одинъ: дать болгарамъ доказательство доброй воли Россіи и отвѣтственность за неисполненіе ихъ желаній свалить на Европу. Въ доброй волѣ, по отношенію къ нимъ, Россіи болгары ни минуты не сомнѣвались. Сознаніе жертвъ, ради нихъ принесенныхъ Россіею, не помѣшало имъ, нѣсколько лѣтъ спустя, обратиться къ Англіи и, при ея содѣйствіи, совершить соединеніе княжества съ Восточною Румеліею.

Краснорѣчиво и убѣдительно доказывалъ генералъ Н. П. Игнатьевъ великому князю главнокомандующему невыгодность стоянки у Мраморнаго моря и необходимость армію передвинуть и расположить на Босфорѣ. Въ томъ же духѣ изъ Петербурга на великаго князя производилось давленіе. Въ главной квартирѣ совѣщаніе слѣдовало за совѣщаніемъ. При всемъ желаніи спеціалисты военно-морского дѣла не рѣшались признать возможность помѣшать англійской эскадрѣ прорваться черезъ Босфоръ и вступить въ Черное море. Двухнедѣльный срокъ, — отъ 19-го января и до 2-го февраля,—это и былъ золотой промежутокъ, улыбка судьбы, благопріятный случай, въ жизни народовъ не повторяющійся, которымъ, увы, мы не воспользовались. Одобряемые близостью англійскаго флота, турки поспѣшно воздвигали укрѣпленія, собирали и стягивали войска. Овладѣть Босфоромъ для насъ, съ каждымъ днемъ, становилось труднѣе.

Положеніе, которое на берегахъ Мраморнаго моря заняла наша

армія, отчасти представляетъ аналогію съ положеніемъ прусскихъ войскъ въ 1866 году, при Никольсбургѣ. Угрозъ Франція Пруссіи тогда не дѣлала. Черезъ посла своего Бенедетти, Императоръ Наполеонъ III ограничился заявленіемъ, что расширеніе прусской территоріи Франція допуститъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но и такого предостереженія, по формѣ столь мягкаго, Бисмарку было достаточно. Немедленно потребовалъ онъ прекращенія войны, а, когда король Вильгельмъ и весь генералитетъ этому воспротивились, онъ подалъ въ отставку и, въ концѣ концовъ, поставилъ на своемъ.

Послѣ выѣзда изъ Петербурга генерала Н. П. Игнатьева, событія чередовались съ головокружительною быстротою: 19-го января было подписано перемиріе, и военныя дѣйствія были пріостановлены, Австрія мобилизовала войска, въ Мраморномъ морѣ появилась англійская эскадра. Путемъ заключенія еще разъ съ Турціею договора, можно ли было надѣяться улучшить наше положеніе или, наоборотъ, пришло время ударить отбой, поспѣшить и, при томъ, какъ можно скорѣе, созывомъ европейской конференціи? Независимо соображеній политическихъ, генералу Игнатьеву не мѣшало подумать и о себѣ лично. То обстоятельство, что конвенцію 3-го янв. 1877 г., въ угоду Андраши, отъ него скрывали, свидѣтельствуетъ о недовѣріи, съ какимъ въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ къ нему относились. Не въ однихъ иностранныхъ коллегахъ генералъ Игнатьевъ имѣлъ передъ собою враговъ, но и собственное его начальство только и ждало отъ него невѣрнаго шага, чтобы выставить его козломъ отпущенія и виновникомъ всѣхъ неудачъ. И, тѣмъ не менѣе, генералъ Н. П. Игнатьевъ во-время не спохватился и 19-го февр. 1878 г. въ С.-Стефано съ Турціею подписалъ договоръ. Что же подвигнуло его поставить свое имя подъ актомъ, который, въ лучшемъ случаѣ, являлся ударомъ хлыста по воздуху? Тутъ, во всемъ объемѣ, сказалось пагубное вліяніе слишкомъ продолжительнаго пребыванія Н. П. Игнатьева въ Константинополѣ. Дѣло освобожденія турецкихъ христіанъ, на поприщѣ котораго онъ съ такимъ успѣхомъ подвизался, онъ считалъ своимъ собственнымъ. Волною событій поднятый на необычайную высоту, онъ поддался оптическому обману и продолжалъ вѣрить въ свою звѣзду и свои силы, когда въ дѣйствительности, изъ-подъ ногъ его давно ушла почва. Однимъ почеркомъ пера уничтожилъ онъ плоды своей долголѣтней и блестящей дипломатической карьеры а затѣмъ,—чего собственно его противники и добивались, — онъ съ арены внѣшней политики сошелъ навсегда.

Императоръ Александръ II объявилъ войну Турціи подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, вопреки собственному убѣ-

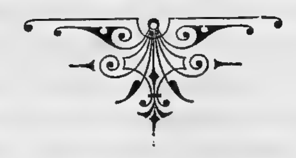
жденію. Собираясь нанести ударъ Турціи, его преимущественно озабочивало — какъ бы ударъ этотъ по своей стремительности не отозвался въ Европѣ и не повлекъ за собою другую войну—европейскую. Отсюда въ самой концепціи войны — роковое раздвоеніе, которое и парализовало заключительное ея дѣйствіе. Въ тѣ времена, между военачальниками находились люди популярные, съ громкими именами: фельдмаршалъ А. И. Барятинскій, генералъ Д. А. Милютинъ, наконецъ, наслѣдникъ престола, Великій Князь Александръ Александровичъ, который, безъ сомнѣнія, пригласилъ бы къ себѣ въ начальники штаба кого-нибудь изъ видныхъ дѣятелей [1]). Но государь Императоръ далъ слово Англіи — что Константинополя онъ не возьметъ—и опасался, тѣмъ болѣе съ появленіемъ національнаго вождя, чтобы событія не осложнились и не зашли слишкомъ далеко. Главнокомандующими онъ назначилъ своихъ двухъ братьевъ, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, въ той увѣренности, что въ рѣшительную минуту выше помысловъ личной славы они поставятъ безусловное повиновеніе Монарху. Не оттого ли и составъ штаба дѣйствующей арміи вышелъ инородческій: во главѣ его очутились два поляка, генералы Непокойчицкій и Левицкій? Вдругъ событія получили оборотъ, при которомъ приближеніе арміи къ столицѣ Оттоманской Имперіи сдѣлалось чисто военною, стратегическою необходимостью. Передъ Императоромъ Александромъ II была тяжелая дилемма: либо преждевременно остановить наступленіе, либо нарушить слово, данное Англіи. Поэтому, государь могъ думать, что движеніе впередъ послѣдуетъ независимо его воли, какъ естественное развитіе военныхъ дѣйствій, и въ этомъ смыслѣ своему брату главнокомандующему онъ посылалъ указанія. Но читать между строками петербургскихъ инструкцій, противорѣчивыхъ и сбивчивыхъ, великій князь Николай Николаевичъ не могъ и настойчиво требовалъ категорическаго отвѣта, а, когда этотъ отвѣтъ пришелъ, на бѣду, было уже поздно. Отъ начальниковъ передовыхъ частей приходили донесенія о крайнемъ переутомленіи войскъ. Дипломатическою канцеляріею дѣйствующей арміи завѣдывалъ извѣстный дипломатъ, сподвижникъ ген. Н. П. Игнатьева, А. И. Нелидовъ. Къ сожалѣнію, А. И. Нелидовъ на должной высотѣ не оказался и, въ виду ожидавшагося, со дня на день, прибытія Н. П. Игнатьева съ полномочіями, онъ не устоялъ противъ соблазна на историческомъ доку-

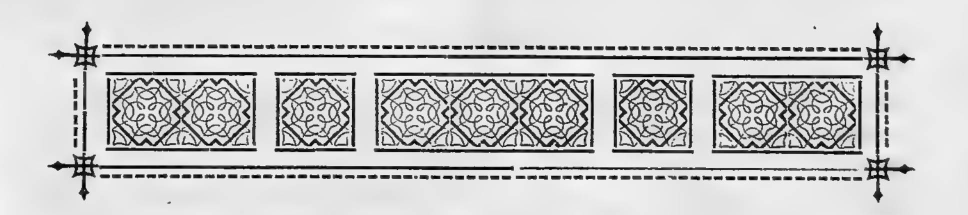
---

[1]) Въ Порадимѣ генералъ Н. П. Игнатьевъ совѣтовалъ государю командованіе арміею принять на себя, Д. А. Милютина назначить нач. штаба, а ген. Н. Н. Обручева ген.-квартирмейстеромъ.

ментѣ начертать свою фамилію. Свою миссію великій князь Николай Николаевичъ выполнилъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Въ крушеніи исторической задачи слѣдуетъ поставить отвѣтственнымъ поэтому не его. Причиною этого является избытокъ осторожности и нерѣшительность Императора Александра II; а еще болѣе виноваты тѣ царедворцы, которые, не любя Россіи и повинуясь внушеніямъ зависти, людямъ патріотическаго направленія и дѣятельнымъ сознательно помѣшали выдвинуться и занять первое мѣсто.

Ю. С. Карцовъ.

Генералъ Залѣсовъ [1]).

(Воспоминанія).

(Окончаніе).

Настало тяжелое для меня время судебнаго разбирательства дѣла А. и маіора К.—Негодованіе Залѣсова еще болѣе усилилось, когда на судѣ я демонстративно подошелъ къ А., сидѣвшему за рѣшеткой въ качествѣ обвиняемаго, и протянулъ ему руку, а затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ посѣтилъ въ крѣпости отбывавшаго наказаніе бывшаго моего начальника, о чемъ генералу сейчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ [2]).

Но давно кончилось грустное дѣло, давно виновные понесли законную кару, а Залѣсовъ все не утверждалъ меня въ должности полкового адъютанта, несмотря на неоднократныя о томъ ходатайства и генерала Каменскаго, и новаго командира полка полковника Максимова, по-прежнему упрекая меня въ недонесеніи о готовившемся въ полку крахѣ.

Наконецъ, неожиданно для всѣхъ, когда, по просьбѣ моей, перестали напоминать обо мнѣ генералу, самъ онъ утвердилъ меня въ должности, что̀ если и не означало еще полнаго забвенія прошлаго, то все же указывало на возвращеніе мнѣ нѣкоторой доли довѣрія...

Кстати будетъ замѣтить, что Саратовская катастрофа не измѣнила почти ни въ чемъ режима, учрежденнаго Залѣсовымъ въ ди-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1908 года.

[2]) Кстати замѣтить, что на судѣ держалъ себя Залѣсовъ съ большимъ самообладаніемъ, всю вину сваливъ съ плечъ своихъ на другихъ. Когда защитникъ А., присяжный повѣренный изъ Петербурга Винтергальтеръ, попробовалъ, было, допрашивать стоявшаго передъ судомъ генерала сидя, въ небрежной позѣ, то судъ предложилъ ему задавать вопросы стоя...

визіи. Только теперь сталъ онъ уже не довѣрять и командирамъ полковъ, прислушиваясь къ присылаемымъ на нихъ анонимнымъ доносамъ, еще болѣе сваливая всю черную работу по дивизіи, всю отвѣтственность на чужія плечи...

Съ утвержденіемъ меня въ должности, не переставалъ я, однако, время отъ времени, чувствовать по-прежнему на себѣ подозрительно-наблюдающій взоръ его превосходительства.

Такъ, напримѣръ, Залѣсовымъ были заведены въ помѣщеніи дивизіоннаго собранія состязанія полковыхъ оркестровъ музыки. Каждый изъ оркестровъ, въ присутствіи начальства и спеціалистовъ, долженъ былъ сыграть нѣсколько пьесъ разнаго рода. Тутъ же присутствовали командиры отдѣльныхъ частей, адъютанты, публика, бравшая входные билеты, стоимость которыхъ шла въ награду наиболѣе отличившемуся оркестру. Залѣсовъ и сидѣвшіе съ нимъ за особымъ столомъ цѣнители музыки ставили за каждую сыгранную пьесу отмѣтки. Подобныя состязанія походили скорѣе на забаву, которой увлекались въ угоду генералу... Но и тутъ Залѣсовъ, вызывая меня, нарочно подчеркивалъ недостатки оркестра Саратовскаго полка, при томъ не всегда безпристрастно: изъ-за меня, такимъ образомъ, лишались награды мои, ни въ чемъ неповинные, музыканты...

Разъ въ недѣлю, во время лагернаго сбора, по учрежденному генераломъ порядку, всѣ полковые оркестры и барабанщики дивизіи, въ опредѣленный часъ собирались на сыгровку у передней линейки Оренбургскаго полка—подъ руководствомъ капельмейстеровъ и полковыхъ адъютантовъ. — Продѣлывалась какъ бы репетиція общаго церемоніальнаго марша. Такъ какъ занятія производились недалеко отъ дачи начальника дивизіи, то нерѣдко на грохотъ и шумъ, поднятые подобными упражненіями, выходилъ по сосновому лѣску, мимо бараковъ нижнихъ чиновъ больныхъ глазами, Залѣсовъ—посмотрѣть на ученье. И снова, при этомъ, доставалось мнѣ, моимъ музыкантамъ...

Когда затѣмъ дивизія, готовясь къ Царскому смотру, репетировала церемоніальный маршъ, то барабанщики Саратовскаго полка, выстроенные въ двѣ шеренги впереди баталіонныхъ колоннъ, благодаря оплошности престарѣлаго старшаго барабанщика Зубарева, нѣсколько отклонились въ сторону отъ линіи прохожденія частей, чего я не могъ видѣть, такъ какъ, по уставу, находился передъ полкомъ. Сейчасъ же послѣдовалъ по адресу моему гнѣвный окликъ Залѣсова:

„Полковой адъютантъ!.. Гдѣ ваши барабанщики?.. Что вы гарцуете передъ полкомъ?!. Я ссажу васъ съ коня“!..

Замѣчаніе это было тѣмъ комичнѣй, что ѣздилъ я верхомъ довольно плохо, а „конь", на которомъ я, по мнѣнію генерала, „гарцевалъ", была вислоухая, смиренная, казенная кляча, которую не безъ труда удавалось разогнать и для рыси...

Не всегда ограничивался по отношенію ко мнѣ Залѣсовъ одними окриками и ядовитыми фразами. Приходилось попадать и подъ дисциплинарныя взысканія.

Такъ, полкъ нашъ долженъ былъ командировать въ лагерь подъ Ригу нижнихъ чиновъ съ офицеромъ, для опытовъ въ Высочайшемъ присутствіи съ новымъ приборомъ стрѣльбы. По бумагѣ, присланной, въ виду этой командировки, изъ штаба дивизіи, написанной неясно, не представилось возможнымъ сдѣлать выводъ, должны ли были нижніе чины и офицеръ явиться такого-то числа къ мѣсту назначенія, или же этого числа лишь двинуться изъ полка. Сидя въ гостяхъ на дачѣ у добраго моего знакомаго, новаго начальника штаба дивизіи полковника Новогребельскаго, я высказалъ ему сомнѣнія мои по этому поводу.

„А вотъ самое лучшее" посовѣтовалъ онъ: „Напишите-ка вы сейчасъ, у меня, оффиціальную записку отъ полка въ штабъ дивизіи, прося разъясненій; я же вложу ее въ докладъ начальнику дивизіи.—Тутъ все и разъяснится".

Съ помощью самого Новогребельскаго набросалъ я записку, и полковникъ съ ней и другими бумагами отправился на дачу къ Залѣсову, а я, ничего не подозрѣвая, вернулся къ себѣ въ лагерь.

Не прошло, однако, съ только-что описаннаго свиданія, и трехъ часовъ, какъ въ полкъ изъ дивизіи принесли пакетъ съ надписью „в. нужное".

Вскрывъ конвертъ, я увидѣлъ въ немъ записку мою, испещренную рукой Залѣсова цвѣтнымъ карандашемъ, а вмѣстѣ съ ней бумагу за подписью генерала, въ которой, между прочимъ, имѣлось такое резюме:

„Подпоручика Жиркевича, за крайне дерзкую и въ высшей степени недисциплинарную записку къ начальнику штаба дивизіи, арестовать на трое сутокъ на гауптвахтѣ".

Какъ потомъ оказалось, полковникъ Новогребельскій, пытавшійся выручить меня, тоже получилъ соотвѣтствующее внушеніе за то, что позволилъ себѣ представить въ докладъ „подобную" записку, роняя достоинство начальника дивизіи частными сношеніями съ подпоручиками. Но, въ сущности, и до сихъ поръ я не знаю, за что отсидѣлъ тогда трое сутокъ. Просто Залѣсову захотѣлось показать мнѣ, что, не смотря на прекрасныя аттестаціи начальства, не-

смотря на утвержденіе меня въ должности, прошлое далеко еще мнѣ имъ не забыто.

Скоро въ сношеніяхъ моихъ съ начальникомъ дивизіи произошло нѣчто, на этотъ разъ, комичное.

Канцелярія Саратовскаго полка помѣщалась за Зеленымъ мостомъ въ Рафаиловскихъ казармахъ. Въ тѣхъ же казармахъ, черезъ обширный дворъ, расположена была и музыкантская команда.

Какъ-то, зимнимъ утромъ, когда усидчиво работалъ я въ канцеляріи надъ срочнымъ отчетомъ, прибѣжавшій музыкантъ сообщилъ мнѣ о томъ, что въ казармы музыкантской команды нежданно нагрянулъ начальникъ дивизіи, замѣченный лишь при появленіи его на дворѣ. Надѣвъ оружіе, я поспѣшилъ въ команду, гдѣ и засталъ полный переполохъ и безпорядки. Дѣло въ томъ, что музыканты мои, увидѣвъ идущаго по двору Залѣсова, вздумали въ двѣ минуты подмести полъ, съ утра неубранный: въ воздухѣ, поэтому, носилась клубами ѣдкая пыль. Кромѣ того, постели музыкантовъ были неубраны, всюду—грязь, соръ, разбросанныя вещи. Среди этого безпорядка стояла фигура генерала, который, при появленіи моемъ, осматривалъ тюфяки, съ цѣлью убѣдиться, достаточно ли въ нихъ соломы, не прячутъ ли подъ нихъ нижніе чины хлѣбъ, вещи, табакъ. Одновременно велѣно было нижнимъ чинамъ раскрыть свои сундучки. Въ казармѣ, въ довершеніе всего безпорядка, стоялъ невообразимый холодъ и, несмотря на сильные морозы, она оказалась совсѣмъ нетопленной. Сразу же бросилось мнѣ въ глаза, что Залѣсовъ сильно чѣмъ-то недоволенъ, даже не кивнувъ головою на сдѣланную мною ему „честь“.—Осмотръ команды, между тѣмъ, продолжался и при мнѣ, а затѣмъ, повозившись въ казармѣ еще съ полъ-часа, велѣлъ генералъ музыкантамъ „сыграть что-нибудь“.— Такъ какъ капельмейстера въ помѣщеніи еще не было, то староста команды Кордель, собравъ наскоро музыкантовъ, сыгралъ съ ними довольно нестройно полковой маршъ, что̀ вызвало совсѣмъ уже кислое выраженіе на лицѣ начальства: перепуганные „артисты“, лишенные при томъ опытнаго руководителя—я самъ это видѣлъ—немилосердно врали... Изрѣдка Залѣсовымъ задавались и мнѣ вопросы, по которымъ дѣлалъ я доклады.

Наконецъ, генералъ обратилъ вниманіе на „Сибирскій холодъ“, стоявшій въ казармѣ, строго спросивъ объ его причинахъ.

Я поспѣшилъ доложить, что давно веду переписку съ хозяйственнымъ управленіемъ полка о поправкѣ совершенно негрѣющей печи, но ничего не могъ до сихъ поръ добиться; что о той же печи доносилось и въ дивизію...

„Помню“—замѣтилъ Залѣсовъ: „но чѣмъ же тогда отапливается казарма“?...

„Въ казармѣ,—Ваше Превосходительство, живетъ много людей“ —правдиво отвѣтилъ я, не подумавъ о томъ, съ кѣмъ говорю: „она отопляется дыханіемъ“...

„Дыханіемъ?“..—переспросилъ съ нѣкоторымъ гнѣвомъ генералъ, и подъ нависшими его усами проскользнуло нѣчто въ родѣ улыбки, а суровые до того глаза блеснули почти радостно: „оригинальные же, однако, у васъ, въ полку, способы отопленія казенныхъ помѣщеній!. И командиръ полка про это знаетъ?“!..

Въ прежнемъ невѣдѣніи того, что говорю, сообщилъ я, что и полковнику обо всемъ извѣстно.

Съ этого момента бесѣды, Залѣсовъ, словно нарочно, завелъ со мною разговоръ на тему о командѣ, а я, ободренный его смягчившимся обращеніемъ, давалъ ему подробные отвѣты, по-прежнему не стѣсняясь формой рѣчи.

Наконецъ, генералъ, вдоволь накивавшись головой—съ очевидной цѣлью запомнить хорошо все, мною говорившееся, отбылъ изъ казармы.

Не прошло и двухъ часовъ со времени его отъѣзда, какъ явился въ полковую канцелярію полковникъ Максимовъ, сильно взволнованный и негодующій. Его уже вызывалъ къ себѣ начальникъ дивизіи, сказавъ между прочимъ:

„Въ музыкантской командѣ нашелъ большой непорядокъ—во всемъ. Полковой адъютантъ—слишкомъ болтливъ: на одно мое слово у него нашлось по десяти объясненій. Узналъ отъ него удивительную новость: въ Саратовскомъ полку вмѣсто установленнаго закономъ способа отопленія практикуется еще и свой особый способъ—дыханіе нижнихъ чиновъ“...

И пошелъ, и пошелъ варьировать на послѣднюю тему...

„Ну, что же вы надѣлали?“!..—раздраженно напустился на меня командиръ: „какъ же можно было докладывать что-либо подобное о солдатскомъ дыханіи?“..

„Но, г. полковникъ“, слабо оправдывался я: „мною употреблено было лишь литературное выраженіе“...

И по адресу моихъ „литературныхъ выраженій“ послѣдовалъ соотвѣтственно—рѣзкій отзывъ.

Въ результатѣ, музыкантская команда немедленно же была устроена въ другомъ помѣщеніи, а моя литературная вольность въ обращеніи съ Залѣсовымъ, равно какъ и всѣ замѣченные генераломъ безпорядки, обошлись для меня безъ взысканія...

VI.

Поступленіе мое въ 1885 году въ военно-юридическую академію на три года оторвало меня отъ дивизіи, хотя, пользуясь каникулярнымъ временемъ, пріѣзжалъ я въ Вильну и даже гостилъ въ лагерѣ Саратовскаго полка, почему и зналъ хорошо, что въ дивизіи все идетъ по-старому.

Помню страшный пожаръ, когда, благодаря неосторожному обращенію съ огнемъ курившаго послѣ обѣда въ баракѣ нижняго чина, сильному вѣтру, сухой погодѣ и соломеннымъ крышамъ бараковъ, въ полчаса не стало солдатскаго лагеря Саратовскаго полка. Между фигурами растеряннаго, перепуганнаго офицерства, ожидавшаго разноса за безпорядки, повлекшіе за собою пожаръ, выгодно выдѣлялась своимъ спокойнымъ, хотя и разгнѣваннымъ, видомъ, фигура начальника дивизіи, сразу—водворившаго порядокъ и напомнившаго о необходимости немедленно же возможно удобнѣе размѣстить людей...

Будучи въ академіи, познакомился я съ генераломъ М.—и его семьей—родственниками Залѣсова. Узнавъ, что я ѣду въ Вильну на каникулы, генералъ поручилъ мнѣ непремѣнно повидаться съ Залѣсовымъ и передать ему его поклонъ. Когда же я заявилъ, что мы, молодежь, настолько далеко поставлены отъ своего начальника, что о такой фамильярности, какъ частныя бесѣды, и думать не смѣемъ, то генералъ замѣтилъ:

„Вы только исполните мое порученіе, а за послѣдствія отвѣчу я“.

Пріѣхавъ въ Вильну, мнѣ удалось, при посредствѣ командира полка, выхлопотать разрѣшеніе—явиться къ Залѣсову.

Не безъ трепета, ровно въ назначенный для меня часъ, въ полной парадной формѣ, звонилъ я уже у дверей городской квартиры генерала. Меня ввели затѣмъ въ кабинетъ, убранный просто, даже, пожалуй, убого, безъ какихъ-либо обычныхъ украшеній.

Пріемъ, оказанный мнѣ Залѣсовымъ, былъ болѣе, чѣмъ любезенъ. Разрѣшилъ мнѣ присѣсть, подавъ руку (чего не удостаивались порою и штабъ-офицеры), генералъ довольно долго бесѣдовалъ со мною на разныя темы, главнымъ образомъ объ академіи, профессорахъ, о первыхъ моихъ столичныхъ впечатлѣніяхъ и т. п. Я отвѣчалъ непринужденно, ободренный вниманіемъ.

Благодушный тонъ, какимъ велась со мною бесѣда, чуть было не испортилъ моментъ, когда, исполняя порученіе М.,—я заикнулся о поклонѣ послѣдняго.

„Ну, мнѣ пріятно видѣть васъ не потому, чтобы... тамъ... М.—

поручилъ вамъ передать мнѣ его поклонъ"—замѣтилъ довольно сердито Залѣсовъ: „совсѣмъ не потому".

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ, едва упомянулъ я про то, что надѣюсь окончить академію, генералъ, какъ бы пораженный моей самоувѣренностью, остановилъ меня, сказавъ:

„Ну, это еще неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, окончите ли вы академію или нѣтъ, а польза для васъ будетъ... Поживете въ столицѣ, почитаете, подумаете, послушаете умныхъ людей"...

Въ самомъ тонѣ, какимъ велась бесѣда, все же чувствовалось, что Залѣсовъ смотритъ на меня, какъ на офицера, одной ногою шагнувшаго уже за порогъ дивизіи...

Несомнѣнно, для того, чтобы я передалъ кому слѣдуетъ слова его, уронилъ Залѣсовъ и слѣдующія фразы:

„Никогда меня особенно не радуютъ эти звѣзды, ленты, кресты: я за ними не гонялся и не гоняюсь... Но я радъ тому, что, благодаря моимъ трудамъ, довелъ дивизію до состоянія, когда въ ней всѣ работаютъ—каждый насколько можетъ... Это сознаніе—выше для меня всяческихъ наградъ"...

Невольно вспомнились мнѣ тутъ и судъ надъ полковникомъ А., и смерть друга моего Нилендера, и хозяйственное разореніе Саратовскаго полка, и личныя гоненія, которыя перетерпѣлъ я понапрасну отъ генерала, и многое другое изъ быта дивизіи, и моя статья „о воспитательномъ значеніи солдатской школы". Такъ и хотѣлось, пользуясь случаемъ, заговорить съ Залѣсовымъ по-человѣчески, высказавъ ему всю правду о той ненормальной обстановкѣ, въ которой „работаютъ" подчасъ его подчиненные. Но страхъ—быть грубо оборваннымъ—удержалъ меня отъ слишкомъ откровенныхъ сердечныхъ изліяній. Да и самъ я былъ уже не тотъ безшабашный прапорщикъ, который въ прежнее время дерзнулъ подать грозному начальнику дивизіи дерзновенную критику на его идеалы.

На порогѣ, когда я собирался выйти, вдругъ остановилъ меня генералъ словами:

„Дѣло прошлое... подпоручикъ. Вы уходите изъ дивизіи... Скажите же мнѣ откровенно, какъ порядочный офицеръ, знали ли вы, будучи въ должности полкового адъютанта, о томъ, что въ полку подготовляется исторія съ казначеемъ?"...

Ясно было изъ этого вопроса, что Саратовская катастрофа не переставала бередить совѣсть Залѣсова.

По-прежнему безстрашно и честно глядя въ глаза спрашивавшаго, я повторилъ то, что всегда говорилъ ранѣе, т. е., что собственно

ничего опредѣленнаго я лично не зналъ, а обо всемъ лишь догадывался... Отвѣтъ мой видимо не удовлетворилъ его...

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Окончивъ военно-юридическую академію, вернулся я въ Вильну, будучи назначенъ въ военно-окружный судъ. Залѣсова въ округѣ уже не было, но память о немъ еще была свѣжа въ дивизіи. Затѣмъ, послѣ командованія корпусомъ, назначили генерала членомъ Военнаго Совѣта. Скоро дошли до Вильны слухи, что „гроза 27-й пѣх. дивизіи“ угасаетъ въ Петербургѣ. Никто не жалѣлъ его... По-прежнему, по адресу генерала, раздавалось не мало проклятій... О существованіи моемъ Залѣсовъ, конечно, давно позабылъ.

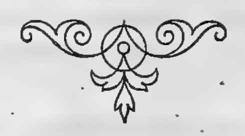
Какъ-то понадобилось мнѣ похлопотать въ столицѣ за товарища по полку, поддержавъ его въ правомъ дѣлѣ. Въ тѣ дни связей, протекціи у меня не было... И я написалъ письмо... генералу Залѣсову.

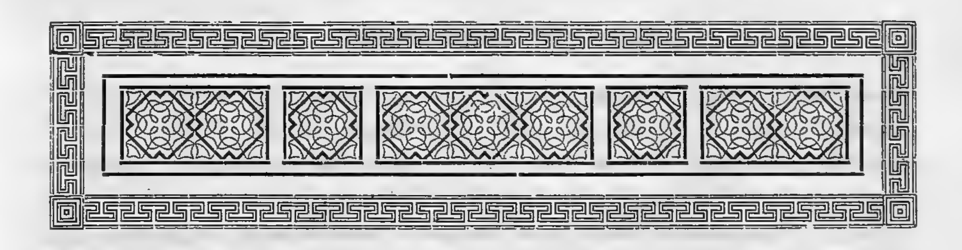
Двѣ недѣли напрасно ждалъ я отвѣта. А тамъ изъ газетъ узналъ о томъ, что генералъ скончался...

Подробность эта изъ личнаго прошлаго приводится мною лишь для того, чтобы показать, что, много выстрадавъ отъ Залѣсова, зная служебные и человѣческіе недостатки его, до конца не переставалъ я вѣровать въ благородство этого сердца, въ тайнѣ давно простившаго мнѣ собственныя мои прегрѣшенія, вольныя и невольныя.

А. Жиркевичъ.

Г. Смоленскъ.
20 октября 1907 г.

Учебныя воспоминанія [1]).

Казанскій университетъ на рубежѣ второго пятидесятилѣтія своей жизни.

Пятаго ноября 1904 года исполнилось столѣтіе существованію Казанскаго университета. Имѣвъ удовольствіе состоять его студентомъ въ самую эпоху его перехода на вторую половину столѣтія, беру рѣшимость подѣлиться съ лицами, интересующимся университетскимъ бытомъ старыхъ временъ и, въ частности, съ товарищами-казанцами тѣмъ, что сохранилось у меня въ памяти о тогдашнихъ временахъ вообще, о тогдашней Казани, о дѣлахъ и житьѣ-бытьѣ университета и его студентовъ.

Предлагая читателямъ мои очерки и воспоминанія, считаю нужнымъ оговориться, что, можетъ быть, кое въ чемъ мнѣ измѣнила память и кое въ чемъ сужденія мои нѣсколько субъективны. Хотя я и старался быть совершенно объективнымъ повѣствователемъ, но могло случиться, что иногда, возвращаясь въ глубь пятидесятилѣтія, вновь переживая въ памяти бывшее и наблюдавшееся, я невольно выходилъ изъ роли сторонняго наблюдателя, а иногда, можетъ быть, больше говорилъ о себѣ, чѣмъ это можетъ интересовать читателя... Но вѣдь кто же изъ пишущихъ воспоминанія въ этомъ не грѣшенъ?

Прежде всего однако приходится отмѣтить странное историческое совпаденіе: предполагавшееся торжественное празднованіе 50-тилѣтняго юбилея Казанскаго университета было отмѣнено высшимъ начальствомъ, повидимому, по случаю Крымской войны. Не со-

---

[1]) См. „Русскую Старину", іюль 1907 года.

стоялось, т. е. отложено ad calendas graecas, и празднованіе столѣтняго юбилея, тоже совпавшаго съ войною, да еще болѣе тяжелою и болѣе для насъ несчастною, чѣмъ была Крымская. И странное дѣло: мало того, что не было тогда дозволено празднованіе 50-тилѣтія, но приказано было даже закрыть комиссію, учрежденную при университетѣ для составленія его исторіи за протекшее время и уже начавшую было свои засѣданія въ концѣ октября 1853 г. Комиссія эта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ знаменитаго математика, бывшаго профессора, а тогда уже помощника попечителя учебнаго округа, Н. И. Лобачевскаго, изъ такихъ солидныхъ людей, какъ профессора—Буличъ, Дмитріевскій, Ивановъ, Киттары, Ковалевскій, Котельниковъ и Протопоповъ—едва-ли способна была сочинить что-либо непріятное для правительства или несогласное съ его видами. Вѣдь тогда на этотъ счетъ было строго, и самые отчаянные въ душѣ либералы не рисковали выходить изъ роли скромныхъ овечекъ... А если бы тогда уже была бы составлена предполагавшаяся исторія, какъ облегчились бы труды нынѣшняго составленія исторіи столѣтняго существованія нашего Казанскаго университета!

Почему послѣдовалъ тогда запретъ — это совсѣмъ непонятно: нельзя же предположить, что убоялись словъ „исторія университета“, смѣшавъ ихъ со словами „университетская исторія“. Вѣдь университетскія исторіи — продуктъ позднѣйшаго времени, создаваемый, по большей части, безтактностью самой же высшей администраціи, какъ бы съ цѣлью увеличивать трудъ составителей „исторій университетовъ“...

И мало того, что университетъ остался безъ исторіи своего перваго 50-тилѣтія, но оно не было ознаменовано ни оффиціальнымъ празднованіемъ, ни Высочайшимъ рескриптомъ, ни наградами университетскимъ дѣятелямъ, ни милостями студентамъ. Былъ только устроенъ балъ по иниціативѣ и подпискѣ студентовъ; да нѣкоторые профессора [1]) издали 2-хъ-томный сборникъ своихъ статей въ память юбилея [2]).

Помню, съ какой завистью бывало глядѣли мы, гимназисты, сидя въ классѣ еще въ іюнѣ и въ началѣ іюля, на пріѣзжавшихъ уже въ концѣ мая и началѣ іюня на вакацію старшихъ товарищей на-

---

[1]) Математики: Ковальскій, Лобачевскій, Поповъ; юристы: Мейеръ, Осокинъ, Фогель; экономистъ Бабстъ и медикъ (профессоръ судебной медицины) Блосфельдъ.

[2]) Теперь столѣтіе свое университетъ ознаменовалъ изданіемъ своей исторіи, которой вышло уже 4 тома in 4°, и доведенной пока до 1828 г.

шихъ, приходившихъ въ гимназію (по тогдашнимъ правиламъ) представляться ея директору, обязанному наблюдать за студентами во время пребыванія ихъ въ гимназическомъ городѣ. Помню, какъ мы завидовали ихъ голубымъ воротникамъ, мундирамъ съ серебряными (а у студентовъ столичныхъ – золотыми) петлицами и ихъ, полнаго сознанія своего превосходства надъ нами, фигурамъ со шпагой на боку и трехъуголкой на головѣ. Тутъ сердца гимназистовъ-латинистовъ (т. е. готовящихся къ университету) [1]) начинали биться усиленнымъ темпомъ, и желаніе поскорѣе смѣнить противный красный воротникъ и околышъ (дававшій поводъ уличнымъ мальчишкамъ дразнить гимназистовъ „красной говядиной“) на благородные голубые—разгоралось до nec plus ultra.

Въ тѣ времена въ Нижегородской гимназіи, гдѣ я учился, выпускные экзамены производились въ концѣ мая и въ началѣ іюня. Переводные же (не знаю такъ-ли теперь) происходили въ первой половинѣ іюля въ тѣхъ видахъ, чтобы вакаціонное время совпадало съ ярмарочнымъ. Къ ярмаркѣ тогда тяготѣла и приспособлялась вся жизнь богоспасаемаго града Нижняго-Новгорода.

Кончилась наконецъ экзаменаціонная страда; разбрелись товарищи, кто куда; латинисты же въ чаяніи сойтись снова и, можетъ быть, опять сидѣть рядомъ, но уже на университетскихъ скамьяхъ.

Послѣ сухого, по часамъ размѣреннаго гимназическаго режима, съ обязательнымъ сидѣніемъ въ классахъ и зубреніемъ уроковъ, университетъ являлся нашему воображенію въ нѣкоемъ ореолѣ: профессора вмѣсто учителей, лекціи вмѣсто задаванія и спрашиванія уроковъ „отъ сихъ до сихъ“; осмысленное преподаваніе вмѣсто отбыванія учителями своихъ часовъ, давно ставшаго для нихъ скучной повинностью; осмысленное слушаніе лекцій, съ записываніемъ и обработкой ихъ; научныя бесѣды съ профессорами... Наконецъ свободная, привольная, веселая студенческая жизнь... Словомъ, все то, о чемъ мы много наслышались и въ гимназіи отъ учителей, и отъ старшихъ товарищей-студентовъ, да и дома отъ отцовъ и ихъ знакомыхъ,—все это неудержимо тянуло въ университетъ, тянуло безъ какихъ-либо заднихъ мыслей — о полученіи „правъ“, о „слу-

---

[1]) Съ 1849—50 учебнаго года введена была въ гимназіяхъ бифуркація: начиная съ 4-го класса гимназисты, по желанію собственному или родительскому, раздѣлялись на имѣющихъ намѣреніе поступить въ университетъ и на предназначающихъ себя для поступленія въ гражданскую службу по выходѣ изъ гимназіи. Для первыхъ обязательно было изученіе латинскаго языка; для вторыхъ онъ замѣнялся изученіемъ законовѣдѣнія въ 5, 6 и 7 классахъ и усиленными упражненіями въ ариѳметикѣ въ 4-мъ классѣ.

жебныхъ преимуществахъ"; мечтать объ этомъ, о выходѣ „въ люди", юноши тѣхъ временъ больше предоставляли за себя своимъ родителямъ, опекунамъ и вообще „старшимъ"... Только болѣе взрослые намѣчали себѣ извѣстную карьеру, не всегда конечно осуществлявшуюся. Но иные изъ товарищей, не мечтавшіе о высшемъ образованіи, тотчасъ по выходѣ изъ гимназіи опредѣлялись къ гражданскимъ дѣламъ; иные поступали въ военную службу—юнкерами.

Пріятно и весело, а потому быстро и незамѣтно пролетѣло время, остававшееся до поступленія въ университетъ, посвященное полному отдыху отъ семилѣтнихъ (а для меня четырехъ-лѣтнихъ, такъ какъ я началъ гимназію съ 4-го класса) гимназическихъ трудовъ. Это время отдыха, предшествующаго переходу отъ школьнаго режима средне-учебныхъ заведеній къ университетской свободѣ ученія, пожалуй, что самое счастливое время въ жизни юношей учебнаго возраста. У многихъ это вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха окончательнаго перехода изъ дѣтства къ юношеству, эпоха первыхъ, неясныхъ еще порывовъ души, ищущей себѣ другую сочувствующую душу—только другого пола. Нѣкоторымъ случается въ это свободное отъ другихъ занятій время дѣйствительно найти эту парную душу; тогда время пролетаетъ еще быстрѣе въ блаженномъ упоеніи чарами первой, святой любви... и тутъ какъ бы неожиданнымъ ударомъ является часъ разлуки—отъѣздъ въ университетъ... А до этого рокового часа полное отсутствіе заботъ (разумѣется, для юноши, имѣющаго нѣкоторый достатокъ), свобода отъ ученія, безпрепятственный отдыхъ, партикулярное платье, вмѣсто тогдашней омерзительной гимназической формы,—все это какъ бы подготовляло уже къ чему-то совсѣмъ новому, къ коренной перемѣнѣ жизни...

А впереди университетъ, въ представленіи юноши являющійся какъ бы священнымъ храмомъ, въ которомъ онъ надѣется, подобно Гёте, найти „неизсякаемый ключъ живой воды, отвѣты на всѣ вопросы", не думая, конечно, что благоговѣйной надеждѣ этой, быть можетъ, и не суждено осуществиться, какъ сѣтовалъ тотъ же Гёте, побывавъ въ университетѣ. Но вѣдь Гёте былъ геній; по своимъ дарованіямъ, по своему уму онъ, очевидно, стоялъ выше того, что могъ ему дать университетъ его времени; и не удивительно, что онъ не нашелъ въ немъ того, чего искалъ: это искомое было уже отъ природы въ немъ самомъ. Въ представленіи же обыкновеннаго смертнаго университетъ является дѣйствительно въ какомъ-то ореолѣ.

Не нашелъ удовлетворенія въ университетѣ Гёте; не находятъ его теперь и многіе изъ студентовъ, главнымъ образомъ изъ нашихъ русскихъ; не находятъ не потому, что по талантамъ и развитію

своему сколько-нибудь близки къ этому великому человѣку, а потому, что *не хотятъ* искать въ университетской наукѣ того, что имъ нужно, чтобъ сдѣлаться полезными для общества гражданами и работниками.

Около половины августа 1853 г. я отправился въ Казань въ сопровожденіи отца, непремѣнно хотѣвшаго видѣть, какъ я устроюсь студентомъ. Собственно привлекалъ меня университетъ Московскій, въ пользу котораго склоняли и слухи о лучшемъ составѣ профессоровъ, и желаніе поскорѣе ознакомиться съ первопрестольной столицей, въ которой я еще не бывалъ. Но были соображенія и въ пользу Казани: Нижегородская гимназія принадлежала тогда къ Казанскому учебному округу и, слѣдовательно, по существовавшему тогда правилу, я могъ поступить въ Казанскій университетъ безъ пріемнаго экзамена, тогда какъ въ Москвѣ студенту чужого округа пришлось бы продѣлать эту скучную процедуру. Уговаривалъ и отецъ въ пользу Казани, можетъ быть изъ боязни, какъ бы юноша не сбился съ пути въ пучинѣ московской жизни; не зналъ онъ, что и въ Казани имѣлась своя пучина. Было, правда, и еще одно соображеніе въ пользу Казани: попасть въ Московскій университетъ было труднѣе вслѣдствіе существованія тогда комплекта, ограниченнаго 300-ми студентовъ для всѣхъ факультетовъ вмѣстѣ, кромѣ медицинскаго. Казанскій же университетъ, какъ и нынѣ, не принадлежалъ къ числу многолюдныхъ; въ мое время всѣхъ студентовъ было въ немъ, кажется, съ небольшимъ 300, считая и медиковъ [1]).

---

[1]) Послѣдовавшее въ 1849 г. ограниченіе числа студентовъ имѣло цѣлью (по словамъ в. к. Елены Павловны) побудить дворянъ больше поступать въ военную службу, для умноженія числа офицеровъ. Скорѣе однако можно думать, что сдѣлано это было подъ вліяніемъ политическихъ соображеній: студенты всегда были нѣкоторымъ пугаломъ для правительства. Поэтому вѣроятно и приказано было принимать въ университеты только юношей „самыхъ отличныхъ по нравственному образованію“. Неимѣющіе аттестатовъ отъ учебныхъ заведеній (какъ, напр., молодые люди домашняго воспитанія) должны были представлять полицейскія удостовѣренія о своемъ „нравственномъ образованіи“, каковыя и получались безъ затрудненія, за приличную мзду, конечно.

За ограниченіемъ числа студентовъ послѣдовалъ рядъ мѣръ къ пресѣченію „вредныхъ ученій“; въ 1849 же году было пріостановлено преподаваніе государственнаго права (вновь разрѣшенное только въ 1857 году); въ 1850 г. ограничено преподаваніе философіи и поручено оно профессорамъ богословія „для прекращенія провозглашенія съ университетскихъ каѳедръ мечтательныхъ теорій подъ именемъ философіи“, какъ писалъ въ 1852 году министръ нар. просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ. Инструкціей 1850 г. ректорамъ и деканамъ внушалось усилить надзоръ за преподаваніемъ. Въ 1852 г. послѣдовало запрещеніе принимать въ профессора иностранныхъ

Для меня однако обстоятельства сложились такъ, что и въ университетѣ своего округа мнѣ пришлось сдавать вступительный экзаменъ. Дѣло было въ томъ, что я, какъ хорошо знавшій латынь (благодаря отцу, страстному латинисту), въ гимназіи латинскаго языка не изучалъ, поступивъ, по совѣту ея директора, на отдѣленіе готовящихся къ гражданской службѣ, изучавшихъ законовѣдѣніе взамѣнъ латыни, требовавшейся для университета. Вѣроятно, директоръ, узнавъ о моихъ познаніяхъ въ латыни, нашелъ, что занятія латинскимъ языкомъ съ преподавателемъ-нѣмцемъ, почти не знавшимъ русскаго языка и служившимъ посмѣшищемъ для гимназистовъ, ничего не прибавили бы къ моему знакомству съ латинскими классиками, тогда какъ нѣкоторое знакомство съ законовѣдѣніемъ могло пригодиться и въ университетѣ, въ случаѣ поступленія на юридическій факультетъ.

Судя по здравому смыслу, разумѣется, никому изъ насъ и въ голову не приходило, чтобы мнѣ, окончившему гимназію первымъ ученикомъ, съ золотою медалью, пришлось бы сдавать въ университетѣ вступительный экзаменъ изъ чего-либо другого, кромѣ латинскаго языка. Но, какъ извѣстно, здравый смыслъ не всегда руководитъ нашими администраторами, даже университетскими: ректоръ Симоновъ не рѣшился взять на свою отвѣтственность („чтобъ не вышло непріятностей съ начальствомъ", какъ онъ мнѣ сказалъ, принимая прошеніе) позволить мнѣ проэкзаменоваться изъ одной латыни и предложилъ сдать весь гимназическій курсъ, ободривъ словами: „у васъ такой хорошій аттестатъ, вамъ это не будетъ трудно". А дѣло все было въ томъ, что въ моемъ гимназическомъ аттестатѣ забыли оговорить, что я обязанъ сдать только латынь, какъ это оказалось въ аттестатахъ, напримѣръ, учениковъ Симбирской гимназіи, начальство которой было или догадливѣе, или смѣлѣе начальства Нижегородской [1]).

ученыхъ, отмѣненное лишь черезъ 10 лѣтъ—въ 1862 г. Впрочемъ уже въ 1854 г. разрѣшено было увеличить контингенты на 50 человѣкъ по каждому университету. Ограниченіе числа студентовъ отмѣнено только при Александрѣ II, съ конца 1855 года.

[1]) Надо замѣтить, что раньше эпохи моего поступленія въ университетъ было обязательно сдавать вступительный экзаменъ по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Кажется, съ конца 1840-хъ годовъ требованіе это оставлено въ силѣ только для учениковъ съ плохими аттестатами и для желающихъ поступить въ университетъ не своего округа.

Строгими вступительными экзаменами министръ графъ Уваровъ надѣялся положить начало постепенному очищенію университетовъ отъ пло-

Для полноты разсказа надо однако вернуться назадъ и описать свое путешествіе изъ Нижняго въ Казань и первыя впечатлѣнія, полученныя отъ столицы Казанскаго царства.

Въ настоящее время имѣется очень удобное, быстрое и дешевое сообщеніе по Волгѣ; а страдающіе „водобоязнью" могутъ достигнуть Казани даже по желѣзной дорогѣ, сдѣлавъ заѣздъ сперва въ Москву, а оттуда черезъ Рязань на Казань, по знаменитой своими безпорядками Московско-Казанской дорогѣ, проложенной вопреки здравому смыслу, безуспѣшно внушавшему, что естественное сообщеніе Москвы съ Казанью лежитъ черезъ Нижній. Такое сообщеніе и существовало издавна въ видѣ почтоваго тракта; но во время навигаціи всѣ предпочитали, разумѣется, ѣздить на пароходахъ.

Путешествіе наше по Волгѣ продолжалось, помнится, около трехъ сутокъ. Спеціально пассажирскихъ пароходовъ въ тѣ времена еще не было, хотя пароходство существовало уже съ конца 30-хъ годовъ. На нѣкоторыхъ пароходахъ были очень хорошія каюты, даже съ нѣкоторой роскошью; но пароходчики смотрѣли на пассажировъ, какъ-бы на нѣкоторый случайный дополнительный грузъ, для заполненія пустыхъ мѣстъ въ корпусахъ пароходовъ, въ сущности предназначавшихся для буксировки баржъ съ товарами. На самые пароходы рѣдко грузилось что-либо кромѣ дровъ для машины, да пассажирскаго багажа. Были, правда, какъ бы случайно каюты и на баржахъ, частію для публики низшаго сорта, частію для пароходной прислуги, которая уступала свои помѣщенія желающимъ проѣхать спокойнѣе, но конечно дешевле „таксы", безъ подмочки дождемъ, грозящей палубнымъ пассажирамъ.

Путь совершался медленно, даже и хорошими ходоками (какимъ считался, напримѣръ, пароходъ „Орелъ", на которомъ мы шли въ Казань) изъ-за частыхъ „перекатовъ", на которыхъ приходилось иногда, смотря по состоянію воды, сидѣть по нѣсколько часовъ. Никакихъ предостерегательныхъ знаковъ и никакого освѣщенія, чѣмъ теперь такъ богата Волга, тогда на ней не существовало.

Если ночь была темная, то изъ опасенія засѣсть гдѣ-нибудь

хихъ студентовъ. Мѣра эта не была бы, пожалуй, лишнею и въ настоящее время, когда гимназіи даютъ университетамъ такую массу юношей-недоучекъ, верхоглядовъ, малоразвитыхъ для усвоенія университетскаго преподаванія. Страшно подумать, какой контингентъ молодежи этого сорта дадутъ университетамъ гимназіи теперь, послѣ гимназическихъ забастовокъ и митинговъ—совсѣмъ выбившихъ изъ колеи гимназическую молодежь, забывшую, какъ и гг. студенты, свое истинное назначеніе учиться и учиться прежде, чѣмъ сдѣлаться политическими дѣятелями.

на мели, пароходы останавливались у пристаней, а то и гдѣ придется, у берега, ночевать, а съ разсвѣтомъ опять трогались въ путь. Были, правда, какіе-то водяные стражи, чины, такъ называемой въ народѣ „водяной миликаціи“ т. е. коммуникаціи, иногда подъѣзжавшіе на лодкѣ къ застрявшему судну—и только. Помогали ли они сколько-нибудь судоходству—дѣло темное. Думается, что по тогдашнимъ обычаямъ содѣйствіе ихъ ограничивалось только полученіемъ бакшиша.

Благодаря продолжительности путешествія пароходная публика, скученная на небольшомъ пространствѣ пароходной палубы, volens nolens сближалась, бесѣдовала, играла въ карты, читала, если было что (библіотекъ на пароходахъ не было, да и теперь есть ли—не знаю); нѣкоторые однако предпочитали почаще навѣщать буфетъ, закусывать, чайничать, а то и просто спать большую часть дня, ночь не въ счетъ. Любоваться же видами волжскихъ береговъ скоро надоѣдало, такъ какъ на плесѣ между Нижнимъ и Казанью они довольно однообразны.

Нашъ пароходъ велъ двѣ баржи съ грузомъ, причаленныхъ не сзади, какъ обыкновенно дѣлается, а вплотную съ боковъ парохода; это давало скучающей публикѣ больше мѣста для движенія во время длиннаго путешествія, такъ какъ палубы баржъ, находясь на одномъ уровнѣ съ палубой парохода,—соединялись съ нею сходнями.

Нашъ пароходъ шелъ, какъ я сказалъ, около 3 сутокъ; это было сравнительно скоро; такъ какъ случалось иногда, между прочимъ и мнѣ потомъ, ѣздить чуть ли не цѣлую недѣлю. Эта продолжительность не очень длиннаго пути (разстояніе между Нижнимъ и Казанью сухимъ путемъ считается около 400 верстъ, а водою, кажется, около 700—800) никого однако не ужасала, кромѣ стремящихся скорѣе попасть домой или куда очень было нужно; но мирились съ этой затяжкой, потому что ѣзда на лошадяхъ, то въ облакахъ пыли, то по непролазной грязи слишкомъ утомительна, да при томъ и много дороже. Ѣзда вверхъ по Волгѣ, то есть изъ Казани въ Нижній была конечно еще продолжительнѣе, чѣмъ внизъ по рѣкѣ: на большихъ буксирныхъ пароходахъ требовалось не меньше шести-семи сутокъ, особенно при низкой водѣ, да съ наступленіемъ темныхъ ночей. При этихъ обстоятельствахъ даже пароходы, возившіе почту, ходили по 3—4 сутокъ; знаю это по собственному опыту. Когда появились пароходы общества „Самолетъ“ и стали ходить безъ баржъ, совершая путь между Нижнимъ и Казанью аккуратно въ 30 часовъ, публика была въ восторгѣ отъ быстраго сообщенія: сегодня утромъ выѣхалъ, а завтра въ полдень на мѣстѣ!

Главной причиной медленности движенія были все тѣ же перекаты, что существуютъ и нынѣ, нѣкоторые съ характерными названіями вродѣ: Телячій бродъ, Собачья дыра и др. Разница только въ томъ, что теперь они нѣсколько упорядочены; имѣютъ предостерегательные знаки, освѣщаются по ночамъ, снабжены наблюдающимъ персоналомъ; но все это, кажется, по-прежнему, нисколько не уменьшаетъ трудности ихъ преодолѣванія во время мелководья. Способъ же расчистки перекатовъ, состоящій въ томъ, что песокъ съ одного мѣста перепускается на другое, вмѣсто того, чтобы совсѣмъ вынимать его изъ воды и удалять его на такія мѣста береговъ, откуда онъ не могъ бы быть снесенъ весеннимъ разливомъ,—способъ, очевидно, не достигающій цѣли облегченія судоходства. Словомъ—это вѣчная Сизифова работа: перекаты не расчищаются, а только постепенно передвигаются ниже; песокъ съ какого-нибудь Телячьго брода оказывается на Собачьей дырѣ и т. д.; а мать-кормилица Волга все больше и больше мелѣетъ—отъ прибавки песку и всякой дряни, доставляемыхъ весенними разливами. Увидѣвъ ее въ пріѣздъ мой въ Нижній въ 1891 году, послѣ почти 20 лѣтняго промежутка времени, я до боли въ сердцѣ былъ пораженъ, увидѣвъ вмѣсто водной шири отъ такъ называемаго откоса до противоположнаго берега съ селомъ Боръ—узкую ленточку воды между песчаныхъ грядъ!

Давнымъ давно не путешествовавъ по Волгѣ, не знаю, какіе способы къ сдвиженію судовъ съ мелей употребляются теперь; но въ тѣ времена, о которыхъ я пишу, употреблялась такъ называемая „свайка", т. е. заостренное съ нижняго конца бревно, опускаемое съ парохода перпендикулярно въ воду, при чемъ посредствомъ натяженія (конечно попросту—руками) канатовъ, привязанныхъ къ верхнему концу этого бревна, приподнимались носъ или корма парохода, смотря по надобности и—давъ ходъ машинѣ—онъ сдвигался съ мели. Затѣмъ, сдвинувшись, пароходъ опять подчаливалъ отчаленныя баржи и такъ до слѣдующаго препятствія... Случалась и такая непріятность, что, при попыткахъ сдвинуться, въ котлы и цилиндры попадалъ песокъ, и приходилось терять цѣлые часы на очистку машины.

Рано утромъ, котораго числа августа мѣсяца—не помню, пароходъ нашъ доползъ наконецъ до Казани, т. е. не до самой столицы Эдигеева и Сумбекина царства, а до пристани (Бакалда), находящейся въ Адмиралтейской слободѣ, расположенной на самомъ берегу Волги, почти въ 6-ти верстахъ отъ города. Хорошихъ извозчиковъ на пристани въ то время было мало; по крайней мѣрѣ, намъ пришлось

ѣхать въ городъ на татарской телѣжкѣ очень первобытнаго устройства.

Адмиралтейская слобода, какъ, быть можетъ, извѣстно даже изъ нѣкоторыхъ учебниковъ географіи, соединяется съ городомъ дамбою. Но дамба эта имѣла въ тѣ времена такую прекрасную мостовую, что ею пользовались только по крайней необходимости, во время половодья, когда кругомъ города вода, проникающая иногда и въ нижнія улицы города. Въ остальное же время предпочитали ѣздить стороной, полемъ, и тѣмъ охотнѣе, что этотъ путь, будучи удобнѣе дамбы, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно короче.

Имъ и воспользовался нашъ возница татаринъ. Однако и эта „мягкая", какъ онъ увѣрялъ, дорога оказалась довольно тряской. И впослѣдствіи, ѣздя на пристань и обратно, мнѣ приходилось испытывать прелести этого сообщенія, все-таки остававшагося однако лучшимъ въ сравненіи съ дамбой.

Добравшись до города, остановились мы въ гостиницѣ „Лондонъ" на Большой Проломной, считавшейся тогда изъ лучшихъ въ городѣ. Гостиница эта, съ претензіями на роскошь, вродѣ загаженныхъ мухами и закопченыхъ бронзовыхъ люстръ и разныхъ безполезныхъ украшеній, подходила вполнѣ къ типу провинціальныхъ гостиницъ, вообще оправдывающихъ собою замѣчаніе Пушкина объ азіатской роскоши—„азіатская грязь, азіатское свинство".

Какъ большинство нашихъ городовъ, да пожалуй отчасти и чужеземныхъ, Казань производитъ издали болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ въ своихъ внутреннихъ деталяхъ. Но на первый взглядъ она мнѣ даже и внутри показалась прямо столицей въ сравненіи съ Нижнимъ. Правда, живописное положеніе этого послѣдняго, раскинувшагося на горѣ, по горѣ и подъ горою, на протяженіи болѣе трехъ верстъ и имѣющее себѣ соперника только въ расположеніи Кіева,—едва-ли не единственное въ Европѣ; но за то внутренностью своею онъ 50 лѣтъ тому назадъ сильно разрушалъ очарованіе своей внѣшности.

Тоже и Казань: ея положеніе на продолговатомъ холмѣ, переходящемъ въ Арское поле, увѣнчанномъ стѣнами кремля (довольно мизернаго впрочемъ, въ сравненіи съ нижегородскимъ), съ находящимися внутри его—соборомъ, монастыремъ, губернаторскимъ и архіерейскими домами и другими постройками, даже черезчуръ его загромоздившими,—а главное—съ Сумбекиной башней, издали уже привлекающей взоры путешественника своею оригинальною архитектурою, съ блестящимъ золоченымъ яблокомъ на верхушкѣ шпиля—положеніе дѣйствительно довольно красивое издали. И внутрен-

ность города, на первое время, до ближайшаго знакомства съ ея подробностями, показалась мнѣ гораздо болѣе благоустроенною, чѣмъ въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ Нижнемъ. Особенно поражала новичковъ-провинціаловъ, въ томъ числѣ и меня конечно, Воскресенская улица, сплошь, кромѣ тротуаровъ, вымощенная торцами и служившая, за отсутствіемъ порядочныхъ тротуаровъ и благодаря вообще малой ѣздѣ въ провинціальныхъ городахъ, во всю свою ширину мѣстомъ прогулки для публики и студентовъ. Нѣкоторые магазины на этой улицѣ отличались красивой внѣшней отдѣлкой, тоже привлекавшей вниманіе новичковъ.

Улицу, правда, сильно безобразили обгорѣвшія стѣны длиннаго зданія духовной семинаріи и университетскаго дома, находившагося на углу Воскресенской и переулка, отдѣляющаго университетскія владѣнія отъ зданія полиціи. Домъ этотъ впрочемъ вскорѣ былъ отремонтированъ и сдѣлался ректорскимъ. Но зданіе семинаріи, а въ кремлѣ зданіе присутственныхъ мѣстъ, во все время нашего студенчества сохраняли печальный видъ строеній, сильно пострадавшихъ отъ пожара, безъ крышъ, потолковъ и оконныхъ рамъ, почти что грозя паденіемъ. Это были все еще незаглаженные слѣды пожара 1842 года, на устраненіе которыхъ, вѣроятно, не хватало суммъ или энергіи у подлежащихъ вѣдомствъ. А благодаря этому присутственныя мѣста ютились въ наемныхъ домахъ; гдѣ помѣщалась духовная семинарія—не помню.

Какъ бы то ни было, всетаки если нижегородцы хвалились, что „Нижній городокъ — Москвы уголокъ", то казанцы были тогда гораздо болѣе въ правѣ примѣнить этотъ отзывъ къ своему городу.

Знакомство мое съ городомъ началось, разумѣется, прогулкой къ университету. Длинное зданіе его, при малой высотѣ, не поражаетъ величественностью, тѣмъ болѣе, что стоитъ въ улицѣ, а не на просторѣ.

Правда, три его портика съ колоннами довольно внушительны; но и только. Болѣе сильное впечатлѣніе храма науки производитъ его обширный вестибюль съ бюстами великихъ людей... А дворъ университета въ наше время еще украшался памятникомъ поэту Державину, помѣщеннымъ тамъ временно „до пріисканія мѣста", которое и нашлось ему впослѣдствіи передъ зданіемъ театра въ началѣ сквера, въ наше время еще не существовавшаго. Памятникъ стоялъ въ промежуткѣ между двумя зданіями, въ одномъ изъ которыхъ помѣщается библіотека, а въ другомъ физическая и химическая аудиторія съ ихъ кабинетами и лабораторіями. А позади памятника возвышалось красивое, съ куполомъ, зданіе анатомическаго театра, соединявшееся съ этими двумя зданіями полукруглой

колоннадой. Все это въ общемъ, на обширномъ дворѣ университета, производило грандіозное впечатлѣніе. Оно увеличивалось еще высящимся справа отъ зданія библіотеки зданіемъ астрономической обсерваторіи съ ея башнею. За обсерваторіей внизу, на углу университетскаго владѣнія стояло тогда подпертое бревнами зданіе магнитной обсерваторіи, давшее трещины вслѣдствіе отсутствія желѣзныхъ связей, какъ вредящихъ точности магнитныхъ наблюденій и—вслѣдствіе негодности, кажется, пустовавшее.

По мѣрѣ знакомства съ внутренностью зданія университета убѣждаешься, что устроена она не особенно удобно: внизу темный корридоръ во всю длину зданія; во 2-мъ этажѣ, гдѣ помѣщаются аудиторіи,—узкіе корридоры не представляли и въ наше время большихъ удобствъ, а теперь, при обиліи слушателей, вѣроятно, приводятъ въ отчаяніе университетское начальство. Въ нижнемъ этажѣ въ правомъ крылѣ зданія, съ угла, помѣщалась квартира грозы студентовъ инспектора Ланге и его канцелярія, а окнами на дворъ—танцовальный залъ (нынѣ аудиторія), казначейство университета съ желѣзными дверями и стражемъ у нихъ съ саблею наголо (стоитъ ли онъ и понынѣ?),—далѣе студенческая больница и т. д. Въ лѣвой отъ вестибюля половинѣ зданія помѣщались квартиры нѣкоторыхъ служащихъ, комнаты студентовъ-пѣвчихъ и, кажется, столовая казеннокоштныхъ студентовъ. Впрочемъ, многое, вѣроятно, остается и теперь въ томъ же видѣ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ. Оригинально устроенная церковь, какъ разъ надъ главнымъ входомъ, производитъ и теперь конечно, какъ производила въ свое время, внушительное впечатлѣніе таинственности, находясь въ полумракѣ, прорѣзываемомъ свѣтомъ изъ фонаря въ потолкѣ, падающимъ сквозь желтое граненое стекло, да отчасти попадающимъ изъ алтаря. На Пасхѣ, когда публика допускается къ осмотру университетскихъ достопримѣчательностей, въ числѣ ихъ сторожа, въ наше время, показывали ей и „солнце“, освѣщающее церковь.

По величинѣ и нѣкоторому отсутствію казенщины въ характерѣ постройки университетъ былъ замѣчательнѣйшимъ зданіемъ въ городѣ въ то время, что очень странно, такъ какъ посѣщавшіе Казань частые пожары, по справедливому замѣчанію извѣстнаго полковника Скалозуба о Москвѣ, должны бы въ свое время поспособствовать къ украшенью и Казани.

Величественное въ своемъ родѣ зданіе университета нѣсколько страдаетъ отъ сосѣдства зданія полиціи (отдѣляющагося только переулкомъ), увѣнчаннаго, по русскому обычаю, каланчей, безобраз-

нымъ сооруженіемъ, рѣзко отличающимъ наши города отъ городовъ цивилизованныхъ странъ [1]).

Эта близость полиціи къ университету казалась какъ бы предзнаменованіемъ, что со временемъ полиціи не разъ придется стать въ очень близкія отношенія къ университету, благодаря студенческимъ безпорядкамъ, забастовкамъ и прочимъ проявленіямъ пренебреженія къ истинному назначенію студента и увлеченія не своимъ дѣломъ.

Воскресенская улица, несмотря на отсутствіе особенно красивыхъ зданій, привлекала вниманіе пріѣзжихъ провинціаловъ тѣмъ, что всѣ дома на ней каменные и при томъ не прерываются заборами, также впрочемъ, какъ и на Большой Проломной. Но эта послѣдняя—спеціально торговая улица, тогда какъ на Воскресенской находятся только лучшіе магазины, вродѣ столичныхъ. Въ наше время тутъ былъ, между прочимъ, бакалейный магазинъ Санина, долго премировавшій, пока не былъ побитъ помѣстившимся по близости магазиномъ другого Санина, красивѣе устроеннымъ и болѣе снабженнымъ товарами, гдѣ можно было покупать, между прочимъ, чай съ надписью „noir douchist".

На Воскресенской же находился домъ Акчурина, своеобразной постройки съ надворными галлереями. Въ этомъ домѣ, помимо разныхъ магазиновъ и мастерскихъ, находились студенческія квартиры съ нумерами, въ которыхъ студенческая братія проживала въ перемежку съ особами прекраснаго пола и легкаго поведенія, творя свойственныя безнадзорной молодежи безобразія. Не знаю, часто ли университетская инспекція рѣшалась заглядывать въ эту „лавру", какъ студенты называли свои „нумера". Кажется, въ этомъ же домѣ или рядомъ помѣщался нашъ любимый трактиръ „Китай", съ прекрасными билліардами. Здѣсь нерѣдко коротали студенты свободное время. Словно для ихъ удобства трактиръ имѣлъ два входа, одинъ съ Воскресенской, другой за угломъ. Этимъ послѣднимъ входомъ мы, большею частію, и пользовались, чтобъ не попасть подъ всевидящее око инспектора Ланге, часто гулявшаго по Воскресенской. Въ трактиры студенты ходили, впрочемъ, не только для билліарда,

---

[1]) Кстати сказать, даже въ Москвѣ доселѣ продолжаетъ безобразить собою Тверскую улицу и площадь передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ, каланча самой казенной постройки, дающая поводъ удивляться, какъ это цѣлый рядъ генералъ-губернаторовъ мирился и мирится съ лицезрѣніемъ этого ужаснаго творенія отечественной архитектуры. Только въ Кіевѣ видѣли мы каланчи довольно красивой архитектуры; но вообще же для чего онѣ, при существованіи телеграфовъ и телефоновъ и электрическихъ пожарныхъ сигналовъ?

но также и поѣсть получше и почитать газетъ, ставшихъ болѣе интересными въ разгаръ Крымской войны. Въ отдаленныхъ комнатахъ нѣкоторыхъ изъ трактировъ низшаго разряда велась азартная игра, при чемъ и безъ того тощіе студенческіе карманы искусно опустошались маркерами и вольноприходящими татарами и другими личностями.

Находящійся въ концѣ Воскресенской, ближе къ Кремлю, обширный гостиный дворъ оказывался сразу нужнымъ студенту-новичку чтобы снабдить себя шпагой и трехуголкой и замшевыми перчатками, — существенными принадлежностями тогдашняго студенческаго костюма. Магазины гостинаго двора, хотя и не отапливаемые зимою, были достаточно снабжены разными товарами, находившими хорошій сбытъ среди мѣстнаго общества и наѣзжавшей „провинціальной“ публики.

Находящаяся у воротъ, ведущихъ въ кремль, Спасская башня, съ военною церковью внутри, не поражая своей шатровой архитектурой, была интересна для жителей Казани тѣмъ, что съ нея раздавался набатъ при всякомъ пожарѣ... Дѣлается ли это и теперь? [1])

Въ кремлѣ, очень застроенномъ казенными зданіями самаго казеннаго типа, сразу обращаетъ на себя вниманіе пріѣзжающихъ губернаторскій домъ, выстроенный въ нѣсколько восточномъ стилѣ. Стоящій по близости его Благовѣщенскій соборъ не представляетъ ничего особеннаго, но привлекаетъ благочестивыхъ, наравнѣ съ находящимся подальше Спасскимъ монастыремъ,—мощами свв. Гурія а этотъ—Варсонофія, значительно впрочемъ пострадавшимъ отъ знаменитыхъ казанскихъ пожаровъ.

Больше всѣхъ другихъ построекъ въ кремлѣ бросается въ глаза, разумѣется, Сумбекина (Сююнбекина) башня, интересующая какъ

---

[1]) Кстати сказать насъ, хотя бы, напр., жителей Н.-Новгорода, очень удивляли костюмы, въ какихъ казанскіе пожарные выѣзжали на пожары: это были обтертыя солдатскія шинели, съ грязными красными воротниками и солдатскія фуражки безъ козырька. Конечно „не красна изба углами“, и можетъ быть, эти оборванцы пожарные отлично знали свое дѣло; но всекакъ-то странно было видѣть ихъ такими оборванцами, привыкши видѣть у себя въ Нижнемъ пожарныхъ въ бушлатахъ, съ мѣдными касками на головахъ. А впрочемъ, на удивленіе публики, и теперь въ Петербургѣ, пожарные, пріѣхавъ на пожаръ, прежде, чѣмъ приступать къ своему дѣлу начинаютъ переодѣваться въ какія-то старыя хламиды; авось-де пожаръ обождетъ, пока они совершатъ свой маскарадъ! Казанскіе пожарные нашего времени поступали разумнѣе, являясь на пожаръ прямо въ лохмотьяхъ и, вѣроятно, не такъ часто предоставляли сгорать живьемъ людямъ и животнымъ, какъ это нерѣдко случается въ послѣдніе годы въ невской столицѣ.

своимъ оригинальнымъ видомъ, такъ и существующими о ней легендами. У насъ, свѣжеиспеченныхъ студентовъ, сейчасъ же явилось желаніе въ нее проникнуть; это было не трудно, такъ какъ входъ не былъ загороженъ; но онъ и первыя ступени каменной лѣстницы, ведущей въ первый этажъ башни, были до того загажены нечистотами, что требовалось не мало храбрости и отсутствія брезгливости, чтобы одолѣть это слишкомъ „естественное" препятствіе. Однако я съ нѣкоторыми товарищами не разъ отваживались на этотъ подвигъ и лазили до самаго верха башни, не смущаясь даже и тѣмъ, что, начиная со 2-го этажа, лѣстницы были очень непрочныя и ветхія деревянныя, состоявшія частію даже просто изъ доски, съ прорубленными въ ней отверстіями для ногъ. Возможность обрушенія подъ нами полугнилыхъ лѣстницъ не приходила намъ въ голову... Преодолѣвъ трудность подъема, посѣтитель вознаграждается прекраснымъ видомъ на необозримую даль, съ живописно расположенными на ближайшемъ планѣ окрестностей города монастырями — Зилантьевымъ и Кизическимъ. Любуясь видами, невольно забывалось о предстоящемъ небезопасномъ спускѣ внизъ... Въ просвѣтахъ оконъ верхняго этажа башни, служившаго, повидимому, колокольней въ позднѣйшее время, мы, по привычкѣ, свойственной всѣмъ путешественникамъ, хотя уже и не были оными, сдѣлавшись студентами, выцарапали свои имена и фамиліи среди различныхъ, привычныхъ русскому человѣку, надписей, болѣе, чѣмъ игриваго содержанія, украшавшихъ собою стѣны и окна башни.

Людей богомольныхъ привлекалъ (какъ конечно и теперь привлекаетъ) Богородицкій монастырь съ чудотворной иконой Казанской Божіей матери, такъ позорно прозѣванной монахинями въ 1904 году. Онѣ, вѣроятно, поспѣшили уже замѣнить похищенную икону копіей, такъ какъ подлинная, повидимому, дѣйствительно уничтожена похитителями. А если бы она нашлась, то конечно создалась бы о ея возвращеніи легенда, подобная той, которою окружено ея первоначальное появленіе въ Казани.

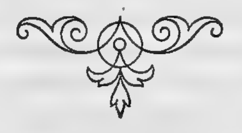
Икона эта въ мое время пользовалась уваженіемъ даже католиковъ, несмотря на ихъ пренебреженіе въ русской „схизмѣ"; моя хозяйка — полька ѣздила въ монастырь молиться передъ этой иконой наравнѣ съ истыми православными.

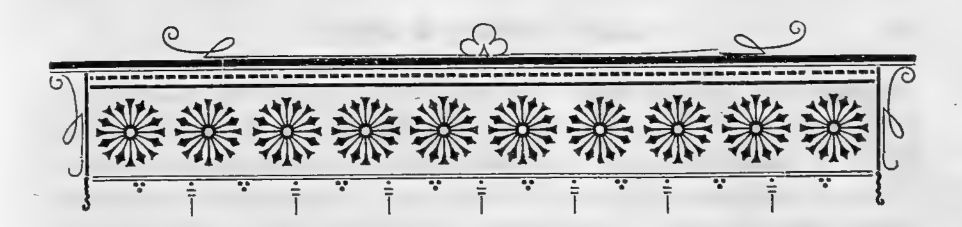
Изъ другихъ достопримѣчательностей Казани обращали на себя вниманіе вновь прибывшихъ: 1) древняя часовня (нынѣ церковь) внутри гостинаго двора, остатокъ, говорятъ, церкви временъ Іоанна Грознаго. Теперь она реставрирована, но тогда представляла собой почти развалину и была кругомъ обстроена лавочками разныхъ торговцевъ. Вообще—особенно любовнаго отношенія къ старинѣ въ Казани, какъ и вездѣ

у насъ на Руси, замѣтно не было: замѣчательнѣйшая изъ церквей города по архитектурѣ и внутренней и внѣшней отдѣлкѣ — соборъ Петра и Павла, напоминающій собою московскую церковь Успенія на Покровкѣ и отчасти нижегородскія церкви Строгоновскую (Рождества Богородицы) и Георгіевскую — стояла въ наше время въ очень запущенномъ видѣ. Въ 1891 г. я видѣлъ ее уже реставрированною, но какъ будто неособенно толково. Въ не менѣе запущенномъ видѣ пребывала и старинная церковь Богоявленія на Большой Проломной, значительно вросшая въ землю. А самая улица Б. Проломная обращаетъ на себя вниманіе новичковъ своимъ бойкимъ торговымъ движеніемъ и множествомъ лавокъ, магазиновъ, трактировъ, мастерскихъ и пр.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви.

Тамбовская епископская каѳедра учреждена въ 1682 году. Первый нашъ епископъ Леонтій, „не сошелся съ своей распущенной“ [1]), не знавшей никакого закона, кромѣ своего собственнаго произвола, паствой и по необходимости долженъ былъ вскорѣ оставить каѳедру. Его преемникомъ былъ извѣстный е. Питиримъ [2]). Обладая свѣтлымъ административнымъ умомъ, отзывчивымъ сердцемъ, адамантовой волей и будучи чуждъ какихъ-либо своихъ личныхъ корыстныхъ цѣлей и плановъ, епископъ Питиримъ съ честью и успѣхомъ правилъ Тамбовской паствой, своимъ примѣромъ воодушевляя и ободряя всѣхъ самоотверженныхъ пастырей. Вполнѣ раздѣляя правительственные взгляды на культурно-колонизаторское значеніе русскихъ монастырей, онъ основалъ 2 монастыря, въ центрѣ мордвы—Вознесенскій женскій и Трегуляевскій—мужской и имъ завѣщалъ не легкое дѣло обрусенія верхоценской мордвы, и исправленія и подъема нравственнаго уровня сброднаго населенія края [3]). Зная же, что

[1]) И. М. Покровскій. «Русскія Епархіи» 380. Подробныя свѣдѣнія о первомъ епископѣ Тамбов. см. «Истор. Вѣст.» 1900 г., т. 80, статья С. Введенскаго.

[2]) Подроб. свѣд. о Питиримѣ въ статьѣ: «Святит. Питиримъ 2-й Е. Тамб.» С. Введенскаго, «Т. Е. Вѣд.» 98—99 гг.

[3]) «Наши степи и лѣса, издревле занятые мордвой, мещерой, буртусами и въ XVI вѣкѣ пополненные массой служилыхъ людей, теперь въ XVII в., съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ и днемъ все болѣе и болѣе пополнялись разнаго рода пришлыми людьми, шедшими сюда по самымъ разнообразнымъ мотивамъ и побужденіямъ». «Были тутъ и авантюристы, искавшіе молочныхъ водъ и кисельныхъ береговъ, и разные неудачники—терпѣливцы Московскаго уклада, и пропащія буйныя головы, уносящія себя отъ суда и смертной казни, и просто гуляющіе люди, всю скитальческую муку выме-

современный ему человѣкъ въ сужденіяхъ о религіи начиналъ со внѣшности (и часто ею только и оканчивалъ), онъ обратилъ вниманіе на благоустройство церквей своего каѳедральнаго города и особенно соборнаго храма. Въ видахъ же обезпеченія будущности своей каѳедрѣ, онъ сосредоточилъ во власти ея значительныя земельныя владѣнія. Умирая, е. Питиримъ оставлялъ каѳедру сравнительно благоустроенною и во всякомъ случаѣ твердо поставленною на путь прогресса. Его преемнику, епископу Игнатію [1]), оставалось только продолжать начатое дѣло, и онъ дѣйствительно продолжалъ. Къ концу XVII вѣка Тамбовская каѳедра являлась далеко не послѣдней каѳедрой, какой она была при открытіи, и могла разсчитывать на свѣтлую будущность въ новомъ вѣкѣ. Но, увы! на самой, такъ сказать, зарѣ XVIII вѣка властный голосъ царя Петра произнесъ надъ ней свой грозный приговоръ: „погибни", за одну только неприспособленность къ новымъ условіямъ жизни епископа ея. Епископъ ссылается въ Соловки... Епископія, въ качествѣ самостоятельной единицы, упраздняется и поступаетъ въ вѣдѣніе Рязанскаго митрополита, сохраняя свою территоріальную обособленность и самое названіе Тамбовской [2]), домъ запечатывается, архіепископская ризница, всякіе архіерейскіе домовые припасы и вотчины поступаютъ въ вѣдѣніе монастырскаго приказа [3]). По властному слову Петра сразу уничтожено все, что могло напоминать ему о ненавистномъ ему е. Игнатіи, отожествившемся въ его представленіи съ Тамбовской епархіей. Представители и главные насадители культуры въ краѣ, монастыри и истинные пастыри оказались снова предоставленными самимъ себѣ, и при томъ тогда, когда они еще не успѣли какъ слѣдуетъ отдохнуть и вдохнуть въ себя силъ для новыхъ мукъ, для новыхъ битвъ, когда вслѣдствіе сильнаго пополненія народонаселенія разнаго рода утеклецами, спасавшими свои головы отъ рѣшительнаго грознаго царя, отъ нихъ требовалась по долгу пастырства особая напряженность всѣхъ силъ. Какъ свѣтлый метеоръ блеснуло на тамбовскомъ небосклонѣ кратковременное епископство и снова налегла черная, душащая тьма. Нестѣсняемые никѣмъ и

щавшіе, волей-не волей, на мѣстныхъ осѣвшихъ обывателяхъ, донимая ихъ отгономъ скота, уносомъ пожитковъ, открытымъ разбоемъ, блуднымъ дѣломъ» (Дубасовъ, VI т., 18 стр.) и отборомъ земли, что особенно примѣнялось въ отношеніи къ беззащитной мордвѣ. (Е. Оглоблинъ. «Въ Мордовскомъ краю». «Истор. Вѣст.» 1899 г.).

[1]) Подроб. свѣд. въ статьѣ С. Введенскаго: «Игнатій, Е. Тамб.», «Истор. Вѣст.» 902 г., ноябрь.

[2]) «Русскія епархіи». И. Покровскаго, 379—385.

[3]) «Извѣстія Тамб. уч. Арх. Комиссіи» XXXV в., 26 стр.

ничѣмъ противники церкви и всякой вообще порядочности старались вознаградить себя за потерянное время.

Лишенное своего епископа, безпризорное [1]), малограмотное, повально невѣжественное [2]) въ религіозной области, приходское духовенство чинило бунты, драки, площадное ругательство, вело себя зазорно и гнусно [3]), къ величайшему прискорбію истинныхъ христіанъ и неизреченной радости раскольниковъ-сектантовъ, потому что наставники послѣднихъ были хорошими грамотеями, нерѣдко тайно содержавшими въ своихъ домахъ маленькія школы, а одинъ изъ нихъ, послѣдователь Тверитинова, нѣкто Тарасъ Максимовъ, пріобрѣлъ даже въ своемъ кружкѣ славу знаменитаго проповѣдника [4]).

Наши монастыри, вслѣдствіе распоряженій грознаго царя, обязанные доставлять всѣ свои средства денежныя и провіантныя на государственныя нужды, начиная отъ содержанія гвардіи и кончая содержаніемъ большого, такъ называемаго, казеннаго овчарнаго двора, бывшаго въ Тамбовѣ [5]), влачили жалкое существованіе. Лишенные права принимать молодыхъ постриженниковъ, они остались при однихъ престарѣлыхъ и дряхлыхъ монахахъ и монахиняхъ и больныхъ, увѣчныхъ инвалидахъ [6]), опредѣленныхъ къ нимъ по царскимъ указамъ. Получая же нищенскіе оклады [7]), они помирали, какъ сами жаловались въ своихъ челобитныхъ царю, голодною смертію. О чинномъ, истовомъ исполненіи церковнаго устава, о над-

---

[1]) До 1723 г. Тамб. епархія была приписана къ Рязанской митрополіи, но обширность собственной епископіи не давала возможности митрополиту слѣдить за священно-церковно-служителями приписанной епархіи и была въ вѣдѣніи поповскихъ старостъ, облеченныхъ властью только собирать и пересылать жалобы въ духовный приказъ съ его волокитой, который, по всей вѣроятности, помѣщался въ Рязани. Съ 23 года и безъ того уже слабая регулирующая сила была отодвинута еще далѣе—мы разумѣемъ приписку Тамб. епархіи 28 февр. 1723 г. къ Синодальной области и подчиненіе ея духовной дикастеріи. («Извѣст. Тамб. уч. Арх. Ком.» XXXV в., 29 стр.

[2]) Скудоуміе нашихъ пастырей простиралось до того, что они не знали самыхъ основныхъ истинъ православной вѣры. («Извѣст. Тамб. уч. Арх. Ком.» XXXV в., 28 стр. Срав. «Изв. Арх. Ком.» XXXVIII в., 48 стр.).

[3]) Дубасовъ. «Первые опыты училищ. дѣла въ Тамбов. краѣ», «Истор. Вѣстн.» 1893 г., 53 т., 147 стр.

[4]) Дубасовъ. «Очерки Тамб. быта». «Истор. Вѣст.» 1892 г., 49 т., 662 стр. срав. II в., 105 стр.

[5]) «Извѣст. Тамб. Арх. Ком.» XXXV в. 29 стр.

[6]) Дубасовъ. «Истор. Вѣст.» 94 г., т. 57. «Тамбовскіе земцы», 165 стр.

[7]) Такъ, напримѣръ, игуменьи женскихъ монастырей получали да и то неакуратно, по 1 р. въ годъ, а простыя монахини по 25 коп., кромѣ того, по 1 четверти съ 2 четвериками ржи и столько же овса (Дубасовъ, «Тамб. земцы», «Истор. Вѣст.» 94 г., 57 т., 165 стр.).

лежащемъ, разумномъ веденіи монастырскаго хозяйства, о стройности, гармоничности вообще монастырскаго уклада жизни, при каковыхъ условіяхъ монастыри только и могутъ благотворно воздѣйствовать на приходящихъ подъ ихъ мирные кровы истерзанныхъ жизнью людей,—нельзя было и думать. Приходилось нашимъ монастырямъ, сослужившимъ русскому государству не малую службу въ XVII в., теперь отказаться отъ своихъ естественныхъ, освященныхъ исторіей, правъ—быть разсадниками свѣта Христова. Лишённые нравственной опоры въ лицѣ епархіальнаго архіерея и живо чувствуя на себѣ гнетъ свѣтской власти, они вдались въ мистицизмъ и являлись разсадниками неправыхъ мнѣній, какъ это было съ Трегуляевскимъ монастыремъ, который былъ скомпрометтированъ выходящею изъ него проповѣдью однородною съ противогосударственнымъ ученіемъ Талицкаго и Левина объ антихристѣ, иже есть Петръ I (см. объ этомъ въ изд. Есипова „Раскольнич. дѣла XVIII стол.“ и друг.) [1]).

Нравственное состояніе Тамбовской паствы было очень невысоко. Разнаго рода „утеклецы“ царскаго гнѣва пополняли собою и безъ того значительныя разбойническія шайки, хозяйничавшія въ нашихъ краяхъ, такъ что самая страна получила названіе разбойнаго края и потребовала отъ Петра высылки многочисленныхъ военныхъ командъ противъ воровскихъ людей, организаціи общественной охраны [2]).

При преемникахъ Петра Великаго нашъ край надолго оставленъ былъ правительствомъ безъ призора [3]). Съ него собирали только подати и недоимки, каковымъ вниманіемъ особенно надѣленъ былъ нашъ край въ царствованіе Анны Ивановны.

Приходское духовенство во времена послѣ Петра влачило жалкое существованіе, а при жестокомъ Биронѣ оно гибло, какъ муха въ паутинѣ [4]). О какомъ-нибудь благотворномъ вліянія его на паству не могло быть и рѣчи.

Разбойники, по словамъ И. Дубасова, собирались въ нашихъ провинціяхъ, какъ и во времена Петра партіями, человѣкъ въ сто и болѣе, на лодкахъ разъѣзжали по рѣкамъ Цнѣ, Мокшѣ, Окѣ и Волгѣ, учиняя многія грабительства и смертныя убійства [5]).

---

[1]) «Черты Рус. исторіи и быта эпохи импер. Петра II». Н. И. Барсовъ. «Истор. Вѣст.» 1891 г., 45 т., 418 стр.

[2]) Дубасовъ, I в., 15.

[3]) Дубасовъ, II, 58.

[4]) И. Экземплярскій. «Рекрутскіе наборы». Руковод. для сельск. паст. 1863 г. II, 22 стр.

[5]) Дубасовъ, III, 86—88.

Простые народы, по словамъ попа Преображенскаго г. Тамбова собора Трифона Иванова, жили у насъ въ Тамбовѣ беззаконно, Бога едва знающіе, женящіеся четвертымъ бракомъ [1]).

Лучшія времена для Тамбовской церкви начались при Елизаветѣ Петровнѣ. Въ 1758 году Тамбовская епархія оканчиваетъ свое скитальческое существованіе, снова выдѣляется въ самостоятельную административную единицу и получаетъ своего собственнаго епископа. Мрачная, въ высшей степени непривлекательная, картина ожидала нашего перваго епископа, не имѣвшаго себѣ предшественника. (59-лѣтнее запустѣніе каѳедры уничтожило всѣ труды тамбовскихъ архіереевъ XVII в.). Городъ маленькій, захудалый, малолюдный, ветхій и поразительно бѣдный [2]). Архіерейскій каѳедральный соборъ имѣлъ только все еще пока одинъ этажъ, построенный при епископѣ Питиримѣ и цѣлыхъ 59 лѣтъ разрушаемый стихіями.

Архіерейскій домъ былъ занятъ воеводскимъ архивомъ, ветхое строеніе во дворѣ архіерейскаго дома еще въ 1726 году было продано охочьимъ людямъ, съ аукціона и деньги отданы въ Синодальную казну [3]). Немного удобствъ могли представить для новаго архіерея и доставшіяся ему по наслѣдству постройки упраздненнаго Казанскаго монастыря, лежащаго около городской стѣны. Двѣ деревянныя церкви его съ тремя престолами едва стояли, небольшое зданіе (3 сажени въ длину и 3 сажени въ ширину), раздѣленное на девять келій, „отъ гнилости валилось на землю“ [4]). Вездѣ и всюду поразительное убожество и гнетущая нищета. Если теперь отъ города и дома обратить свой взоръ на паству и епархію, то и тутъ опытному глазу и чуткому сердцу не на чемъ остановиться и облегченно вздохнуть. Рѣшиться идти на такую каѳедру могъ только человѣкъ беззавѣтно преданный церкви, искренно вѣрующій въ торжество правды и чуждый какихъ-либо корыстныхъ разсчетовъ. Такимъ, по нашему мнѣнію, и былъ нашъ первый епископъ Пахомій Симанскій. Малороссъ по происхожденію [5]) и ученикъ Кіево-Могило-Заборов-

---

[1]) Дубасовъ, III, 94.

[2]) Подробныя свѣдѣнія о томъ, какую жалкую картину представлялъ изъ себя Тамбовъ въ половинѣ XVII в. см. «Изв. Тамб. Арх. Ком.» XXXII, 8 стр.

[3]) «Тамб. Епар. Вѣд.», 96 г., № 31. И. Покровскій. «Тамб. Епар. и ея предѣлы».

[4]) «Извѣстія Тамб. Арх. Ком.» XXXI в., 14 стр.

[5]) Прибавленіе къ «Вологод. Е. Вѣд.» 1869 г., №№ 14, 15, 607 стр. Суворовъ, объ іерархахъ быв. Великоустюж. епар.

ской академіи въ періодъ ея наивысшаго процвѣтанія [1]), онъ былъ человѣкомъ большого административнаго такта, практически-распорядительной сметки, сильной воли и разумно-добраго сердца. Какъ дворянинъ по происхожденію, Пахомій начиналъ свою службу на военномъ поприщѣ, но затѣмъ, не удовлетворившись этого рода дѣятельностью, онъ покидаетъ военный чинъ и постригается въ монахи и быстро начинаетъ восходить по ступенямъ іерархіи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ строителемъ Николо-Солійской пустыни, затѣмъ переведенъ въ игумены Лукьянской пустыни, откуда по времени (53 г.) былъ переведенъ въ Никитскій Переяславскій монастырь и сдѣланъ архимандритомъ. Въ томъ же 53 году, „какъ ревностный, опытный и нужный настоятель", онъ переведенъ былъ въ Іосифо-Волоцкій монастырь, гдѣ и оставался до 1758 г. Свое пребываніе здѣсь, какъ и вездѣ, Пахомій ознаменовалъ тѣмъ, что „монастырь, имѣющій не малое число вотчинъ и отъ давняго нестроенія пришедшій въ крайнюю ветхость и запустѣніе, исправилъ и возстановилъ величіе Іосифской обители". Его управленіе монастыремъ характеризуется, какъ строгое управленіе, тяжелое для людей непорядочныхъ. Строгій къ другимъ, онъ строгъ былъ и къ себѣ, ничего не позволялъ себѣ такого, что могло бы его компрометтировать. Его строгость къ себѣ со всей рельефностью обнаружилась по поводу одной клеветы, возведенной на него непорядочными людьми, подведшей его подъ судебное слѣдствіе. Дѣло въ слѣдующемъ. Крестьянинъ Маторинъ съ сообщниками донесъ высшему начальству, что 3 февраля 1755 г. архимандритъ ночною порою, нарядясь въ нагольный тулупъ и шапку, какъ долженъ быть мірянинъ, съ сообщникомъ своимъ Ташилаевымъ и другими, былъ въ разныхъ деревняхъ, въ которыхъ безчинствовалъ и въ ту же ночь возвратился домой, сдѣлавъ, какъ оказывалось по подсчету, 250 верстъ. Св. Синодъ, по окончаніи слѣдствія, опредѣлилъ, и чтобы архимандриту Пахомію,

---

[1]) Мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что Пахомій получилъ школьное образованіе, но намъ это кажется несомнѣннымъ. Трудно предположить, чтобы малороссъ-дворянинъ, при всеобщемъ увлеченіи Академіей, оставался чуждъ этому стремленію и, чтобы онъ, не получившій образованія, могъ въ молодыхъ сравнительно лѣтахъ (онъ былъ архим. 1753 г., умеръ 1789 г.), получить санъ архимандрита въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, въ центрѣ Россіи, и затѣмъ послѣ 1753 г., с.-петербургскимъ архіепископомъ, извѣстнымъ Сильвестромъ Кулябкой, бывшимъ въ 40 г. ректоромъ Кіевск. Академіи, могъ быть произведенъ (Хитровъ) въ епископы неустроенной, возстановленной епископіи, когда этотъ епископъ долженъ былъ быть не только хорошимъ администраторомъ, но и опытнымъ педагогомъ, способнымъ руководить семинаріей.

яко невинно оклеветанному, остаться безъ всякаго въ томъ порока, при первой своей, яко же онъ понынѣ состоитъ въ честности". Такими-то страданіями, говоритъ лѣтописецъ, прочитывавшій это слѣдственное дѣло, Богъ готовилъ святильника Тамбовской епархіи [1]).

Прибывши на каѳедру и лицомъ къ лицу представши передъ своей неустроенной паствой, Пахомій не потерялся. Размѣстившись кое-какъ съ своимъ штатомъ (7-ю іеромонахами и іеродіаконами и 2 монахами) въ зданіи Казанскаго монастыря, онъ съ ревностью принялся за выполненіе принятыхъ на себя обязанностей и заботъ. Сознавая всю тяжесть и непосильность для одного труда урегулированія жизни епархіи, 59 лѣтъ не видѣвшей своего епископа и жившей исключительно по влеченію своихъ грубыхъ инстинктовъ, преосвященный Пахомій рѣшилъ надлежащимъ образомъ устроить консисторію—этотъ органъ епархіальнаго управленія. И вотъ, по его избранію въ число членовъ этого епархіальнаго судебно-административнаго учрежденія поступаютъ трегуляевскій архимандритъ Варсонофій, нижнеломовскій архимандритъ Тихонъ, архимандритъ Сергій (очевидно изъ свиты архіерейской) и секретарь Гаврилъ Саковскій. Члены были готовы. Не было законовъ. По приказанію епископа узаконенія для рѣшенія дѣлъ о подсудныхъ и о построеніи церквей частью списаны были въ Св. Синодѣ, частью истребованы изъ духовныхъ правленій. Началось судопроизводство подъ бдительнымъ руководствомъ самого владыки, требовавшаго скораго и, главное, правильнаго рѣшенія дѣла. Когда, въ первый же годъ его службы въ Тамбовѣ, приказано было произвести разборъ священно-церковно-служителей для отдачи въ солдаты, то епископъ Пахомій самъ взялъ на себя трудъ повѣрять дѣйствія уполномоченной на то комисіи. Разборъ былъ строгій, но растворенный архипастырскимъ благоразуміемъ. Зная, какъ тяжко ложились эти рекрутскіе наборы на семьи и какъ горька была доля солдата въ то время, и не имѣя возможности какъ-нибудь иначе освободить церковь отъ лишнихъ и совершенно не нужныхъ ей лицъ, епископъ Пахомій, по согласію съ воеводами, записывалъ нѣкоторыхъ изъ церковниковъ въ число помѣщичьихъ крестьянъ, другихъ отпускалъ въ податное сословіе, нѣкоторыхъ, наконецъ, подарилъ помѣщикамъ, къ величайшей, надо полагать, радости церковниковъ [2]). Вѣдь они

---

[1]) Архивъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, дѣло на 84 листахъ.

[2]) Впослѣдствіи, именно въ 1775 г., по «всемилостивѣйшему манифесту» повелѣно было замѣшанныхъ въ пугачевскомъ бунтѣ причетниковъ вмѣсто военной службы опредѣлить въ податное сословіе. (Истор.-статист. опис. Тамб. епар. Хитровъ, 96 стр.

же и до приписи были тѣми же крестьянами-хлѣбопашцами, рабами сохи и косы. Разборъ этотъ, потребовавшій отъ комиссіи ближайшаго знакомства съ священно-церковно-служителями, да потомъ и сама жизнь открывали предъ епископомъ одну за другою тѣневыя стороны его ближайшихъ подчиненныхъ. Консисторія была завалена слѣдственными дѣлами о священно-церковно-служителяхъ. Для большей успѣшности въ рѣшеніи дѣлъ преосвященный испросилъ (1763) у Св. Синода второго секретаря—Ивана Бантышъ-Каменскаго, лично извѣстнаго ему. Строгій судъ епископа не щадилъ никого: страдалъ неисправный, не отвѣчающій своему призванію священно-церковно-служитель, страдалъ и консисторскій приказнослужитель. Наказанія извѣстныя: били рублемъ, стегали кнутомъ, не забывали пользоваться и замкомъ. Карая и исправляя необузданное грубое старое духовенство, владыка особенно былъ строгъ къ новымъ ставленникамъ. Прежде чѣмъ поставить кого-либо во священника или діакона, онъ заставлялъ ихъ выучиться чтенію, пѣнію и отправленію богослуженія. Тѣ, кто сопротивлялись рѣшенію епископа и оказывали мало успѣховъ, по нѣсколько лѣтъ проживали въ Тамбовѣ на своемъ содержаніи, работая въ свободное отъ богослуженія время на архіерейскій домъ, копая рвы и канавы, вбивая сваи на рѣкѣ, гоняя лѣсъ изъ Трегуляева по рѣкѣ и т. п.

Само собою понятно, что всѣ эти мѣры строгости епископа не могли и не нравились нашимъ духовнымъ, и они, естественно, скоро стали чувствовать къ нему ненависть.

Близость же въ былое время нашего духовенства къ народу и сбродность этого послѣдняго, среди котораго нерѣдкость было встрѣтить какого-нибудь прорвавшагося или пропившагося бѣглеца-крючкодѣя, породили то, что всѣ эти обиженные нашли дорогу въ С.-Петербургъ. Запасшись витіеватымъ, лживымъ прошеніемъ [1]) (среди нашихъ сбродниковъ всегда бывали довольно витіеватые писаки всякаго рода жалобъ, кляузъ, прошеній и т. п. скандальныхъ бумагъ), они отправлялись въ Синодъ просить на деспотичнаго епископа. Синодъ по какой-то странной, непонятной причинѣ дѣлалъ постановленія, согласныя съ просьбой, безъ предварительнаго слѣдствія и такимъ образомъ только разжигалъ огонь взаимной розни между пастырями и ихъ епископомъ.

Исправляя старыхъ и подготовляя новыхъ священно-церковно-служителей при своемъ монастырѣ, мудрый владыка видѣлъ, что это

---

[1]) «Въ то время, говоритъ гр. Саліасъ, было обычно, чтобы подающій просьбу прибѣгалъ къ преувеличенію и ко лжи». (Саліасъ. «Русск. Вѣстн.» 76 г., 112 стр.).

средство не надежно, что оно можетъ быть терпимо только въ качествѣ временнаго. Для образованія кандидатовъ священства необходимо основать и учредить семинарію. И вотъ онъ съ рѣшимостью и благоразуміемъ, достойными похвалы, берется за это дѣло. Какъ власть имѣющій, онъ могъ распорядиться, чтобы приходскія церкви представили 1/30 всѣхъ своихъ доходовъ на семинарію, но, какъ человѣкъ добраго сердца, онъ облагаетъ всѣ церкви по 1 к. съ двора, имѣя за собой синодскій указъ въ Крутицкую епархію отъ 1739 г. и указъ нижегородскаго епископа Өеофила Чернутскаго [1]). Участвовали ли монастыри во взносѣ денегъ на семинарію, первый исторіографъ Тамбовской епархіи не говоритъ, но надо полагать: отъ зоркаго глаза дѣятельнаго епископа не укрывались и они, и платили, какъ и вездѣ, 1/20 часть своихъ доходовъ. Благодаря энергичному дѣйствованію епископа къ 1764 году,—году секуляризаціи церковныхъ имуществъ, когда воспрещены были уже всякіе сборы съ духовенства и монастырей на школы,—собрано было 1.984 рубля. Изъ Трегуляевскихъ дачъ привезено 1000 брусьевъ лѣсу; приготовлено множество тесу [2]).

Собирая и готовя необходимыя средства и матеріалы для постройки семинаріи, Пахомій одновременно съ тѣмъ сталъ хлопотать передъ городомъ объ отводѣ мѣста подъ семинарію. „На тѣсной усадьбѣ Казанскаго монастыря при архіерейскомъ домѣ не оказалось мѣста для семинаріи. Епископъ Пахомій облюбовалъ для нея очень удобное мѣсто между бывшимъ Казанскимъ монастыремъ и городскою крѣпостью по берегу рѣки Цны. Мѣсто это, не болѣе 70 саженъ длины и 50 ширины, было застроено обывательскими домами—тутъ жили разночинцы. Епископъ Пахомій вошелъ съ ходатайствомъ въ Тамбовскую провинціальную канцелярію и коллегію экономіи очистить удобное для постройки семинаріи мѣсто. Но, несмотря на то, что у города было много мѣста, куда можно свести разночинческое населеніе, провинціальная канцелярія оказалась очень невнимательной къ просьбѣ епископа и пользѣ просвѣщенія. Она не только не дѣлала распоряженій въ смыслѣ просьбы владыки, но даже не сочла нужнымъ отвѣтить ему. Только нѣкоторые изъ обывателей, понявъ серьезность и важность предпринимаемаго дѣла, добровольно переселились на новыя мѣста, другіе остались на прежнихъ мѣстахъ, такъ что преосвященному Пахомію и на этотъ разъ пришлось обращаться въ Св. Синодъ, и Св. Синодъ писалъ Сенату“ [3]). Мы не

---

[1]) «Дух. школы въ Россіи». П. В. Знаменскаго, стр. 230.

[2]) Хитровъ. «Историко-статистическое описаніе Тамбовской епархіи», 1861 г., 83 стр.

[3]) «Тамб. Епар. Вѣд.» 96 г., № 31, стр. 774. «Тамб. Епар. и ея пред.». И. Покровскаго.

знаемъ, чѣмъ кончилась эта переписка, намъ только извѣстно, что впослѣдствіи, при епископѣ Ѳеодосіи, при учрежденіи семинаріи, пришлось снова хлопотать объ отводѣ мѣста, какое и было отведено въ противоположной избранному Пахоміемъ мѣсту сторонѣ, на ямахъ и оврагахъ.

Въ то время, какъ энергичный епископъ въ Тамбовѣ готовилъ все необходимое для открытія и устройства зданія семинаріи, въ Москвѣ въ Славяно-Греко-Латинской академіи воспитывалось двое молодыхъ людей [1]), съ выдачею имъ жалованія отъ тамбовскаго епископа по 25 руб. въ годъ—этихъ первыхъ учителей учреждаемой семинаріи. Къ сожалѣнію, роковой 1764 годъ положилъ конецъ всѣмъ хлопотамъ, довольно сильно уже разошедшагося съ подчиненнымъ духовенствомъ епископа. Сборовъ дѣлать было нельзя—воспрещено, да недовольное духовенство и не дало бы, штаты не положены. Съ наличными деньгами и матеріалами при отсутствіи даже опредѣленнаго усадебнаго мѣста дѣлать было нечего и по необходимости приходилось утѣшаться однѣми надеждами...

Несравненно плодотворнѣе была работа нашего епископа по упорядоченію и устройству своей резиденціи—Казанскаго монастыря. Являясь полнымъ хозяиномъ доставшагося ему монастыря, избавленнымъ отъ всякаго сторонняго вмѣшательства, онъ сразу поставилъ дѣло устройства монастыря на твердую почву и во всей полнотѣ проявилъ свои хозяйственныя и настоятельскія способности. Зная, что бѣдное духовенство и нищенствующій народъ не можетъ дать необходимыхъ ему для того средствъ, онъ рѣшилъ привлечь къ этому дѣлу богачей-помѣщиковъ. И, вѣроятно, благодаря имъ [2]), главнымъ образомъ, онъ, принятый имъ ветхій монастырь въ теченіе

---

[1]) Мы не знаемъ, кто были эти молодые люди, не знаемъ и того, что сталось съ ними и по необходимости приходится строить догадки и предположенія на этотъ счетъ. Намъ думается, что двое молодыхъ людей, воспитывавшихся въ Славяно-Греко-Латинской академіи, были изъ питомцевъ сосѣднихъ семинарій Владимірской (открытой въ 1750) и Суздальской или Воронежской (открытой въ 1745), вслѣдствіе новаго распредѣленія епархій, отошедшихъ къ Тамбов. епар. Извѣстно, что въ 1758 г. Тамб. епар. была возобновлена не въ тѣхъ территоріальныхъ границахъ, въ которыхъ она существовала съ открытія ея въ 1682, а съ присоединеніемъ къ ней нѣкоторыхъ городовъ съ уѣздамя отъ сосѣднихъ епархій. Такимъ образомъ къ ней отчислены: отъ епархіи Воронежской—Добринскъ, отъ Владимірской—Краснослободскъ, отъ Суздальской—Темниковъ, Керенскъ, Наровчатъ, Верхній Ломовъ и Нижній Ломовъ, отъ другихъ пограничныхъ—Троицкъ и Корсунь. (Хитровъ, 2 стр.).

[2]) Множество колоколовъ, напримѣръ, по свидѣтельству И. И. Дубасова, было отлито на средства *«доброхотныхъ подателей»*.

нѣсколькихъ лѣтъ преобразилъ въ весьма красивый, благоустроенный городокъ, составившій лучшее украшеніе непригляднаго Тамбова. Все доставшееся нашему епископу по наслѣдству было разрушено, и воздвигнуты новыя зданія. Явились новыя крѣпкія деревянныя церкви и среди нихъ величественная Предтеченская *теплая* церковь [1]), которой, по волѣ епископа, предназначалось, видимо, играть роль каѳедральнаго собора.

„Въ полную гармонію и симметрію съ названной церковью, возвышалась Казанская колокольня, имѣвшая видимо, монументальный, величественный видъ. На одной изъ сторонъ ея красовались боевые часы—диво-дивное для тогдашняго Тамбова, со сводовъ ея вечерней и утренней порой лилось море звуковъ, извлекаемыхъ опытной монашеской рукой изъ множества колоколовъ (самый большой вѣсилъ 731 пудъ—цифра внушительная для того времени)".

Другую группу симметрическихъ зданій составляли архіерейскій домъ и консисторія. Оба эти зданія были расположены другъ противъ друга. Первый представлялъ изъ себя обширные покои съ двумя флигилями, послѣдняя—зданіе, занимающее въ длину 16 саженъ.

Всѣ зданія были раскрашены разными красками, что, взятое вмѣстѣ съ двумя фруктовыми садами, разведенными около архіерейскаго дома, и раскрашенной монастырской оградой, придавало особенную прелесть монастырьку [2]).

Внѣшнему изяществу монастыря соотвѣтствовала внутренняя его благоустроенность. Церкви монастыря стали обзаводиться хорошей утварью и ризницей. Явились богатыя облаченія, парчевыя и шелковыя,—дорогія Евангелія и сосуды. Все это вмѣстѣ съ торжественными архіерейскими служеніями [3]), сопровождавшимися ви-

[1]) Насколько величественна была эта церковь, можно судить отчасти уже по тому одному, что при тогдашней дешевизнѣ на нее пошло строительныхъ матеріаловъ на 2.342 р. 50 коп.

[2]) Описаніе монастыря взято изъ краткой замѣтки И. И. Дубасова по поводу описи Казанскаго монастыря, относящейся къ 1764 году. «Извѣст. Тамб. учен. Арх. Комиссіи» XXXI в., 14 стр., срав. «Изв. Арх. Ком.» III в., стр. 29.

[3]) О томъ, что преосвящ. Пахомій любилъ торжественныя церковныя служенія, можно судить, какъ изъ описанія его встрѣчи въ Устюгѣ (о чемъ рѣчь ниже), такъ и изъ того, что въ Устюгѣ имъ были учреждены крестные ходы вокругъ Успенскаго собора и архіерейскаго дома въ понедѣльникъ, среду и пятницу Пасхальной недѣли, уничтоженные, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, послѣ его удаленія съ названной каѳедры. (Прибав. къ «Вологод. Е. Вѣд.» 1874 г., № 2, стр. 67 «Устюжскій лѣтописецъ», имѣющій заглавіе: «Списокъ съ лѣтописца г. Устюга Вел., составл. изъ лѣтописца же Устюж.-

тіеватыми, неслыханными дотолѣ тамбовцами, проповѣдями [1]), доставляло тамбовцамъ истинное, религіозное наслажденіе, привлекая все большее и большее число расположенныхъ къ епископу и благоустроенному имъ монастырю.

„Монастырь, читаемъ мы въ краткой замѣткѣ И. И. Дубасова по поводу описи Казанскаго монастыря, относящейся къ 1764 году, своимъ *богослужебнымъ* укладомъ, подъ надзоромъ самого епархіальнаго епископа, сталъ больше и больше, годъ отъ году, привлекать къ себѣ богомольцевъ“ [2]).

Въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ, жившимъ при Казанскомъ монастырѣ, преосвященный Пахомій былъ добрымъ заботливымъ хозяиномъ. „Своими крестьянами, читаемъ мы только-что въ цитированной замѣткѣ Дубасова, монастырь, видимо, дорожилъ. Онъ никогда не продавалъ ихъ и не получалъ за то ни копѣйки. Крестьяне отбывали умѣренную барщину и только. Никакихъ денежныхъ и вещественныхъ сборовъ масломъ, яйцами, медомъ и холстомъ съ нихъ не брали. Если же случалась экстренная и сверхположенная работа, то крестьянамъ за это платили по 10—15 коп., смотря по работѣ [3]). Отъ этого казанско-монастырскіе крестьяне сравнительно благоденствовали. У нихъ были избы со стекольчатыми окончинами, просторныя и теплыя, и всѣ они были сыты и одѣты и ничѣмъ не обижены“.

Въ 1764 году, однако, произошло сильное недоразумѣніе между епископомъ Пахоміемъ и его крестьянами. Дѣло въ слѣдующемъ. 26 февраля 1764 года состоялось утвержденіе штатовъ для монастырей. Въ силу положенія этихъ штатовъ архіереямъ третьеклассныхъ епархій (каковою была и Тамбовская) разрѣшалось имѣть при себѣ по 46 человѣкъ служителей изъ крестьянъ ближайшихъ къ архіерейскому дому монастырей, но предоставлялось архіереямъ

Успенскаго собора свящ. Львомъ Вологдинымъ и Императ. Спб. акад. наукъ корреспондентомъ штабъ-лѣкаремъ Яковомъ Фризомъ, дополненный изъ сотной писцовой книги и разными любопытныхъ гражданъ другими записями съ 1212—1822 гг.»).

[1]) При архіерейскомъ домѣ былъ спеціальный проповѣдникъ іеромонахъ Іосифъ, родомъ изъ Кіева, бывшій впослѣдствіи—послѣ учрежденія штатовъ въ 1764 г.—игуменомъ Козловскаго Троиц. монастыря. («Церковно-историческій сборникъ», кн. 9. «Историческое опис. Троиц. Козл. мон.» 1849 г.).

Послѣ названнаго Іосифа въ роли проповѣд. видимъ свящ. Александра Полянскаго (Дубасовъ, 40 стр., III, 150).

[2]) «Извѣстія Тамб. Арх. Ком.» в. XXXI, стр. 15.

[3]) Цѣна очень высокая по тому времени. Третій епископъ тамбовскій Ѳеофилъ въ самомъ концѣ XVIII в. нанималъ свободныхъ поденщиковъ для семинаріи, копать землю по 5 коп. на день.

право оставлять и изъ бывшихъ служителей тѣхъ, которыхъ архіерей пожелаетъ. При домѣ преосвященнаго Пахомія были служителя изъ Никольскаго Чернѣева монастыря, приписаннаго къ архіерейскому дому, хотя и не ближайшаго къ архіерейскому дому. Преосвященный Пахомій пожелалъ оставить 46 человѣкъ изъ прежнихъ служителей, о чемъ чрезъ консисторію и заявилъ въ коллегію экономіи. Но кто-то наговорилъ крестьянамъ, что они теперь свободны и могутъ отправляться къ своимъ родичамъ, на земли Чернѣева монастыря. Крестьяне повѣрили обману и ушли всѣ изъ Тамбова. Епископъ донесъ о побѣгѣ въ коллегію экономіи, а та сдѣлала распоряженіе о высылкѣ бѣглецовъ. Отвѣты получались печальные: или не находили бѣглецовъ, или взятые они убѣгали съ дороги. Въ своемъ донесеніи о побѣгѣ съ дороги шацкій экономическій казначей, нѣкто прапорщикъ Всеволожскій, такъ, напримѣръ, писалъ консисторіи. Служители архіерейскаго дома отбились отъ посланной имъ команды, состоявшей изъ помощника его Спѣсивцева, присланнаго изъ Тамбова вахмистра, солдатъ и пристойнаго числа старостъ и рядовыхъ крестьянъ, и съ немалымъ крикомъ объявили, что они въ Пилатовскій домъ, къ его преосвященству Пахомію, не пойдутъ и указовъ коллегіи экономіи, и посланной изъ Тамбовской канцеляріи команды, и данной вахмистру инструкціи не слушаютъ. Отойди де ты, вахмистръ съ командой, прочь, мы васъ побьемъ до смерти и побросаемъ въ рѣку Цну, пропадете замѣсто собаки, а помощника Спѣсивцева изрѣжемъ въ мелкіе куски и наѣдимся его нечистаго мяса. Да въ томъ же азартномъ ополченіи поносили казначея и ругали всякими скверными непотребными словами. Если бы да оный казначей Всеволожскій въ ихъ азартѣ сегодня былъ, то они знали бы, что съ нимъ дѣлать, пересталъ бы онъ съ архіереемъ переписку имѣть, только де Богъ отъ ихъ рукъ его укрываетъ“.

Въ іюнѣ 1766 года всѣ крестьяне, оставленные Пахоміемъ въ качествѣ служителей, были возвращены въ Казанскій монастырь. Когда они явились въ архіерейскій домъ, то подали преосвященному Пахомію просьбу на казначея Всеволожскаго, помощника его Спѣсивцева, вахмистра Прибылова и бурмистра Киселева о возвращеніи имъ взятыхъ названными лицами съ каждаго изъ нихъ денегъ. Въ просьбѣ своей они объяснили, что когда они отправлены были въ Тамбовъ съ присланнымъ изъ архіерейскаго дома стряпчимъ и отъ него съ дороги бѣжали, то сдѣлали это потому, что Всеволожскій при отдачѣ ихъ стряпчему и именно приказалъ: „когда де вы изъ города (Шацка) выйдете, то идите де на всѣ 4 стороны, куда хотите“. А они по побѣги жили въ своихъ домахъ, о чемъ де не токмо оный управитель вѣдалъ и всякія подати съ

нихъ бралъ, но и шацкая провинціальная канцелярія знала, токмо какъ оная канцелярія, такъ и объявленный казначей не знамо чего ради, ихъ не высылали, и они къ тому никакого подтвержденія не имѣли, а объявили де вмѣсто ихъ въ ту канцелярію другихъ крестьянъ, точію самыхъ малыхъ и ни къ какой должности еще не способныхъ, да сверхъ того изъ нихъ тѣхъ 6 человѣкъ, которые имъ *ничего не дали*". Преосвященный чрезъ консисторію сообщилъ указомъ обо всемъ томъ шацкой канцеляріи. Послѣдняя, заслушавъ указъ консисторіи, нашла возможнымъ для себя сдѣлать только постановленіе: запросить консисторію, по какимъ указамъ оная консисторія начала въ шацкую провинціальную канцелярію писать указами, а прежде писала промеморіями? Ежели о томъ указъ вновь въ тою консисторію присланъ, то съ онаго о присылкѣ точной копіи отписать" [1]).

Объединяя все сказанное о дѣятельности преосвященнаго Пахомія, мы невольно приходимъ къ мысли, что это былъ одинъ изъ дѣятельныхъ епископовъ 1/2 XVIII в. и если бы онъ былъ понятъ высшимъ духовнымъ начальствомъ, былъ поддержанъ, ободренъ, а не исторгнутъ насильственно изъ сродной ему стихіи и, такимъ образомъ, не былъ обреченъ на нравственное одиночество, онъ сдѣлалъ бы очень и очень много для нашего края, и кто знаетъ, можетъ быть, на цѣлое десятилѣтіе ранѣе, а можетъ быть, и болѣе, далъ бы возможность увидѣть правильно-организованное училище. Но, повторяемъ, дѣятельный епископъ не былъ понятъ, не встрѣтилъ себѣ сочувствія и поддержки въ правительственныхъ сферахъ, напротивъ того, всѣ прошенія и кляузы на него со стороны разсерженнаго тамбовскаго духовенства были приняты къ свѣдѣнію и доставили виновнику ихъ переводъ на другую каѳедру, къ великому огорченію всѣхъ благомыслящихъ людей Тамбовской епархіи, тщетно просившихъ возвратить имъ любимаго ими пастыря, особенную цѣну котораго они, очень можетъ быть, ощутили тотчасъ послѣ его удаленіи изъ Тамбова [2]). Убѣдившись окончательно, можетъ быть, даже изъ личныхъ объясненій въ Синодѣ, по поводу взводимыхъ на него обвиненій, что онъ не въ состояніи за-

---

[1]) «Извѣст. Тамб. Арх. Ком.» в. X, изд. 1886 г., стр. 44—46.

[2]) По почину товарища тамб. воеводы, секундантъ-маіора Ивана Тарбѣева, духовные и свѣтскіе сановники, въ количествѣ 106 человѣкъ подали прошеніе въ Св. Синодъ, въ которомъ, указывая на достоинства любимаго епископа, просили его возвращенія. Прошеніе не только не было уважено, но подвергло просителей наказанію: свѣтскіе были преданы суду Прав. Сената, духов. наказаны особымъ образомъ. («Ист. стат опис. Тамб. епар.» Хитровъ, 87 стр.).

щитить себя, не въ состояніи убѣдить своихъ судей въ чистотѣ своихъ дѣйствій и разумности плановъ, епископъ Пахомій, сгоряча, рѣшилъ навсегда распроститься съ ролью администратора, желая тѣмъ самымъ обратить вниманіе своихъ судей на необдуманность рѣшенія. Прибывши на мѣсто новаго своего служенія, преосвященный Пахомій съ особенной торжественностью вступилъ въ свой каѳедральный соборъ [1]), ясно давая понять своимъ подчиненнымъ, что онъ архіерей, а не заточникъ, какъ это имъ могло казаться на первый взглядъ. Все свое краткое временное пребываніе онъ посвятилъ на устройство церкви въ честь своего ангела хранителя и упорядоченіе консисторіи. Освятивши церковь, епископъ Пахомій, какъ нѣкогда Никонъ, самъ отказался отъ каѳедры и переселился въ Московскій монастырь, сначала Ново-Спасскій [2]), а потомъ Андроніевскій, гдѣ и провелъ остатокъ своихъ дней.

Но и въ мѣстахъ своего добровольнаго заключенія, какъ и на Тамбовской и Устюжской каѳедрахъ, епископъ Пахомій является предъ нами человѣкомъ церковнымъ, любящимъ уставность и благолѣпіе храмовъ и къ тому же человѣкомъ отзывчиваго сердца. Въ бытность свою на покоѣ въ Андроніевскомъ монастырѣ своемъ устроилъ колоколъ въ 835 п. 20 ф., а по кончинѣ своей (5 мая 1789 г.) завѣщалъ на благоустройство его 5.000 руб. [3]). Кромѣ того,

---

[1]) Вотъ какъ описываетъ вступленіе преосв. современный ему лѣтописецъ. Преосв. Пахомій прибылъ въ Устюгъ ночью на 4-ое марта и остановился ночевать за р. Сухоною, въ 4 верст. отъ города, въ деревнѣ Олбовѣ, гдѣ встрѣтили его экономъ, казначей и крестовый іеромонахъ архіер. дома. На другой день, 4-го марта, по *распоряженію преосвященнаго*, во всѣхъ церквахъ Устюга совершены были раннія литургіи, послѣ которыхъ все духовенство собралось въ Успенскій соборъ. Когда владыка двинулся изъ Олбова, во всѣхъ церквахъ города начали звонъ во всѣ колокола и въ то же время духовенство въ крестномъ ходѣ изъ Успен. собора отправилось къ Рождественской церкви. По прибытіи въ эту церковь владыко облачился «во весь архіер. чинъ» и потомъ шествовалъ съ крестнымъ ходомъ въ Успенскій соборъ, въ которомъ и совершалъ первую литургію». Прибавленіе къ «Вологод. Е. Вѣд.» 1869 г. №№ 14, 15. Объ іерархахъ бывшей «Велико-Устюжской епархіи», Суворовъ, стр. 607.

[2]) О пребываніи преосвящ. въ Ново-Спасскомъ монастырѣ мы ничего не знаемъ. Къ сожалѣнію, не могли повѣрить даже того краткаго замѣчанія о его пребываніи тамъ, что будто бы онъ ознаменовалъ свое пребываніе тамъ, отлитіемъ нѣсколькихъ колоколовъ, какое дѣлаетъ прот. Хитровъ, ссылаясь на Истор. Рос. Іерархіи («Истор.-стат. опис.» 85 стр.).

[3]) Мы не знаемъ, въ какомъ году переселился преосв. Пахомій въ Андроніевскій монастырь, не знаемъ также и того, какую роль игралъ онъ тамъ. Оффиціально онъ не состоялъ настоятелемъ монастыря, но фактически, надо полагать, былъ имъ. И вотъ почему. Извѣстіе о пожертвованіи колокола относится къ 1779 г. Если теперь принять во вниманіе характеръ преосв.,

30.000 по духовному завѣщанію оставилъ онъ на Екатерининскую больницу и остальные 296 руб. въ распоряженіе высокопреосвященнаго митрополита Платона.

Погребенъ онъ въ придѣлѣ св. Андроника въ Спасскомъ монастырѣ, въ сѣверо-западномъ углу, въ приготовленной еще при жизни могилѣ.

Высказываемый нами взглядъ на епископа Пахомія рѣзко (до противоположности) расходится со взглядомъ на него священника Георгія Хитрова, высказаннымъ имъ въ „Историко-статистическомъ описаніи Тамбовской епархіи“, напечатанномъ въ 1861 году, и И. Дубасова, высказаннымъ въ статьѣ: „Къ исторіи Тамбовской церкви“, напечатанной въ 1 выпускѣ его „Очерковъ“, въ 1883 году. Тотъ и другой характеризуютъ Пахомія какъ человѣка очень недалекаго въ умственномъ отношеніи, жестокаго и корыстолюбиваго. Фактовъ, неоспоримо утверждающихъ ихъ сужденія, они не приводятъ, есть только глухія ссылки на указы, насланные изъ Синода, фактическая сторона которыхъ, за отсутствіемъ формальнаго слѣдствія надъ епископомъ, можетъ быть легко оспариваема. Архивъ тамбовской консисторіи совершенно не имѣетъ дѣлъ, могущихъ имѣть какое-либо значеніе для характеристики Пахомія, не сохранились даже тѣ синодскіе указы, на которые ссылается Хитровъ и вслѣдъ за нимъ Дубасовъ.

Новыя данныя, добытыя нами о Пахоміи, исключаютъ возможность согласованія ихъ съ указанными характеристиками Пахомія. Въ виду всего этого, мы рѣшили не полемизировать съ названными авторами, а изложить положительный свой взглядъ на него, предоставивъ самимъ читателямъ заключать о личности Пахомія. Для облегченія труда читателей, вниманію ихъ здѣсь предлагаются характеристики, сдѣланныя названными авторами съ *сохраненіемъ всѣхъ ссылокъ на документы.*

„При разсмотрѣніи поведенія священноцерковнослужителей, чи-

именно любовь его къ торжественности церковной, то думается, не будетъ ошибкой предположить, что этотъ подарокъ былъ сдѣланъ имъ въ началѣ своего пребыванія въ названномъ монастырѣ. А если такъ, то не будетъ, думается, ошибкой предположеніе, что ему же принадлежитъ иниціатива и веденіе дѣла (хотя не посредственное) по благоустройству монастыря. Дѣло въ томъ, что на эти годы, годы пребыванія въ монастырѣ еп. Пахомія, падаютъ извѣстія о правильной систематической реставраціи монастыря. Въ 1777 г. изъ коллег. экон. отпущено 500 руб. на возобновленіе теплой церкви съ трапезой, 78 г.—500 для поправки кровли надъ братскимъ корпусомъ и возобновленіе настоятельскихъ покоевъ; 1779—500 руб. на поправку монастыря.

таемъ мы у Хитрова, открылось между ними множество порочныхъ. Виновные, еще прежде изслѣдованія ихъ вины, были внезапно схватываемы консисторскими служителями, которые несчастныхъ привозили въ кандалахъ въ консисторію, не забывъ захватить въ домахъ ихъ вольную плату за труды и подводу. Если консисторія въ то же время не отпускала ихъ домой, то непремѣнно они поступали или въ консисторскій тюремный домъ на неопредѣленное время, или были отправляемы въ воеводскую канцелярію для причисленія ихъ въ податное сословіе. Заключенные изъ-подъ крѣпкой стражи военной не могли приносить никакого оправданія; отъ нихъ и не принимались никакія объясненія епископомъ Пахоміемъ. Въ этомъ случаѣ нерѣдко священнослужительскія жены и дочери—дѣвицы отправлялись пѣшія въ Св. Синодъ и тамъ получали справедливую защиту своимъ мужьямъ и отцамъ. Колодники выпускались и, по просьбамъ ихъ, переводимы были въ сосѣднія епархіи, а за ними слѣдовали многіе другіе изъ страха притязанія со стороны преосвященнаго (Указъ Синода 1761 г. мая и іюля). Наказанію подвергались не только люди, достойные того, но и сказавшій неосторожное слово предъ епископомъ безъ умысла, по невѣдѣнію. (Указъ Синода 1766 г. 6 ноября).

Отъ ставленниковъ предъ посвященіемъ требовались деньги на колокола отъ 10 до 50 руб. съ человѣка (епископъ Пахомій имѣлъ сильную страсть къ колоколамъ). Кто не давалъ всей требуемой суммы, тотъ или получалъ отказъ въ посвященіи, или поступалъ послѣ плетей подъ консисторскую стражу на неопредѣленное время. Эти ставленники, поступали ли они на мѣста причетническія или священническія, проживая въ городѣ на собственномъ содержаніи иногда годовъ по 5, рыли вмѣстѣ съ подначальными причетниками подлѣ Казанскаго монастыря рвы, настилали ихъ дерномъ, носили кирпичи на колоколитный заводъ, очищали мѣсто для конюшеннаго двора, били сваи на рѣкѣ для постройки бани, изъ Трегуляевскихъ дачъ по рѣкѣ Цнѣ на плотахъ переплавляли лѣсъ на постройку архіерейскаго дома, изъ Казанскаго монастыря возили на себѣ снѣгъ. Изнуренные работою, они доходили до крайней нищеты. Въ лохмотьяхъ явясь въ Синодъ, они испрашивали разрѣшенія на посвященіе,—и Синодъ давалъ строгія предписанія епископу Пахомію о немедленномъ посвященіи этихъ просителей, а иногда дозволялъ имъ принимать посвященіе отъ сосѣднихъ епископовъ, чтобы имъ болѣе не являться въ Тамбовъ. (Указы Синода отъ 1766 г. 6 и 10 апр.).

Когда объявлена монаршая воля объ обителяхъ (учрежденіе штатовъ для монастырей 1764 г.), Пахомій приступилъ къ исполненію ея и исполнилъ съ ревностью вѣрноподданнаго.

Такъ какъ по другимъ епархіямъ заведены были семинаріи, то и Пахомій помышлялъ объ образованіи духовнаго юношества своей паствы. Дѣятельно готовилъ матеріалы и средства на постройку семинаріи...

Деревянный домъ для жительства и при немъ церковь были готовы въ скорое время. Въ 1764 году вмѣсто вотчинъ положено жалованіе 4.232 руб. 20 коп. на домъ и консисторію. На мѣсто крестьянъ предписано избрать изъ нихъ 44 человѣка служителей, для исправленія домашнихъ работъ при домѣ. Вышла новая бѣда. Служители избраны, но разбѣжались и уже чрезъ годъ отысканы совокупными усиліями воеводскихъ канцелярій тамбовской и шацкой. Военная команда принудила ихъ къ повиновенію.

Для постройки конюшеннаго двора съ разными службами послѣ неоднократныхъ понужденій со стороны военной канцеляріи были сведены съ монастырской земли нѣсколько дворовъ Покровской слободы.

Епископъ Пахомій чѣмъ далѣе жилъ въ Тамбовѣ, тѣмъ болѣе ослабѣвалъ союзъ его съ паствою. Незаконное отлученіе отъ церкви значительныхъ лицъ по одной личной мести (Указъ Синода 760 г. 19 іюня), пристрастное рѣшеніе слѣдственныхъ дѣлъ, изъ которыхъ иныя поэтому переслѣдовались въ другихъ епархіяхъ (Указъ Синода 779 г. декаб. 24), своекорыстное удержаніе денегъ съ вѣнечныхъ памятей и изъ жалованія инвалидовъ, получавшихъ содержаніе отъ монастырей (Указъ 762 г. мар. 18), чрезмѣрно строгое обращеніе съ духовенствомъ, все это, чрезъ жалобы доходя до Св. Синода, заставило его удалить епископа Пахомія изъ Тамбова, и 14 ноября 1766 г. онъ переведенъ въ Устюгъ. Изъ Устюга на первый же годъ своего служенія епископъ Пахомій переведенъ по жалобамъ духовенства той епархіи въ Москву; сначала въ Новоспасскій монастырь, потомъ въ Андроніевъ, гдѣ и скончался въ 1789 году. Въ томъ и другомъ монастырѣ онъ оставилъ своимъ памятникомъ нѣсколько вылитыхъ имъ колоколовъ".—(„Историко-статистическое описаніе Тамбов. епархіи", 78—85). Въ іюнѣ 1758 года, читаемъ мы въ статьѣ Дубасова, къ намъ прибылъ епископъ Пахомій, оставившій по себѣ самую тяжелую память. Это былъ человѣкъ слишкомъ замѣтный по жестокости, даже и въ тѣ суровыя времена.

Онъ былъ ласковъ только къ постороннимъ людямъ, въ особенности къ помѣщикамъ. А для духовенства епископъ Пахомій былъ тѣмъ же, чѣмъ были въ его времена нѣкоторые суровые помѣщики для крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ сѣкъ священниковъ плетьми и заковывалъ ихъ въ ручные и ножные кандалы, а сыновей

и дочерей ихъ нерѣдко дарилъ или продавалъ своимъ пріятелямъ.

Во времена епископа Пахомія по епархіи разъѣзжали консисторскіе пристава. Они схватывали заподозрѣнныхъ въ чемъ-либо священнослужителей, связывали ихъ и везли на судъ и расправу въ консисторію.

Случалось, что епископъ Пахомій наказывалъ священниковъ плетьми, кандалами и консисторскою тюрьмою за какое-нибудь неосторожное или неумѣлое слово. (Указъ Синода 1766 г. 6 ноября).

Тягости тамбовскаго духовенства въ описываемое нами время выражались, между прочимъ, въ томъ, что со всѣхъ ставленниковъ брали за посвященіе взятки, отъ 10—50 руб. съ человѣка, и ихъ же епископъ Пахомій заставлялъ работать на архіерейскомъ дворѣ: рыть канавы, возить лѣсъ и кирпичи, бить сваи и зимою возить снѣгъ. Нѣкоторые ставленники несли такую барщину лѣтъ по 5.

Консисторскихъ чиновниковъ епископъ Пахомій заставлялъ приходить на службу въ 6 часу утра и за опаздываніе подвергалъ ихъ жестокимъ побоямъ, иногда собственноручнымъ, сѣкъ плетьми и держалъ подъ крѣпкимъ карауломъ, сковавъ ножными желѣзами. Вслѣдствіе этого однажды произошелъ слѣдующій замѣчательный фактъ.

10 ноября 1763 года въ Тамбовѣ была буря. Шумъ отъ вѣтра былъ такой, что консисторскіе чиновники не слыхали звона къ заутренѣ. Поэтому канцеляристы Тарховъ и Александровъ опоздали на службу и явились въ свою канцелярію въ 7 часовъ. Архіерейскіе шпіоны дали знать объ этомъ владыкѣ. Провинившихся канцеляристовъ немедленно потребовали къ Пахомію и высѣкли. Но этимъ наказаніе не ограничилось. Тархова и Александрова начали заковывать въ кандалы. Дюжіе канцеляристы стали отбиваться и произвели ужасный крикъ. Къ несчастію, этотъ крикъ былъ услышанъ въ консисторіи, и вся канцелярія, измученная существующими порядками, ринулась въ архіерейскій домъ на выручку товарищей. Преосвященный Пахомій перепугался, окружилъ себя дворнею своего гостя помѣщика Девлѣткильдѣева и приказалъ учинить колокольный набатъ. На звонъ прибѣжали пѣвчіе, монастырскіе служки, консисторскіе члены съ архимандритомъ Никономъ во главѣ и многіе городскіе обыватели...

Такимъ образомъ архипастырь былъ спасенъ, а его враговъ забрали въ провинціальную канцелярію (Москов. арх. минист. юстиціи, № 265, изъ бывшаго тамбов. уѣзд. суда).

Слухъ о дѣятельности Пахомія дошелъ наконецъ до Синода, и 14 ноября 1766 года Тамбовская епархія была избавлена отъ своего

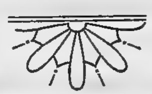
владыки. Епископъ Пахомій переведенъ былъ въ Устюгъ, а оттуда—въ Москву, въ Андроніевъ монастырь.

Памятниками тамбовскаго архипастырства епископа Пахомія въ настоящее время (1883 г.) служатъ большіе соборные и монастырскіе колокола, къ которымъ онъ имѣлъ исключительную внимательность.

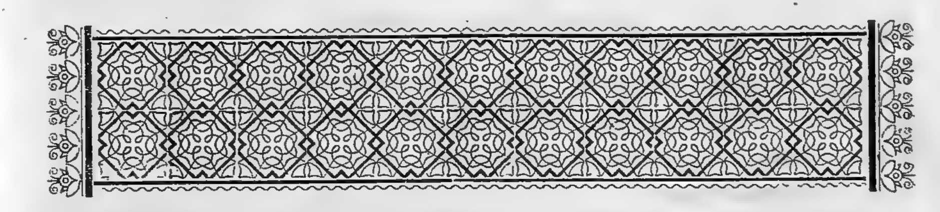
Повидимому, нашъ бывшій епископъ все величіе православія понималъ съ колокольной точки зрѣнія. Таковъ онъ былъ и въ Москвѣ [1]).

А. Нечаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) „Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края", Дубасова I в., 98—100 стр.

Изъ записокъ стараго помѣщика.

(Быль изъ прошлаго).

Въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго XIX столѣтія, когда по волѣ императора Николая I, защищая престолъ Габсбурговъ, войска наши дрались съ венграми, а русское общество съ лихорадочнымъ интересомъ слѣдило за ходомъ военныхъ дѣйствій, дамское общество въ одномъ изъ губернскихъ городовъ заготовляло для раненыхъ корпію, собираясь для этого на семейные вечера въ домѣ дворянства.

Разставленные за колоннами большого зала столы, служившіе всегда для игръ въ карты, были на этотъ разъ завалены грудой матеріала для корпіи, и къ маменькамъ и дочкамъ, усердно занимавшимся этой работой, то и дѣло присаживалась молодежь, шутливо стараясь имъ помогать.

— Ну куда вамъ браться за наше дѣло,—сказала пожилая дама подсѣвшему къ нимъ молодому совѣтнику Кочетову,—распорядитесь лучше, чтобы намъ подали чай, а то отъ корпіи одолѣваетъ кашель.

Дама эта была Александра Матвѣевна Радомина, которую заглаза называли Александрой Медвѣвной. Это была вдова, имѣвшая взрослыхъ очень умныхъ дочекъ. Жила она открыто, и у нея бывалъ весь городъ. Когда же кто-нибудь изъ мужчинъ долго не заѣзжалъ къ ней, то, увидя его изъ окна, она грозила кулакомъ, заставляя его повернуть оглобли къ ней въ ворота.

Не успѣлъ совѣтникъ исполнить это порученіе, какъ къ Радоминымъ подошелъ губернаторъ Кожуховъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, на кривыхъ ногахъ, съ большимъ хохломъ на головѣ и съ зачесанными висками впередъ. Онъ былъ въ фракѣ и со звѣздой.

— Что новенькаго скажете намъ, Матвѣй Львовичъ—обратилась, къ нему Радомина,—какъ наши дѣла за границей? и скоро ли къ намъ вернутъ артиллеристовъ, а то ужъ кавалеровъ-то у насъ много поубавилось.

Старый холостякъ Кожуховъ, глядя на ея дочекъ, улыбнулся и, подсѣвъ къ нимъ, разсказалъ объ успѣшномъ дѣлѣ венгровъ подъ начальствомъ Гергея.

— Ну, вотъ и такъ,—сказала старуха Радомина, язычка которой всѣ боялись,—воображаю, какъ обрадованы будутъ Гиргеевы; вѣдь его дѣдъ, говорятъ, былъ венгръ.

Выходка эта губернатору не понравилась, такъ какъ молодой Гергеевъ, выйдя изъ кадетскаго корпуса съ гражданскимъ чиномъ, служилъ при немъ чиновникомъ, и онъ разсказалъ тутъ же о намѣреніи Александра Сергѣевича Гиргеева отправиться въ дѣйствующую армію, шутливо добавивъ, чтобы Радомина его чиновниковъ не затрогивала, а то и у него самого языкъ какъ бритва.

Но Медвѣвна, нисколько не смущаясь, отвѣтила: „очень жаль, что не изъ татаръ, а то бы языкъ вашего превосходительства употребила въ дѣло“. Вокругъ раздался громкій хохотъ.

Не прошло и полчаса, какъ обществу уже было извѣстно намѣреніе Гиргеева отправиться на войну, и пересудамъ не было конца. Одни говорили, что онъ поссорился съ матерью изъ-за сестры, которую мать принуждала выйти замужъ за богатаго оренбургскаго полковника Фабръ, а другіе, улыбаясь, намекали на свадьбу хорошенькой Яковлевой, которую мать насильно отдаетъ за гусара Коновалова. А вѣдь какъ Гиргеевъ порхалъ съ ней на балахъ и вечерахъ; положитъ, бывало, она свою головку ему на плечо во время вальса и улыбаясь что-то шепчетъ. Сдѣлаютъ тура три по большой залѣ дворянскаго собранія, да потомъ столько же, такъ что, посадивъ ее на стулъ, оба едва отдышутся. Что же касается до мазурки, то они почти всегда танцовали ее въ первой парѣ и, чтобы разрознить эту парочку, коварныя подруги нерѣдко заранѣе брали слово у Александра Сергѣевича танцовать съ ними кадриль или мазурку.

Гиргеевъ въ эти его юные годы еще не считался женихомъ, и маменьки только охали, что онъ былъ молодъ для ихъ дочекъ, хотя онъ благодаря своей наружности при его высокомъ ростѣ всѣмъ нравился, а хорошее состояніе его еще болѣе возбуждало къ нему интересъ. Это былъ веселый жизнерадостный юноша, который хорошо танцовалъ и пѣлъ, аккомпанируя себѣ на роялѣ. Ни одинъ изъ вечеровъ, ни кавалькады, ни пикники не обходились безъ его

участія, и онъ, какъ единственный сынъ у своей богатой вдовой матери, широко пользовался и свободой, и средствами.

Губернскій городъ С. отличался тогда своими оригинальными постройками, представляя собою дворянское гнѣздо. Цѣлыя улицы и даже кварталы были застроены дворянскими домами, обнесенными съ улицы чугунными рѣшетками, и парадные подъѣзды большею частью находились со двора.

Весело жилось въ былое время семьямъ помѣщиковъ, оставлявшимъ въ С. почти всѣ доходы съ своихъ имѣній. Зимой и въ особенности во время выборовъ дворянство буквально наполняло городъ. Кто же не имѣлъ собственнаго дома, тотъ заранѣе нанималъ квартиру или нѣсколько номеровъ въ гостиницѣ, которые достать въ половинѣ сезона не всегда представлялось возможнымъ.

Хлѣбъ-соль и радушіе старыхъ помѣщиковъ были завѣтомъ ихъ предковъ и нерѣдко привлекали въ провинцію столичнаго гостя, несмотря на отсутствіе въ то время желѣзнодорожнаго сообщенія и столь трудный переѣздъ на почтовыхъ. Министерскій чиновникъ добивался въ С. казеннаго порученія, а поступающая на службу молодежь стремилась туда же на немногія въ то время бывшія должности отъ правительства. Вечера, обѣды, рауты давались на перебой радушными семействами, а многолюдные балы и маскарады переполняли залы дворянскаго собранія, въ которомъ съ особенной торжественностью всегда встрѣчался Новый годъ.

Петербургскій гость, не скрывая отрадныхъ впечатлѣній отъ простоты провинціальныхъ нравовъ и теплоты привѣта, неохотно возвращался къ натянутой жизни холодной сѣверной столицы.

Дворянство любило щеголять выѣздомъ, и рѣдкое семейство не имѣло въ городѣ двухъ каретъ и десятка цѣнныхъ лошадей, тѣмъ болѣе, что пѣшая прогулка дамъ по городу, безъ сопровожденія лакея, считалась въ провинціи предосудительной. Рысаки и лихія тройки, подобранныхъ подъ масть коней, служили выѣздомъ дворянской молодежи и предметомъ частыхъ пикниковъ и катаній съ женскимъ персоналомъ. Нерѣдко цѣлые поѣзда такихъ троекъ уносили престарѣлыхъ маменекъ съ красивыми дочками въ загородныя дачи, гдѣ, въ сопровожденіи молодежи, происходили пиры и танцы. Быстрота удалыхъ коней давала знать о себѣ прохожимъ сотнями серебряныхъ бубенчиковъ, которыми украшалась троечная сбруя лошадей прежнихъ помѣщиковъ, при чемъ главный шикъ этого украшенія заключался въ подборѣ тона голосовъ бубенчиковъ, которые, не раздражая слуха, какъ пчелки жужжали въ массѣ снѣжной пыли, сопровождавшей несущійся поѣздъ.

И хотя въ это время всѣ удовольствія были прекращены, но

общество тѣмъ не менѣе не могло не замѣтить отсутствія Гиргеева, и разгадка причины этого дала поводъ дамамъ съ слѣдующаго же дня посѣщать его мать.

Однѣ пріѣзжали для выраженія сочувствія и сожалѣнія, что ихъ дочки лишаются пріятнаго кавалера, а другія изъ любопытства узнать дѣйствительную причину этого отъѣзда. Но къ общему удивленію никто ихъ не заставалъ дома. Всѣ спрашивали другъ друга: „Видѣли вы Александра Сергѣевича или его сестру?“ и отрицательный отвѣтъ сильно возбуждалъ общее любопытство.

Въ семействѣ же Гиргеевыхъ въ это время происходили важныя событія. У Анны Семеновны просилъ руки ея дочери мѣстный богатый помѣщикъ Иваницкій, котораго тайно любила Катринъ и ждала переѣзда его изъ Петербурга въ С. Александръ Сергѣевичъ, обрадованный предстоящей свадьбой сестры и огорченный, что вслѣдствіе этого долженъ былъ отложить поѣздку въ дѣйствующую армію, проводилъ дни и вечера въ семействѣ Яковлевыхъ, гдѣ также готовились къ свадьбѣ и ждали жениха.

Юный Гиргеевъ и Катенька Яковлева любили другъ друга, какъ дѣти, которымъ нравилось вмѣстѣ танцовать, скакать верхомъ или кататься въ кабріолетѣ. Онъ не жалѣлъ, что она выходитъ замужъ, но имъ только жаль было разставаться, такъ какъ послѣ свадьбы она должна была уѣхать въ другую губернію. Когда пріѣхалъ гусаръ Коноваловъ и юные друзья замѣтили, что ему не нравились частыя посѣщенія Александра Сергѣевича, то послѣдній у Яковлевыхъ пересталъ бывать, но за то день свадьбы Гиргеевъ весь провелъ у нихъ и передъ вѣнцомъ самъ надѣвалъ бѣлый атласный башмачекъ на Катеньку и, убравъ ея головку живыми цвѣтами, крѣпко при матери ее поцѣловалъ. Встрѣтился онъ съ Катенькой затѣмъ черезъ двадцать лѣтъ, когда она выдавала замужъ такую же свою хорошенькую дочку, какой была сама.

Гиргеевъ, получивъ спартанское воспитаніе того времени въ корпусѣ, сохранилъ чистоту и, проведя послѣ этого годъ подлѣ сестры и матери, не успѣлъ еще окунуться въ омутъ чувственныхъ развлеченій молодежи, почему ему и не разъ приходилось выслушивать насмѣшки кокетливыхъ барынь, которыя называли его въ глаза Іосифомъ Прекраснымъ.

Свадьба Катринъ Гиргеевой состоялась въ концѣ зимы при роскошной обстановкѣ, а съ наступленіемъ лѣта проводили и Александра Сергѣевича вмѣсто Венгріи на Кавказъ.

Въ домѣ Иваницкихъ въ день отъѣзда Александра Сергѣевича многолюдное общество было приглашено на завтракъ, послѣ котораго начались трогательныя сцены его прощанія съ матерью и

Иваницкими, и не только они, но и многія дамы его благословляли и цѣловали. Къ подъѣзду былъ поданъ дормезъ, запряженный четверикомъ почтовыхъ лошадей, съ лакеемъ на козлахъ, и Гиргеевъ, крестясь и напутствуемый крестнымъ знаменемъ вслѣдъ отъѣзжавшаго экипажа, взволнованный и растроганный, быстро уносился на новую жизнь и неизвѣстное будущее.

Черезъ три недѣли безостановочной ѣзды Гиргеевъ былъ уже во Владикавказѣ, гдѣ, остановившись въ единственной гостиницѣ, сдѣлалъ визиты нѣсколькимъ военноначальникамъ, и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были семейные, то, познакомившись съ ними, сталъ у нихъ бывать. Особенно онъ былъ обласканъ начальникомъ Владикавказскаго военнаго округа, который пригласилъ Гиргеева во все время пребыванія его во Владикавказѣ у него обѣдать. Семейство его заключалось изъ жены и двухъ свояченицъ, изъ которыхъ младшая Любочка была очаровательная блондинка, стройная, высокаго роста и съ кудрявой головкой. Другое семейство командира артиллерійской батареи Апачинина было также не менѣе интересно, и онъ женатый на грузинской княжнѣ былъ гостепріименъ до крайности, почему Гиргееву и приходилось бывать у нихъ поочередно.

Дамское общество во Владикавказѣ было въ то время очень малое и заключалось, кромѣ семействъ этихъ начальниковъ, еще изъ двухъ—трехъ военныхъ барынь.

Жена этого батарейнаго командира Варвара Яковлевна, по-грузински Бабали, маленькая, худенькая брюнетка, хотя и не была красавицей, но до крайности интересной. Сядетъ, бывало, она въ своей уборной передъ каминомъ и, протянувъ крошечныя ножки на рѣшетку, заставитъ горничную расчесывать свои до полу длинные волосы, а милѣйшій супругъ ея Алексѣй Петровичъ въ своей неизмѣнной черной ермолочкѣ, похаживая, покуриваетъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ.

Тепло и уютно всегда чувствовалось въ этой семьѣ. Къ обѣду собирались офицеры его батареи, и появлялась жившая у нихъ юная и чрезвычайно скромная сестра хозяйки, совершенная блондинка княжна Сопико; а иногда приходила и другая сестра Като, жена инженернаго капитана. Въ это же время пріѣхалъ во Владикавказъ командиръ Кабардинскаго полка полковникъ князь Барятинскій, человѣкъ высокаго роста и сильнаго сложенія. Онъ одѣвался щеголевато, носилъ лаковые щиблеты и воротнички снѣжной бѣлизны. За Бабали онъ сильно ухаживалъ и вообще въ семействѣ Алексѣя Петровича держалъ себя очень просто. Встанетъ, бывало, на стулъ и займется исправленіемъ стѣнныхъ часовъ, а въ день

рожденія хозяйки помогалъ ей разставлять столы и сортировать закуски и вина. Во время же обѣда упросилъ Бабалю снять съ ножки атласный башмачекъ, изъ котораго и выпилъ шампанское за ея здоровье. Примѣру Барятинскаго послѣдовали всѣ офицеры, но когда очередь дошла до Гиргеева, то онъ съ юношеской непринужденностью просилъ разрѣшенія хозяйки выпить шампанское изъ бокала. Разрѣшеніе, конечно, послѣдовало, но Барятинскій замѣтилъ ему, что это не любезно, а смущенная Бабаля хотя и улыбалась, но видимо осталась недовольна, и только одна сидѣвшая съ нимъ рядомъ Сопико своимъ взглядомъ одобрила этотъ поступокъ.

Обѣдъ кончился и, съ наступленіемъ вечера, офицеры начали расходиться, что̀ намѣренъ былъ сдѣлать и Гиргеевъ, взявъ въ руки непривычный глазу военныхъ шапо-клякъ, но Бабаля и ея мужъ просили его провести у нихъ вечеръ, сказавъ съ улыбкой, что Барятинскій съ Алексѣемъ Петровичемъ и двумя пожилыми офицерами сядутъ за карты, а Гиргеевъ въ наказаніе за свой проступокъ передъ Бабалей долженъ занимать дамъ.

Послѣ этого Бабаля, сѣвъ на козетку и показавъ возлѣ себя стулъ Гиргееву, кокетливо спросила: „вѣдь вы навѣрное думаете, что я на васъ сердита? ошибаетесь, напротивъ, мнѣ очень понравился вашъ маленькій капризъ“—и, протянувъ ему руку, добавила: „мы будемъ друзьями“. Гиргеевъ поцѣловалъ протянутую ручку и старался завѣрить, что онъ не выпилъ изъ башмачка только потому, что пили всѣ изъ него.

— А если бы вамъ одному пришлось выпить?

— Заранѣе ничего не могу сказать вамъ, но, можетъ быть, и выпилъ бы одинъ глотокъ, такъ какъ вина по молодости своихъ лѣтъ я пить еще не научился.

И дѣйствительно Александръ Сергѣевичъ вина никогда не пилъ, почему за обѣдомъ кавказскія барыни, смотря на него какъ на юношу, изъ шалости заставляли пить кахетинское изъ чайной ложки, сами вливая ему въ ротъ.

Александръ Сергѣевичъ въ этотъ разъ провелъ во Владикавказѣ болѣе мѣсяца и несмотря на такой короткій срокъ сдѣлался почти домашнимъ человѣкомъ какъ въ семействѣ Апачининыхъ, такъ и начальника округа. Они оба предлагали ему поступить къ нимъ на военную службу, но Гиргеевъ подъ предлогомъ желанія посмотрѣть Дальній Кавказъ, простился съ ними и опредѣлился юнкеромъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, квартировавшихъ на рубежѣ Большой Чечни.

Командиръ этого полка былъ нѣмецкій баронъ, и въ полку его

не любили, кромѣ весьма немногихъ избранныхъ, которыхъ онъ и приглашалъ къ себѣ обѣдать; въ числѣ послѣднихъ было двое разжалованныхъ въ солдаты поляковъ: одинъ часовой мастеръ, наблюдавшій постоянно за часами въ его домѣ, а другой—оберегавшій его здоровье врачъ.

Баронъ, какъ человѣкъ корыстный, чрезмѣрно пользовался предоставленнымъ тогда офицерамъ правомъ брать солдатъ для заготовки фуража для лошадей, отпуская каждому рабочему по пяти копеекъ въ день и по двѣ чарки водки; но офицеры могли брать для этого на работы не болѣе двоихъ. Баронъ же, подъ предлогомъ заготовки войскамъ для экспедицій, бралъ солдатъ сколько хотѣлъ и, припасая сѣна по нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ, дѣлалъ поставку его по справочнымъ цѣнамъ, наживъ такимъ образомъ въ бытность свою командиромъ полка не одну сотню тысячъ рублей, получая еще за это и благодарность.

Съ первыхъ же дней поступленія Гиргеева въ полкъ онъ пріобрѣлъ симпатіи не только юнкеровъ и офицеровъ, но даже и командира полка, который удостоилъ его приглашеніемъ къ себѣ приходить обѣдать; но Гиргеевъ, избѣгая еще незаслуженнаго вниманія, воспользовался этимъ только одинъ разъ и, удаляясь даже отъ офицерскихъ пирушекъ, всецѣло отдался службѣ, поступивъ въ роту стараго капитана, отъ котораго всѣ бѣгали какъ отъ чумы; несмотря на то, что его всѣ предупреждали о личности этого капитана, но Гиргеевъ изъ молодечества хотѣлъ испытать всѣ трудности солдатской жизни.

Капитанъ Марцелинъ Семеновичъ, полякъ по происхожденію, былъ въ 1831 году разжалованъ изъ офицеровъ во время польскаго возстанія и сосланъ на Кавказъ, гдѣ почти въ 20 лѣтъ и дослужился вновь уже сѣдой до чина капитана. Въ ротѣ его не было не только ни одного младшаго офицера, но даже и юнкеровъ, кромѣ Гиргеева, почему эта добровольная кабала послѣдняго настолько польстила Марцелину Семеновичу, что онъ, продержавъ его мѣсяцъ въ казармахъ, самъ предложилъ перейти на квартиру. Гиргеевъ былъ этимъ доволенъ, такъ какъ это избавляло его отъ ужасной казарменной атмосферы и дало возможность перейти на устроенную заранѣе квартиру въ отдѣльной избѣ отставного семейнаго солдата, гдѣ до того времени жилъ крѣпостной лакей Гиргеева.

Служба въ этой ротѣ считалась образцовой, вслѣдствіе педантичности капитана. Онъ какъ зимой, такъ и лѣтомъ съ разсвѣтомъ дня являлся въ цитадель, гдѣ помѣщалась рота, которая къ его приходу всегда была выстроена и первая выходила за крѣпостныя ворота, чтобы отправляться на рубку лѣса, фуражировку и проч.

Батальономъ этимъ командовалъ шестидесятилѣтній полковникъ Ѳома Ѳомичъ К., начавшій службу на Кавказѣ вольноопредѣляющимся дивизіоннымъ писаремъ. Онъ былъ совсѣмъ сѣдой, широкоплечій, высокаго роста и говорилъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ. Безстрашный во время экспедицій, онъ гарцевалъ на конѣ передъ фронтомъ своего баталіона, вынимая то и дѣло изъ кармана фляжку съ горячительнымъ и даже нерѣдко мѣшая перестрѣлкѣ. О немъ разсказывали, что нѣсколько лѣтъ назадъ онъ ѣздилъ на родину, женился тамъ на какой-то молодой богатой купчихѣ и, возвращаясь въ полкъ безъ жены, два раза записывалъ въ свой формуляръ родившихся безъ него дѣтей, при чемъ каждый разъ приглашалъ офицеровъ на пирушку и со смѣхомъ говорилъ, что его молодая жена послѣ каждаго ребенка присылаетъ ему на зубокъ по 5.000 рублей.

Гиргеевъ, чуждый развлеченій, которыми пользовались его товарищи, не упускалъ случая участвовать въ набѣгахъ и экспедиціяхъ, и когда его рота должна была остаться въ крѣпости, то онъ, пользуясь протекціей Ѳомы Ѳомича, прикомандировывался къ другимъ ротамъ. Во время же весенней экспедиціи послѣ трудности баталіона при взятіи заваловъ, на долю Гиргеева выпалъ случай оказать особое отличіе при отступленіи роты, командиръ которой и поручикъ Е. были тяжело ранены, а фельдфебель убитъ, и Гиргеевъ, какъ портупей-юнкеръ, несмотря на контузію въ голову, вывелъ подъ сильнымъ огнемъ роту, подобравъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ; за что, однако же, не получилъ никакой награды, вслѣдствіе недоброжелательныхъ отношеній начальника отряда, генерала изъ гребенскихъ казаковъ. Генералъ этотъ былъ старый холостякъ и не могъ простить Гиргееву того обстоятельства, что изъ Грозной въ лагерь пріѣзжало навѣстить этого юношу дамское общество двухъ его старшихъ начальниковъ, остановившихся у его, Гиргеева, солдатской палатки.

Эта несправедливость возмутила не только Ѳому Ѳомича, но и полкового командира, которые затѣмъ и старались осыпать Гиргеева своимъ вниманіемъ, хотя баронъ не могъ не замѣтить съ усмѣшкой, что начальнику отряда Гиргеевъ не понравился, вѣроятно, за то, что плохо цѣнитъ расположеніе къ себѣ старшихъ, удаляясь отъ всѣхъ подъ предлогомъ службы.

Вскорѣ послѣ этого сдѣлалось извѣстно о назначеніи начальника Владикавказскаго военнаго округа начальникомъ лѣваго фланга и командующимъ дивизіей, въ ожиданіи котораго, въ крѣпости для инспекторскаго смотра, полкъ сталъ готовиться, и баронъ, привыкшій наживаться чѣмъ только было можно, спѣшилъ на этотъ разъ привести въ порядокъ обмундированіе своихъ солдатъ.

Закаленныя въ бою кавказскія войска того времени преимущественно хорошо знали тѣ ружейные пріемы, съ которыми приходилось мѣтко стрѣлять и драться въ рукопашную, заряженіе же ружья на 12 темповъ и маршировка тихимъ шагомъ въ программу не входили, чего юнкера и разжалованные совсѣмъ не знали, почему полковой командиръ и озаботился немедленнымъ обученіемъ послѣднихъ, пригласивъ для того поручика, только-что переведеннаго въ полкъ изъ прапорщиковъ гвардіи. Молодой поручикъ, оказавшись корпуснымъ товарищемъ Гиргеева, объяснилъ барону, что Гиргеевъ былъ въ корпусѣ извѣстнымъ фронтовикомъ, подходившимъ всегда въ качествѣ ординарца къ императору Николаю I и великому князю Михаилу Павловичу, почему полковой командиръ, назначивъ Гиргеева въ помощь офицеру, высказалъ свое намѣреніе особо представить его начальнику дивизіи.

Не прошло и мѣсяца, какъ полкъ, выстроенный съ знаменами, громко привѣтствовалъ дивизіоннаго начальника, сорокапятилѣтняго красавца генерала-лейтенанта. Его исполинскій ростъ, сильное сложеніе и громкій пріятный голосъ во время команды дѣлали его величественнымъ.

Генералъ Петръ Петровичъ Н.—самъ былъ гвардеецъ и, принявъ дивизію, обратилъ главное вниманіе на одежду, пищу и помѣщеніе войскъ, почему, не приказавъ даже пройти мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, вызвалъ отъ каждой роты по нѣсколько солдатъ и осмотрѣлъ ихъ нижнюю одежду, въ числѣ которыхъ оказалось нѣсколько разжалованныхъ, и среди этихъ очутились любимцы барона часовой мастеръ и врачъ въ разноцвѣтныхъ канаусовыхъ рубашкахъ. Баронъ, думая поправить дѣло, вызвалъ впередъ и всѣхъ юнкеровъ, заставивъ ихъ также снять верхнее платье, причемъ и они также всѣ оказались въ тонкомъ цвѣтномъ бѣльѣ, исключая Гиргеева, у котораго все было сшито изъ солдатскихъ дачекъ и даже на ногахъ были портянки. Обстоятельство это чрезвычайно удивило всѣхъ и особенно барона, который зналъ, что Гиргеевъ, хотя и не носилъ какъ всѣ юнкера тонкаго мундира, но въ обыкновенное время подъ солдатскимъ сукномъ имѣлъ шелковую подкладку.

Послѣ этого инспекторскаго смотра какъ баталіонный, такъ и ротный командиръ удвоили свое вниманіе къ Гиргееву и въ слѣдующую затѣмъ экспедицію ему даже разрѣшено было жить въ палатѣ съ баталіоннымъ адъютантомъ подпоручикомъ Шуйскимъ.

Шуйскій былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, худощавый съ большимъ открытымъ лбомъ и орлинымъ носомъ. Онъ былъ полякъ, но въ характерѣ его не было и тѣни польской за-

носчивости, и вообще онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что возбуждалъ къ себѣ общія симпатіи и, живя въ крѣпости особнякомъ, всегда уклонялся отъ разговоровъ о своемъ происхожденіи. Ранѣе Шуйскій служилъ офицеромъ въ артиллеріи и, имѣя у себя какіе-то документы польскаго сената о происхожденіи его предковъ отъ нашихъ князей Шуйскихъ, отказался ихъ выдать правительству, за что былъ разжалованъ въ солдаты и дослужился затѣмъ до чина подпоручика; но Шуйскаго все-таки называли въ полку всѣ офицеры княземъ, а солдаты говорили ему ваше сіятельство. Офицеры и даже полковой командиръ, указывая на только-что пожалованный титулъ князя поручику Кабардинскаго полка Святополкъ-Мирскому, совѣтовали и Шуйскому обратиться къ государю съ ходатайствомъ о предоставленіи и ему княжескаго достоинства, но онъ стѣснялся сдѣлать это, боясь подвергнуть отвѣтственности своихъ родственниковъ, спрятавшихъ его документы.

Экспедиція эта, какъ затѣмъ и слѣдующая дали возможность Гиргееву оказать новыя отличія, за которыя онъ не только былъ произведенъ въ офицеры, но и получилъ георгіевскій крестъ; тяжелая же рана въ ногу заставила его сначала долго лѣчиться, а затѣмъ быть прикомандированнымъ къ одному изъ Кавказскихъ линейныхъ казачьихъ полковъ, гдѣ удалая казачья жизнь пришлась Гиргееву по сердцу.

Нанявъ отдѣльный домикъ у одного отставного эсаула, онъ въ немъ прекрасно устроился, познакомившись съ офицерами какъ этого полка, такъ и квартировавшихъ въ станицѣ линейнаго баталіона и донской сотни. Чуждый картежной азартной игры, которая была въ большомъ ходу на Кавказѣ, Гиргеевъ началъ посѣщать хороводы, на которые по вечерамъ собирались дочери казаковъ. Тутъ молодыя, красивыя дѣвушки, держа въ рукахъ цвѣтные фонари, пѣли пѣсни и танцовали, и фамильярное обращеніе офицеровъ указывало на короткое со многими изъ нихъ отношеніе. Офицеры стѣснялись только подходить близко къ дочери эсаула Фросѣ, которая при приближеніи ухаживателей, оставляла хороводъ и какъ серна исчезала быстро въ темнотѣ ночи. Фрося была дочерью хозяина дома, гдѣ квартировалъ Гиргеевъ, но видѣть ее въ этой семьѣ ему не приходилось.

Ей было только 15 лѣтъ, но она казалась старше. Средняго роста, съ гибкимъ станомъ и жгучими черными глазами она слыла среди своихъ подругъ красавицей и обращала на себя общее вниманіе офицеровъ, но говорить съ ней никому изъ нихъ не удавалось. Эта нелюдимость Фроси заинтересовала Гиргеева и возбудила въ немъ сильное желаніе узнать ее ближе, что однако случилось

не скоро. Но вотъ, однажды, онъ былъ на охотѣ на кабановъ; карабахскій конь его, запутавшись въ камышахъ, упалъ, и Гиргеевъ настолько сильно былъ зашибленъ, что его на рукахъ принесли въ станицу. Хозяева приняли въ немъ самое теплое участіе, и Фрося, прикладывая на разбитый бокъ больного компрессы и давая по указанію врача лѣкарства, цѣлыя ночи просиживала у изголовья Гиргеева. Тутъ онъ узналъ причину ея отчужденности отъ общества мужчинъ. Оказалось, что когда ей было еще только 13 лѣтъ, жившій у нихъ на квартирѣ офицеръ, изъ армянъ, воспользовавшись ея дѣтскимъ возрастомъ, обезчестилъ ее, а черезъ три дня былъ убитъ въ сраженіи. Объ этомъ несчастіи она тогда же передала родителямъ, и они были сильно озабочены, такъ какъ по достиженіи 16 лѣтъ обязаны были по письменному условію отдать ее замужъ за сына станичнаго начальника, съ которымъ по обычаю они въ дѣтствѣ были засватаны, съ неустойкой въ 500 рублей.

Гиргеевъ хотя наружно и возмужалъ подъ кавказскимъ солнцемъ, но женщинъ близко еще не зналъ, и влеченіе его къ Фросѣ перешло въ сильное чувство. Они настолько полюбили другъ друга, что скрывать это передъ родителями ея не представлялось болѣе возможнымъ; передъ тѣмъ же, какъ Фросѣ исполнилось 16 лѣтъ, Гиргеевъ передалъ имъ сумму неустойки и на время переговоровъ съ семействомъ ея жениха самъ уѣхалъ во Владикавказъ.

Но не прошло и двухъ недѣль послѣ этого, какъ онъ получилъ письмо отъ сотеннаго командира о томъ, что Фрося была повѣнчана, хотя и сказала въ церкви священнику, что ее замужъ отдаютъ насильно.

Извѣстіе это удручающе подѣйствовало на душу Александра Сергѣевича, и онъ не скоро могъ собраться съ мыслями.—Вотъ она первая любовь,—думалъ онъ,—любить такъ я больше уже никого не буду и зачѣмъ меня занесло въ эту станицу, гдѣ дикіе нравы казаковъ заставляютъ ихъ смотрѣть на женщину какъ на вещь. Но дѣла нельзя было поправить, почему волей-неволей пришлось покориться обстоятельствамъ, и онъ рѣшилъ избѣгать какихъ бы то ни было объясненій съ родителями Фроси, которые такъ вѣроломно съ нимъ поступили, почему и отдалъ письменное распоряженіе своему лакею перевезти вещи въ сосѣднюю станицу, гдѣ была штабъ-квартира этого казачьяго полка, найдя тамъ предварительно помѣщеніе.

Этотъ пріѣздъ Гиргеева во Владикавказъ былъ первымъ послѣ того, какъ его видѣли тамъ штатскимъ, и всѣ его знакомые и особенно Апачинины были удивлены той перемѣной, которая произошла въ немъ въ эти три года. Вмѣсто веселаго, безпечнаго юноши

они встрѣтили возмужалаго, загорѣлаго, обросшаго уже бородой раненнаго офицера.

Въ семействѣ Апачининыхъ произошли перемѣны: Сопико вышла замужъ, и Бабаля сильно чувствовала ея отсутствіе. Вечера приходилось проводить болѣе монотонно,—выслушивая разсказы хозяина и офицеровъ о военныхъ дѣлахъ въ округѣ за это время, о перемѣнахъ, которыя произошли среди начальства и проч.—Какъ много значитъ, когда недостаетъ одного человѣка въ семьѣ,—размышлялъ Гиргеевъ,—сидя въ пасмурномъ настроеніи около хозяйки.—„Не стало Сонички и вмѣстѣ съ ея чудной бѣлокурой головкой совсѣмъ исчезла веселость въ домѣ". Онъ невольно перенесся въ грубую семью Фроси и ужаснулся мысли, что могъ бы когда-нибудь назвать ея родителей родными, и эта мысль настолько отрезвила его, что онъ вскочилъ, какъ ужаленный, испугавъ этимъ движеньемъ не только сосѣдку, но даже и хозяина. Послѣдовалъ общій вопросъ, что съ нимъ случилось, и Гиргееву пришлось выпутываться.

— Вотъ видите ли,—сказалъ онъ,—я вспомнилъ Владикавказъ моего перваго пріѣзда, затѣмъ странствованія свои за эти три года по дремучимъ лѣсамъ, немирнымъ ауламъ и дикимъ казачьимъ станицамъ и теперь, пригрѣвшись снова въ вашей радушной семьѣ, почувствовалъ впервые такую тоску по родинѣ, что готовъ былъ бы хоть сейчасъ бросить службу и безъ оглядки бѣжать домой.

Вскорѣ послѣ этого Гиргеевъ уже былъ на линіи, гдѣ кое-какъ устроившись въ своей новой квартирѣ, началъ хлопотать объ отставкѣ. Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ, проходя вечеромъ по станицѣ, онъ совершенно неожиданно встрѣтилъ на мосту мужа Фроси, который, не сказавъ ни слова, выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ изъ пистолета и видя, что Гиргеевъ остался невредимъ, онъ на него бросился съ обнаженной шашкой. Гиргеевъ, хорошо дравшійся на эспадронахъ, отпарировалъ ударъ и своей шашкой выбилъ шашку хорунжаго Вьючнаго и, направивъ въ него дуло своего пистолета, приказалъ ему не трогаться съ мѣста.

— Что я тебѣ сдѣлалъ?—спросилъ Гиргеевъ,—и за что ты меня хотѣлъ убить?

Обезоруженный хорунжій, отступивъ назадъ, угрюмо отвѣтилъ:

— За что же вы обезчестили мою жену, съ которой я былъ сосватанъ въ дѣтствѣ?

— Но развѣ она не разсказала тебѣ о Каргановѣ и о томъ, что случилось съ ней, когда ей было 13 лѣтъ?

— Ничего не знаю,—отвѣтилъ смущенный Вьючный.

— А добровольно Фрося шла за тебя замужъ?

— Нѣтъ,—она сказала въ церкви,—что любитъ другого, и я

просилъ освободить меня отъ этого брака, но такъ какъ ея родители тутъ же потребовали неустойку, то я волей-неволей долженъ былъ жениться.

Гиргеевъ послѣ этихъ словъ опустилъ пистолетъ и, подойдя къ хорунжему, протянулъ ему руку, сказавъ: „теперь понятна мнѣ эта злоба, и я охотно прощаю вамъ вашъ ужасный поступокъ, убѣжденный, что когда вы разспросите жену, то между нами болѣе не будетъ столкновеній“.

Молодые люди разстались. Вьючный ѣхалъ въ свою станицу и, поглаживая гриву верховаго коня, раздумывалъ о томъ, что онъ чуть было не убилъ человѣка, который далеко не былъ виновенъ въ его семейномъ несчастьи. Онъ рѣшилъ не говорить ни слова своимъ о случившемся, но разспросить жену обо всемъ, что было съ ней.

Гиргеевъ же, вернувшись къ себѣ, долго не могъ успокоиться, и возможность быть убитымъ не въ сраженіи, гдѣ онъ готовъ былъ положить свою голову, но разбойничьимъ выстрѣломъ своего же изъ злобы за казачку, его возмущала. Въ первый разъ близко сошелся онъ съ женщиной и такъ неудачно, и это отбило у него охоту къ дальнѣйшимъ увлеченіямъ.

На другой день, обѣдая у начальника линіи, онъ передалъ объ отправленной имъ въ свой полкъ отставкѣ, до полученія которой просилъ оставить его при казачьемъ полку, разсчитывая еще хоть одинъ разъ понюхать пороху.

Желаніе Гиргеева сбылось скоро, и казакамъ вмѣстѣ съ пѣхотнымъ баталіономъ пришлось участвовать въ набѣгѣ на немирный аулъ.

Темнота ночи позволила тихо подойти отряду и обложить аулъ, въ которомъ все спало, а для преграждения непріятелю возможности уйти въ горы, артиллерія подъ прикрытіемъ войска была разставлена въ разныхъ пунктахъ. Съ разсвѣтомъ дня въ аулъ былъ отправленъ парламентеръ съ предложеніемъ о сдачѣ, но такъ какъ онъ не возвращался, и со всѣхъ сторонъ появились горцы, съ которыми началась перестрѣлка, то начальникомъ отряда было послано для взятія аула двѣ роты линейнаго баталіона и съ Гиргеевымъ часть спѣшенныхъ казаковъ. Въ аулѣ солдатамъ и казакамъ пришлось сакли брать съ боя, такъ какъ оставшіеся въ нихъ горцы заперли двери и отстрѣливались изъ оконъ.

На площадкѣ близъ мечети стояла большая сакля, принадлежавшая, повидимому, старшинѣ аула. Гиргеевъ съ нѣсколькими солдатами и казаками, послѣ сдѣланнаго по нимъ выстрѣла, проникли въ саклю. Сначала въ ней никого не оказалось, когда же

былъ поднятъ коверъ, отдѣлявшій вмѣсто двери другую комнату, то въ ней увидѣли въ углу присѣвшаго на пятки сѣдого старика-горца; онъ вооруженный молился передъ кораномъ, лежавшимъ на низенькомъ столикѣ. Русскій воинъ не рѣшился нарушить этой молитвы, и они остановились, но старикъ мгновенно вскочилъ и, сдѣлавъ выстрѣлъ, тяжело ранилъ одного изъ солдатъ, послѣ чего, конечно, былъ убитъ. Осмотрѣвъ всѣ закоулки сакли и не найдя болѣе никого, они выходили наружу, но въ сѣняхъ изъ открытой западни послѣдовалъ новый выстрѣлъ, которымъ былъ убитъ казакъ, озлобленные его товарищи бросились въ выходъ, откуда затѣмъ раздались страшные крики женщины, заставившіе Гиргеева спуститься туда, гдѣ онъ и освободилъ молодую черкешенку отъ освирѣпѣвшихъ солдатъ; при этомъ одинъ изъ нихъ, держа за ноги найденнаго тамъ двухлѣтняго ребенка, хотѣлъ объ стѣну размозжить ему голову, говоря, что когда выростетъ, будетъ такой же злодѣй. Но мальчикъ этотъ, оказавшійся братомъ черкешенки, былъ также освобожденъ Гиргеевымъ и оставленъ въ саклѣ, жечь которую онъ запретилъ.

По возвращеніи отряда на линію въ числѣ нѣсколькихъ плѣнныхъ, къ удивленію начальниковъ, оказалась захваченная казаками и 14 лѣтняя Хейкла, спасенная Гиргеевымъ отъ смерти.

Обстоятельство это главнымъ образомъ ставило его въ затрудненіе, такъ какъ захватили Хейклу тѣ самые казаки, которые находились съ нимъ при разгромѣ аула, почему волей неволей и пришлось ему помѣстить ее у себя, разсчитывая какъ можно скорѣе вернуть Хейклу въ ея семью.

Появленіе Хейклы у Гиргеева, составило цѣлое событіе, и каждому хотѣлось посмотрѣть плѣнницу, такъ что первое время ему приходилось видѣть у себя группы любопытныхъ, но хорошенькая дикарка пряталась въ свою комнатку и видѣть ее постороннимъ удавалось рѣдко.

Командиръ казачьяго полка, извѣстный того времени генералъ, принялъ большое участіе въ Хейклѣ и поручилъ своимъ переводчикамъ передать жителямъ ближайшихъ мирныхъ ауловъ о желаніи возвратить Хейклу ея семейству, послѣ чего многіе изъ мирныхъ черкесовъ и предлагали въ этомъ случаѣ свои услуги, но Хейкла слѣдовать за ними отказалась наотрѣзъ, боясь попасть имъ въ жены, такъ какъ по обычаю горцевъ они всегда похищаютъ для себя невѣстъ.

При такомъ обстоятельствѣ Хейкла находилась около трехъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ она научилась немного говорить по-русски и настолько перестала дичиться, что даже однажды согла-

силась быть на вечерѣ у командира полка къ большому удовольствію молодежи. Гиргеевъ къ этому дню постарался одѣть ее въ роскошный костюмъ черкешенки, подаривъ при этомъ маленькій подъ чернью кривой кинжалъ, который былъ заткнутъ у нея за поясъ.

Хорошенькая плѣнница, привязавшаяся за это время къ Гиргееву, не отходила отъ него на вечерѣ ни на шагъ, и когда командиръ полка шутя отвелъ его въ другую комнату, то Хейкла ухватилась за его рукавъ, говоря, что она безъ него не останется, что и подало поводъ тутъ же переговорить серьезно о ея участи, такъ какъ Гиргеевъ со дня на день ждалъ отставки и долженъ былъ уѣхать на родину.

— Что мы будемъ дѣлать съ Хейклой—говорилъ Александръ Сергѣевичъ командиру и нѣсколькимъ окружавшимъ ихъ офицерамъ,—не сегодня, такъ завтра я долженъ совсѣмъ уѣхать и оставлять въ такомъ положеніи нашу дикарку, которая, завѣряю васъ честью, господа, была для меня не болѣе какъ сестрой, очень тяжело.—Услышавъ это, Хейкла опустила свою головку на плечо Гиргееву и изъ-подъ темныхъ ея рѣсницъ блеснули слезы.—Я не оставлю тебя, урусъ,—шептала она,—возьми меня къ себѣ, и я буду твоей рабой.

Эта неоднократно происходившая въ квартирѣ Гиргеева, но неожиданная для окружающихъ сцена обнаружила симпатіи къ Хейклѣ двухъ офицеровъ: штабсъ-капитана генеральнаго штаба Кидяева и незадолго передъ этимъ поступившаго въ полкъ гусарскаго поручика Хомятова, желаніе которыхъ взять къ себѣ Хейклу настолько было сильно, что они даже заявили о своемъ намѣреніи на ней жениться. Такое проявленіе чувствъ молодыхъ людей объяснили сначала излишне выпитымъ кахетинскимъ, большіе мѣдные кувшины съ которымъ уже нѣсколько разъ были опорожнены гостями, но состоявшаяся на другой день между ними дуэль указала на дѣйствительно пылкое чувство обоихъ, и за Кидяевымъ, какъ первымъ, выразившимъ желаніе сдѣлать Хейклу своей женой, и было признано это право.

Узнавъ о дуэли, командиръ полка былъ сильно недоволенъ и высказалъ, что самоуправное рѣшеніе относительно Хейклы не можетъ быть имъ допущено безъ ея на то согласія, объяснивъ при этомъ Кидяеву, что хотя за отъѣздомъ Гиргеева онъ можетъ взять къ себѣ Хейклу, но при отвѣтственности за нее до тѣхъ поръ, пока не явятся за ней ея родные. Тѣмъ дѣло и было рѣшено.

Гиргеевъ, проживъ около трехъ мѣсяцевъ подъ одной кровлей съ Хейклой, чувствовалъ себя далеко не хорошо, опасаясь передъ концомъ своей службы какой-либо новой непріятности, такъ какъ исто-

рія съ Фросей была еще слишкомъ свѣжа, почему, не получая все еще отставки, онъ рѣшилъ какъ можно скорѣе развязаться съ казачьей службой и тутъ же вскорѣ отправился въ штабъ-квартиру своего пѣхотнаго полка.

Что происходило съ Хейклой въ назначенный день отъѣзда Гиргеева, описать трудно; она, обвивъ его ноги руками и не пуская отъ себя, плакала, какъ ребенокъ, говоря, что никогда не приметъ русской вѣры и не будетъ женой Кидяева. Эти сцены заставили Александра Сергѣевича отложить свою поѣздку на нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ вещи его исподволь укладывались для дороги, а Кидяевъ заблаговременно перебрался въ его квартиру. Когда же Александръ Сергѣевичъ наконецъ уѣхалъ, то Хейкла, какъ дикій звѣрекъ, металась изъ угла въ уголъ, нѣсколько разъ выбѣгала на улицу и успокоилась только послѣ того, какъ ее убѣдили, что она останется жить у Кидяева лишь до пріѣзда ея родныхъ.

Такъ прошло нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ Кидяевъ тщетно всѣми силами старался пріучить къ себѣ этого дикаго звѣрка, но Хейкла, какъ разсказываетъ онъ, не говорила съ нимъ ни слова и, прижавшись въ уголъ своей комнатки, даже отказывалась принимать пищу.

И вотъ однажды утромъ станица была сильно взволнована ужаснымъ происшествіемъ: Кидяевъ былъ найденъ у себя въ квартирѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Онъ лежалъ на полу около письменнаго стола, на которомъ стояло зеркало и валялась окровавленная бритва. Хейклу немедленно арестовали, посадивъ въ мѣшокъ, которымъ назывылось подвальное помѣщеніе для преступниковъ.

Но къ счастью Хейклы, вскорѣ была найдена при осмотрѣ квартиры упавшая за столъ собственноручная записка Кидяева къ матери; въ ней онъ писалъ, что жизнь ему уже давно настолько тяжела, что онъ рѣшилъ покончить съ собой и проситъ простить его и за него помолиться.

Освобожденную плѣнницу тутъ же взялъ къ себѣ Хомятовъ, и она, напуганная этимъ кровавымъ происшествіемъ, пошла уже безъ сопротивленія, но въ ту же ночь, задумавъ бѣжать, была найдена съ расшибленной ногой въ глубокомъ рву, окружавшемъ станицу, послѣ чего и пролежала около мѣсяца больной въ квартирѣ Хомятова.

Хомятовъ избалованный, единственный сынъ у знатныхъ родителей и большой кутила въ гусарскомъ полку, не оставилъ своихъ привычекъ и на Кавказѣ. Онъ относился ко всему легко и не былъ способенъ на серьезное чувство, почему во время болѣзни Хейклы, ухаживавшая за ней хозяйка квартиры не рѣдко была сви-

дѣтельницей его непріятныхъ для больной шутокъ, кончавшихся ея негодованіемъ и угрозами. Когда же Хейкла совершенно выздоровѣла, то, воспользовавшись отсутствіемъ Хомятова, бѣжала лишь въ томъ одѣяніи, въ которомъ была взята въ плѣнъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и во время зимней экспедиціи, предназначавшейся для вырубки широкихъ просѣкъ въ глубь Чечни, начальникомъ отряда часть войскъ была отправлена для взятія близъ находившагося немирнаго аула. Послѣ разгрома аула, когда отрядъ вышелъ на большую поляну и начальствомъ дѣлались распоряженія о распредѣленіи войскъ къ отступленію, въ небольшой перемычкѣ лѣса было замѣчено нѣсколько пѣшихъ горцевъ. Хомятовъ бросился туда со своей сотней, но тутъ же былъ сраженъ двумя пулями. Оторопѣвшіе казаки, сдѣлавъ въ свою очередь по нимъ залпъ, положили всѣхъ на мѣстѣ. Когда же съ убитыхъ горцевъ стали снимать оружіе, то среди нихъ нашли вооруженную женщину, которая, по завѣренію очевидцевъ, была Хейклой, но такъ какъ тѣла убитыхъ горцевъ войсками нашими не подбирались, то это послѣднее обстоятельство не могло быть тщательно провѣрено.

В. А. Шомпулевъ.

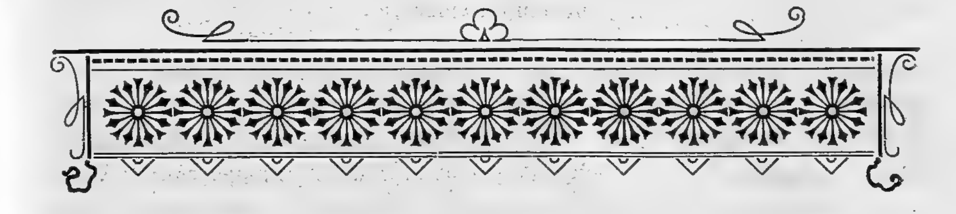
Къ исторіи винной монополіи 1659 г.

Государю Преосвященному Маркелу архіепископу Вологоцкому и Бѣлоозерскому бьютъ челомъ и являютъ сироты Государевы, Волочжаня посадцкіе людишка Ѳетка Осиповъ сынъ Коковинъ съ товарищи. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 168-мъ году (т. е. въ 1659-мъ) подрядилися мы сироты твои на Колмогорахъ у таможенново и кружечныхъ дворовъ у головы у Ивана Михайлова съ товарищи въ двѣ тысечи вѣдръ вина — поставить намъ сиротамъ твоимъ на три срока то вино на Колмогорахъ, и въ томъ у насъ винѣ Колмогорскому головѣ дана задаточная запись. И мы сироты твои на Вологдѣ винокурню построили совсѣмъ, и Вологоцкого кружечнаго двора голова Ѳедотъ Патракіевъ да ларешной цѣловальникъ Киприянъ Желвунцовъ на ту винокурню пріѣзжалъ и намъ сиротамъ твоимъ отказалъ и того подряднаго вина курить не велѣлъ. И мы сироты твои ходили съ Колмогорскимъ съ ларешнымъ цѣловальникомъ гостиные сотни съ Максимомъ Поповымъ на Вологдѣ къ стольнику и воеводѣ Алексѣю Павловичу Еропкину и приносили съ собою списокъ Великого Государя 3 грамоты за рукою Колмогорсково таможенново головы Ивана Михайлова, и стольникъ и воевода Алексѣй Павловичъ Еропкинъ намъ сиротамъ Государевымъ отказалъ, и Великого Государя подряднаго вина курить и винныхъ запасовъ покупать не велѣлъ по ихъ Ѳедотову челобитью съ товарищи. Государь преосвященный Маркелъ, архіепископъ Вологоцкій и Бѣлозерскій, пожалуй насъ сиротъ Государевыхъ, вели государь челобитье наше и явку записать, чтобъ намъ сиротамъ Государевымъ въ его Ѳедотовѣ задержкѣ съ товарищи въ томъ порядномъ винѣ отъ Великого Государя въ опалѣ не быть и отъ Колмогорсково головы Ивана Михайлова съ товарищи по той записи въ прострочкѣ не быть. Государь святитель, смилуйся.

На оборотѣ челобитной рукоприкладства: къ сей извѣтной челобитной Ѳетка Осиповъ и вмѣсто Емельяна Ѳедорова руку приложилъ. Къ сей изъветной челобитной Кирилко Юрьевъ руку приложилъ.

Помѣта: Записать. 168-го ноября въ 23 день. Подалъ явку Вологжанинъ посацкой человѣкъ Ѳедоръ Коковинъ. Діакъ Данила Столбицкой.

Сообщилъ И. Суворовъ.

История карелъ [1]).

(Окончаніе).

VIII.

Великая Сѣверная война и Ништадтскій миръ.

Въ 1700 году началась новая война русскихъ со шведами, которая въ Кареліи выразилась вначалѣ партизанскими набѣгами русскихъ карелъ на шведскую сторону, шведо-финновъ на русскую сторону. Между прочими мѣропріятіями Петра Великаго за время начала военныхъ дѣйствій слѣдуетъ отмѣтить два факта, оказавшіе извѣстное вліяніе на карелъ: это были—основаніе въ 1701 г. Петровскихъ заводовъ, около которыхъ потомъ возникъ городъ Петрозаводскъ, и въ 1702 г.—корабельной верфи на Свири, обращенной потомъ въ г. Лодейное поле. Значеніе Петровскихъ заводовъ, а впослѣдствіи и Петрозаводска заключалось въ томъ, что они стали экономическимъ центромъ для карелъ, жившихъ въ нынѣшнихъ Петрозаводскомъ, Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи и отчасти Салминскомъ уѣздѣ Выборгской губерніи (Шуезерскій приходъ).

Въ 1710 году русскіе овладѣли г. Кексгольмомъ, и это событіе оказало то же вліяніе на православныхъ карелъ, оставшихся въ шведскихъ владѣніяхъ, что и появленіе русскихъ войскъ въ 1656 г.: они стали присягать русскимъ, нападать на шведовъ и финновъ. Коскиненъ объясняетъ это вліяніемъ православныхъ священниковъ [2]), хотя скорѣе всего сказалось тутъ не успѣвшее испариться въ православныхъ карелахъ тяготѣніе ихъ къ русскимъ. По Ништадтскому миру приладожская Карелія была возвращена Россіи, но не вся:

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь, 1908 г.

[2]) Suomen Kansan historia стр. 322.

прежній Ильинскій-Иломантскій погостъ остался за шведами, т. е. граница прошла тамъ, гдѣ теперь идетъ граница между Выборгской и Куопіоской губерніями; восточная часть послѣдней составила шведскую Карелію.

Притѣсненія православныхъ карелъ въ шведской Кареліи въ XVIII вѣкѣ.

Въ шведской Кареліи православное населеніе жило въ деревняхъ: Липери, Иломантси, Піэлисъярви, Пелькъярви, Тохмаярви, Ките. Во время Великой Сѣверной войны часть православныхъ карелъ погибла, часть разбѣжалась и вернулась на свои мѣста лишь по заключеніи мира. Объ ихъ участи и положеніи за весь XVIII вѣкъ разскажемъ по труду Саленіуса „Kreikan usko Suomessa". До 1730 г. у православныхъ карелъ здѣсь не было даже священника потому, что они не въ состояніи были содержать его, не успѣвъ оправиться матеріально отъ разоренія, причиненнаго войною, и сильно терпя отъ притѣсненій шведскихъ чиновниковъ. Шведскія власти не могли простить православнымъ кареламъ ихъ симпатій къ русскимъ. Въ 30-ые годы было позволено ленсманамъ, судьямъ и др. чиновникамъ притѣснять православныхъ (71); въ 1734 г. король нашелъ возможность принудить православныхъ карелъ платить оброки и пасторамъ. Въ 1741 году пасторъ въ Липери просилъ, чтобы русскаго священника туда не пускали, а православныхъ карелъ обратили въ лютеранство (69). Въ 1756 году пробстъ и пасторы получили приказаніе ревизовать православныя общины, напр., какъ православный священникъ учитъ катехизису (67). Въ 1758 году король постановилъ, чтобы пасторы безъ оглашенія вѣнчали православныхъ, что было подтверждено и въ 1868 году (69). Такъ какъ до 1765 года у православныхъ былъ лишь одинъ священникъ, не успѣвавшій исполнять требы въ такомъ громадномъ по пространству приходѣ, то пасторы крестили дѣтей. Въ 1790 году пасторы Вегеліусъ и Монтинъ получили позволеніе совершать требы для православныхъ и „дружески обращать ихъ въ лютеранство" (69). Свѣтскія власти содѣйствовали духовнымъ. Подъ предлогомъ уничтоженія языческихъ обрядовъ и обычаевъ среди православныхъ карелъ чиновники жгли ихъ часовни, вмѣшивались въ церковныя службы. Такъ чиновникамъ приказано было „препятствовать въ православныхъ церквахъ мошенничествамъ и глупымъ поступкамъ" (56). Основываясь на этомъ, одинъ бродяга сжегъ въ 1749 году часовню въ Коверо подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ творились волшебства. Губернаторъ Яковъ Вреде, узнавъ о

существованіи часовенъ и въ другихъ мѣстахъ, приказалъ ихъ также сжечь, послѣ чего часовни не возстановлялись (56).

Несмотря на эти притѣсненія, число православныхъ увеличивалось: притѣсненія нравственно возвышали ихъ, они, кромѣ земледѣлія, занимались ремеслами и торговлею и были зажиточнѣе лютеранъ. Лютеране стали посѣщать православную церковь такъ, что шведскія власти вынуждены были въ 1681 году постановить, чтобы лютеране не ходили въ иновѣрныя церкви (54, 55).

Со стороны шведскихъ властей борьба велась тѣмъ болѣе страстно, что здѣсь вопросъ былъ не въ одной только вѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ понятіи о національности: будучи православными, карелы считали себя и русскими. Въ особенности жившіе ближе къ русской границѣ ревностно держались и вѣры, и одежды, и обычаевъ русскихъ (55). Шведскія власти отлично сознавали, что главною причиною такого пониманія карелами свой принадлежности къ русскимъ и тяготѣнія къ нимъ былъ церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи для карелъ. Поэтому шведскія власти стали настаивать на томъ, чтобы богослуженіе для карелъ совершалось по-фински; крестьяне же отстаивали церковно-славянскій языкъ, на которомъ богослуженіе у нихъ совершалось еще и въ 1765 году. Когда въ 1766 г. православныхъ карелъ обязали научиться грамотѣ, они просили позволенія научиться русской грамотѣ, а не финской (65). Въ 1767 г. шведское правительство строго запретило кареламъ праздновать русскіе праздники и молиться за русское правительство (64), а въ 1774 году консисторія предписала чиновникамъ принудить православныхъ карелъ слушать богослуженіе на финскомъ языкѣ (64). Присоединеніе Финляндіи къ Россіи въ 1809 году помѣшало шведскимъ властямъ довести въ этомъ отношеніи дѣло до конца. И кто бы могъ подумать, что за доведеніе до конца ихъ дѣла возьмется наше духовенство, которое въ 60-ые годы минувшаго столѣтія и ввело въ православно-карельскихъ приходахъ Куопіоской губерніи богослуженіе на финскомъ, а не на карельскомъ языкѣ. Результатомъ этого было то, что въ настоящее время православные карелы Куопіоской губерніи ничѣмъ уже не отличаются отъ чистыхъ финновъ, кромѣ своего православія, отъ котораго они толпами еще до обнародованія въ Финляндіи указа о свободѣ вѣроисповѣданія стали отказываться и переходить въ лютеранство, какъ это и можно прослѣдить по финскимъ газетамъ, издаваемымъ въ гор. Іоэнсу: въ Pohjois-Karjala и Karjalatar конца 1905 г. и начала 1906 года.

Приладожская Карелія въ XVIII.

Въ приладожской Кареліи, перешедшей по Ништадтскому миру подъ русскую власть, были оставлены шведскіе порядки и шведскіе чиновники, которые удержали и въ дѣлопроизводствѣ шведскій языкъ. Опираясь на шведовъ-чиновниковъ, имѣя поддержку себѣ и въ высшихъ чиновникахъ нѣмцахъ, лютеранское духовенство и здѣсь, какъ и въ куопіоской Кареліи, не отказывалось отъ попытокъ обращенія православныхъ карелъ въ лютеранство. Для огражденія поэтому православныхъ карелъ Сѵнодъ въ 1728 и 1735 годы строго запрещаетъ пасторамъ совершать богослуженія для православныхъ и учить ихъ. Указомъ 1747 года Сѵнодъ запретилъ пасторамъ крестить дѣтей православныхъ родителей, въ 1758 году пасторамъ запретили вѣнчать православныхъ и склонять ихъ къ лютеранству [1]).

Вслѣдствіе присоединенія этой части Кареліи къ Россіи, число православныхъ въ ней увеличилось отъ переселенія сюда русскихъ: солдатъ, купцовъ, ремесленниковъ. Вернулась, вѣроятно, и часть карелъ изъ нынѣшней Олонецкой губерніи въ нынѣшній Салминскій приходъ Выборгской губерніи, финны же лютеране, бывшіе здѣсь до войны, очевидно, или бѣжали или погибли во время войны. По крайней мѣрѣ лютеранская община, бывшая здѣсь до войны, послѣ войны исчезла, замѣнившись православною общиною.

Монастыри Валаамскій и Коневецкій были возстановлены. Валаамскій монастырь получилъ себѣ въ 1728 и 1732 годы деревни въ Кексгольмской области. Коневецкій монастырь получилъ въ 1728 году одинъ дворъ въ Пюхяярви, въ 1797 году земли въ Сакколѣ и рыбныя ловли въ Ряйсялѣ. Наибольшія земли получилъ себѣ Александро-Невскій монастырь: Сердобольскій, Импилахтинскій и Суйстамскій приходы достались ему.

Салминскій, Раутускій, Саккольскій, Валькъярвскій, Яаккимскій, Париккальскій, Куркіокскій, Рускеальскій и Суоярвскій приходы были отданы русскимъ дворянамъ въ помѣстья.

Всѣ эти явленія, вмѣстѣ взятыя: переселенія русскихъ сюда, русскіе помѣщики, монастыри, равно какъ и возникновеніе Петербурга, новой столицы Русскаго государства, въ устьяхъ Невы—оказали за время XVIII вѣка сильное вліяніе на обрусѣніе населенія Выборгской губерніи, какъ финско-лютеранскаго, такъ и православно-карельскаго, которое было немногочисленно по западнымъ берегамъ Ладожскаго озера и подавляющимъ по сѣверо-восточнымъ. Графъ Ребиндеръ, проѣзжавшій по Выборгской губерніи въ Петер-

---

[1]) Salenius. Kreikan usko.

бургъ послѣ войны 1808—1809 годовъ, не безъ горечи пишетъ: „Напрасно старались мы напомнить себѣ, что попираемъ еще финскую землю; все отличалось отъ нашего: обычаи, одежда, образъ мыслей; даже языкъ, которымъ говорилъ народъ, представлялъ собою какую-то тарабарщину, смѣшанную съ русскими словами, такъ что мы его едва понимали“. Германъ Верихьельмъ замѣчаетъ о языкѣ населенія Выборгской губерніи: „финскій языкъ служитъ разговорнымъ языкомъ, хотя и русскій языкъ столь же общеизвѣстенъ“ [1]).

Приладожская Карелія въ XIX вѣкѣ.

Въ 1811 году приладожская Карелія, какъ составлявшая часть Выборгской губерніи, была отдѣлена отъ имперіи и присоединена къ Финляндіи. Финляндцы рѣшили выкупить у русскихъ помѣщиковъ и монастырей ихъ земли, что и начали немедленно приводить въ исполненіе, закончивъ выкупъ уже во вторую половину XIX вѣка. Финляндское правительство въ 1826 году объявило всѣхъ крестьянъ этихъ земель, выкупленныхъ у русскихъ помѣщиковъ, арендаторами казенной земли (lampuodeiksi) и только къ концу XIX вѣка крестьяне получили права собственности на обрабатываемые ими участки, кромѣ крестьянъ пограничныхъ приходовъ Салминскаго уѣзда.

Салминскій уѣздъ къ концу XIX вѣка составлялъ помѣстье графовъ Орловыхъ, отъ которыхъ въ началѣ XIX вѣка онъ былъ купленъ купцами Громовыми. Громовы въ 1848 году основали здѣсь впервые школы—русскія: въ Салмѣ, Шуезерѣ, Корписелькѣ, Киделѣ и Шуйстамо. Горное вѣдомство, купившее земли Салминскаго уѣзда отъ Громовыхъ, перепродало ихъ въ 70 годы XIX вѣка финляндской казнѣ за исключеніемъ Шуезерскаго прихода.

Такъ какъ земли Салминскаго уѣзда позже всего перешли въ распоряженіе финляндской казны, то и русское вліяніе удержалось въ населеніи приходовъ: Салминскаго, Шуезерскаго, отчасти Имбилахтинскаго и Шуйстамскаго по настоящее время.

Въ „Suomen maakunnat. Pohjois-ja Ståkarjala“ (стр. 44, 45, 70) говорится, что въ Сердоболѣ, какъ и въ другихъ приладожскихъ мѣстностяхъ, русскія деньги были въ исключительномъ употребленіи до 70-хъ годовъ XIX вѣка; финскихъ денегъ даже не брали. Въ Сердоболѣ съ 1757 года была школа, бывшая въ вѣдѣніи нѣмцевъ. До 50-хъ годовъ XIX вѣка преподаваніе въ ней велось на

---

[1]) Danielson, 44.

русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: исторія и географія преподавались по-русски, остальные предметы по-нѣмецки; на другихъ языкахъ не позволялось говорить даже въ перемѣны. Въ 1842 году нѣмецкій языкъ былъ замѣненъ шведскимъ. О существованіи такой же школы въ Кексгольмѣ пишетъ Я. Гротъ въ письмѣ къ Плетневу отъ 21 мая 1846 года: „Здѣсь родъ народной школы, самый первоначальной, гдѣ учатъ только два учителя: Фабриціусъ преподаетъ русскій языкъ, да географію и исторію по-русски же, ректоръ—другіе предметы (по-шведски)". „Лучшіе изъ домовъ Кексгольма принадлежатъ русскимъ купцамъ", пишетъ Я. Гротъ въ „Переѣздахъ по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео" на стр. 7. (Спб. 1847). Въ Сердоболѣ, по его же словамъ, жителей „на лицо не болѣе 450 человѣкъ, хотя записано въ немъ до 700; къ приходу здѣшней русской церкви принадлежитъ около 800 человѣкъ; большая часть этого числа состоитъ изъ финновъ окрестныхъ селеній. Русскій языкъ здѣсь болѣе извѣстенъ, нежели въ Кексгольмѣ; но однако жъ прислуга въ обоихъ городахъ говоритъ почти исключительно по-карельски (это какая-то смѣсь русскихъ словъ съ финскими)" (стр. 15, 16). Ласковскій въ статьѣ „О православныхъ Выборгской губерніи", помѣщенной въ „Современной Лѣтописи" 1866 г., № 8, говоритъ, что еще въ 1859 году въ Кексгольмѣ на 1 тысячу жителей было 550 православныхъ, „торговля въ Кексгольмѣ и Сердоболѣ въ рукахъ русскихъ купцовъ".

Карельское населеніе сѣверо-восточной части Выборгской губерніи еще въ серединѣ XIX вѣка, было настолько обрусѣлымъ, что называло себя русскимъ и говорило полурусскимъ языкомъ, который Я. Гротомъ былъ принятъ за нарѣчіе русскаго языка: „прибывшіе съ судномъ", пишетъ онъ въ помянутыхъ „Переѣздахъ" о встрѣченныхъ имъ въ Кексгольмѣ карелахъ изъ Салминскаго уѣзда „называли себя русскими, но говорили особеннымъ нарѣчіемъ".

Современный карельскій языкъ по сравненію съ финскимъ языкомъ.

Вліяніе русскаго языка чувствуется въ языкѣ православныхъ карелъ Выборгской Кареліи еще и въ настоящее время, несмотря на стремленія учителей финскихъ народныхъ школъ и мѣстной финской администраціи очистить языкъ карелъ отъ русскихъ словъ. Такъ въ газетѣ „Laato K-ka", № 53, 1905 года помѣщена такая замѣтка: „Ученикъ здѣшней (Сердобольской) семинаріи А. Панчу послалъ въ Гельсингфорсъ финскому литературному обществу пере-

ченъ 1.100 окареленныхъ русскихъ словъ. Слова собраны въ окрестностяхъ Импилахти. Болѣе основательное и тщательное изслѣдованіе даетъ, вѣроятно, неизмѣримо обильнѣйшее дополненіе къ этому сборнику, такъ какъ послѣдній есть лишь какъ бы образчикъ такихъ словъ". Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ окареленныхъ русскихъ словъ: дóрогу—дорога, туугчу—туча, піятенчу—пятница, закусізъ—закусить, гуляима—гулять, мóлодчу—молодецъ, богатопу—богатый, скууппу—скупой, невѣску—невѣстка и пр.

Кромѣ этого въ языкѣ карелъ много встрѣчается такъ называемыхъ финскими языковѣдами вепскихъ словъ. (См. напр. Suomen maakunnat. Pohjois-ja Stâkarjala. Relander, стр. 66). Примѣры ихъ: эилендяа—понимать (по-фински ymmartâa), кирвота—подать (по-фински—pudota), хуруа—лѣвый (по-фински vasen), левкята—хвастать (по-фински—kehua), каймата—провожать (по-фински senrata) и проч.

Наконецъ многія слова, будучи общими и для карельскаго и для финскаго языковъ, имѣютъ разное значеніе у карелъ и у финновъ. Напр., пухунъ—у карелъ означаетъ дую, у финновъ—говорю; тю онанъ—у карелъ—посылаю, у финновъ—толкаю; âjâ—у карелъ много, у финновъ—дѣдушка и проч.

Само собою, что въ языкѣ русскихъ карелъ количество русскихъ словъ, благодаря и русскимъ школамъ и сношеніямъ съ русскими, все болѣе увеличивается, окареливаніе же ихъ ослабляется.

Неудивительно поэтому, что „многое въ языкѣ (финляндскихъ) порубежныхъ карелъ непонятно финнамъ", какъ это свидѣтельствуется и самими финляндцами, напр., Реландеромъ въ книгѣ „Suomen maakunnat. Pohjois-ja Stâ Karjala", стр. 66, и наоборотъ карелы не понимаютъ финскаго литературнаго языка, какъ это свидѣтельствуется, напр., Брандерсомъ въ его брошюрѣ „Tietoja Suojârven pitâjâstâ".

Вліяніе финскихъ народныхъ школъ на населеніе приладожской Кареліи.

И Брандерсъ и Реландеръ согласно отмѣчаютъ вліяніе финскихъ народныхъ школъ въ Кареліи на языкъ молодого поколѣнія карелъ: „рѣчь молодого поколѣнія стала приближаться къ рѣчи населенія остальной Финляндіи" къ неудовольствію стараго поколѣнія карелъ, порицающаго молодежь, прошедшую финскую школу, за то, что она „не умѣетъ болѣе и говорить по-человѣчески", т. е. по-карельски [1]).

[1]) Реландеръ, стр. 66.

Оказывая вліяніе на православныхъ карелъ, финскія народныя школы должны были оказать тѣмъ болѣе сильное вліяніе на финновъ сѣверно-западныхъ береговъ Ладожскаго озера. Населеніе приладожской Карелiи, состоящее съ XVII вѣка по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера большею частью изъ финновъ и успѣвшее за XVIII вѣкъ и начало XIX значительно обрусѣть, быстро стало офинниваться во вторую половину XIX вѣка подъ вліяніемъ финскихъ народныхъ школъ, и въ настоящее время уже въ мѣстностяхъ по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера слѣды русскаго вліянія стерты. Вниманіе финской интеллигенціи поэтому къ концу XIX вѣка обратилось на сѣверо-восточные берега Ладожскаго озера, на приходы съ православно-карельскимъ населеніемъ.

Финскія школы въ приходахъ православной Карелiи стали впервые основываться въ 80 годы минувшаго столѣтія. О томъ, какъ онѣ были встрѣчены населеніемъ православно-карельскимъ, можно судить по статьѣ „Вѣроисповѣданіе и народность", помѣщенной въ газетѣ „Laatokka", № 63—1905 года. „При основаніи первой финской школы въ Салмѣ салминскіе крестьяне хотѣли воспрепятствовать этому исключительно на томъ основаніи, что большая часть населенія ихъ прихода исповѣдуетъ православіе, почему въ финской школѣ и нѣтъ надобности... Съ трудомъ удалось основать школу (въ Салмѣ), послѣ чего появились тамъ и другія школы, однако, подобно тому какъ и въ другихъ пограничныхъ приходахъ, понятіе о народности не находится въ удовлетворительномъ положеніи... Салминцы не хотѣли даже признать своего языка финскимъ... по непониманію многіе православные (карелы) присвояютъ сами себѣ названіе русскихъ".

Отсюда видно, какъ карелы не хотѣли финскихъ школъ у себя, не потому только, что они православные, но и еще по двумъ причинамъ: они не хотѣли русскихъ школъ и потому, что при ихъ сношеніяхъ съ Петербургомъ и Россіею имъ необходимы русскія школы, а не финскія, и потому, что они сознаютъ себя русскими, чего не могъ скрыть и авторъ вышеприведенной статьи.

Финская школа всѣми силами стремится офиннить православныхъ карелъ; учителя финскихъ народныхъ школъ усердно стремятся уничтожать признаки обрусѣнія. Объ этой своей цѣли одинъ изъ учителей финскихъ народныхъ школъ на годовомъ праздникѣ Питкерантскаго общества молодежи 23 іюля 1905 года говорилъ между прочимъ такъ: „У насъ здѣсь въ пограничной Карелiи нѣтъ собственно борьбы между партіями суометарьянцевъ и конституціоналистовъ, за то у насъ есть болѣе важное и болѣе отчетливое дѣленіе на партіи и есть борьба между офинниваніемъ и обрусѣ-

ніемъ". („Laatokka", № 82, 1905 г.). Поэтому-то во время большой забастовки въ Финляндіи въ концѣ 1905 года финляндская интеллигенція въ Кареліи настаивала на закрытіи русскихъ школъ въ Кареліи, какъ обрусѣвающихъ карелъ.

Вопросъ о языкѣ богослуженія въ приходахъ съ православно-карельскимъ населеніемъ.

Учителя финскихъ школъ обратили также вниманіе и на церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи православныхъ карелъ. Церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи для карелъ поддерживалъ въ представленіи карелъ ихъ связь съ русскимъ народомъ, ихъ близость къ русскому народу, поддерживалъ русскія слова въ языкѣ карелъ. Видя такимъ образомъ въ церковно-славянскомъ языкѣ помѣху для офинниванія, учителя финскихъ народныхъ школъ въ православной Кареліи возстали противъ церковно-славянскаго языка въ богослуженіи. Лѣтомъ и осенью 1905 года особенно усердно агитировали учителя въ Салминскомъ приходѣ противъ церковно-славянскаго языка. № 69, 53, 57, 64, 62, 63 газеты „Laatokkin" за 1905 г. заключаютъ въ себѣ описанія такой агитаціонной дѣятельности учителей финскихъ народныхъ школъ. И несмотря на всю эту агитацію, несмотря на всѣ труды учителей, подавляющее большинство православныхъ карелъ Салминскаго прихода высказалось за церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи и за русскій языкъ въ школахъ, или правильнѣе сказать, за русскія школы. Вопросъ о языкѣ богослуженія для православныхъ карелъ въ Выборгской губерніи поднимался уже въ 60-е годы, когда часть православнаго духовенства высказалась за необходимость введенія финскаго языка въ богослуженіи для карелъ. Такіе близорукіе сторонники финскаго языка въ богослуженіи для карелъ среди православнаго духовенства имѣются и въ настоящее время. Эти духовныя лица оправдываютъ введеніе финскаго языка въ богослуженіе для карелъ тѣмъ, что финскій языкъ будто бы понятенъ для карелъ, хотя въ дѣйствительности финскій языкъ понятенъ тѣмъ лишь кареламъ, которые прошли финскую народную школу. Однако почему же тогда не совершали богослуженіе для карелъ на ихъ же карельскомъ языкѣ, разъ дѣло идетъ о необходимости совершать богослуженіе на родномъ языкѣ молящихся? Эти духовныя лица или не хотятъ понять, или умышленно ведутъ дѣло въ Выборгской Кареліи къ тѣмъ результатамъ, которые теперь обнаружились въ Куопіоской Кареліи. Тамъ, какъ выше мы указали, уже съ конца XVIII вѣка

богослуженіе стало совершаться на финскомъ языкѣ для православныхъ карелъ, и православные карелы поэтому давно вполнѣ офиннились. Сдѣлавшись совершенными финнами, они стали смотрѣть на свое православіе, 1) какъ на послѣднее напоминаніе о нефинскомъ своемъ происхожденіи; 2) какъ на послѣднюю поэтому помѣху для окончательнаго сліянія съ чистофинскимъ населеніемъ; они стали тяготиться своимъ православіемъ, равно какъ и своими русскими фамиліями. Послушайте, напр., какъ говоритъ о своемъ православіи одинъ изъ такихъ куопіоскихъ карелъ, ѣздившихъ осенью 1905 г. въ Петербургъ для перехода тамъ въ лютеранство. Напомнимъ лишь въ объясненіе поѣздокъ въ Петербургъ для перехода въ лютеранство, что законъ о свободѣ вѣроисповѣданія въ Финляндіи обнародованъ былъ лишь въ началѣ 1906 года, такъ что переходить въ лютеранство въ 1905 году можно было лишь въ имперіи. „Когда мой дѣдъ въ началѣ минувшаго столѣтія отъ рабства бѣжалъ изъ Россіи, то жгучая жажда свободы заставила его сдѣлать это... Онъ освободилъ отъ рабства свое тѣло, и Финляндія стала его родиною. Но развитіе идетъ медленно, и *онъ могъ стать финномъ лишь наполовину, т. е. физически...* я, его внукъ, счастливъ тѣмъ, что могъ освободить отъ рабства также и совѣсть и душу своего рода. И я сдѣлалъ это изъ-за того же жгучаго стремленія къ свободѣ. Мое дѣло заключалось лишь въ продолженіи дѣла дѣда. И я чувствовалъ (въ моментъ перехода въ лютеранство), что теперь, именно теперь пробилъ тотъ часъ, *когда я съ будущимъ своимъ родомъ окончательно и духовно слился съ финскимъ* народомъ“ [1]. Вотъ такимъ образомъ взглядъ на православіе совершенно офиннившагося карела. Православіе мѣшало ему вполнѣ слиться съ финскимъ народомъ; будучи православнымъ, онъ не могъ сознавать себя чистокровнымъ финномъ; православіе давило его, словно цѣпи раба, напоминая о связи съ русскими—ненавистными русскими: онъ, подобно многимъ другимъ куопіоскимъ кареламъ, сбросилъ съ себя не только православіе, но и русскую фамилію своихъ предковъ. Этотъ же результатъ будетъ, конечно, и съ православными карелами Выборгской губерніи, когда они посредствомъ финскихъ народныхъ школъ и богослуженія на финскомъ языкѣ будутъ офиннены.

---

[1]) Karjalatar, № 5, 1906 года, статейка „Одно воспоминаніе“.

Православное духовенство въ Кареліи.

Православно-русское духовенство должно бы было это понимать. Впрочемъ по близорукости своей православно-русское духовенство не хочетъ заглядывать въ будущее, имѣя нѣкоторое для себя удобство въ настоящемъ отъ богослуженія на финскомъ языкѣ. Не могу не привести предварительно одинъ аналогичный фактъ удобства въ настоящемъ. Въ 1843 году коронный фохтъ Ареніусъ разрушилъ часовню въ Менчелѣ (Сердобольскаго прихода) подъ тѣмъ предлогомъ, что она была старовѣрческая. Мѣстные жители утверждали, что здѣсь никогда и не было старовѣровъ, обвиненіе же это было выставлено православнымъ священникомъ Сердоболя, обязаннымъ разъ въ годъ ѣздить въ Менчелу для совершенія тамъ богослуженія. Тяготясь поѣздками за 17 верстъ на лодкѣ, священникъ подалъ заявленіе о принадлежности часовни старовѣрамъ [1]). Часовня была разрушена и перестала такимъ образомъ напоминать жителямъ о ихъ православіи, перестала поддерживать ихъ религіозное рвеніе, заставивъ ихъ ѣздить для удовлетворенія своего религіознаго чувства въ Сердоболь. Зато священнику было теперь удобнѣе. Также дѣло обстоитъ для православно-русскаго духовенства и въ отношеніи богослужебнаго языка для православныхъ карелъ. При обработанности въ литературномъ отношеніи финскаго языка переводить православныя богослужебныя книги на финскій языкъ несравненно легче, чѣмъ на совершенно необработанный карельскій языкъ. Съ одной стороны удобство отъ легкости перевода на финскій языкъ, съ другой—благосклонность мѣстной финской интеллигенціи за содѣйствіе по офинниванію карелъ и нашли въ средѣ православно-русскаго духовенства горячихъ сторонниковъ богослуженія на финскомъ языкѣ. Въ послѣднее время духовная власть пошла даже еще далѣе въ этомъ направленіи. Въ православные священники стали назначать православныхъ карелъ, офиннившихся предварительно въ финской народной школѣ и затѣмъ въ сердобольской финской учительской семинаріи. Въ виду громаднаго значенія Сердобольской финской учительской семинаріи въ дѣлѣ офиниванія восточной части Выборгской губерніи, мы приведемъ особо исторію возникновенія этой семинаріи и значеніе ея дѣятельности въ православной Кареліи. Теперь же укажемъ лишь для примѣра на образъ мыслей одного изъ такихъ священниковъ, именно священника сердобольской церкви Садовникова, питомца сердобольской

---

[1]) Muinois jâânnôksiô ja muistoja Sortavalan Kihlakunnasta. Killinen въ Suomen Muihas muisto—lhdixtyksen cti kakanskirja. 1890.

учительской семинаріи. Въ финской газетѣ «Karjala», № 14, 1906 года Садовниковымъ была помѣщена статья „Отвѣтъ Юрю Karjal'ы", въ которой онъ, указывая на свои достоинства съ финской точки зрѣнія, между прочимъ, заявляетъ, что „я—одинъ изъ нѣсколькихъ финляндскихъ православныхъ священниковъ, которому невозможно обратиться въ русскаго... Я читаю «Helsinkin Sanomat» (главный органъ младофинновъ) по той причинѣ, что это единственная газета моего образа мыслей... О, если бы я могъ въ нѣкоторой степени посодѣйствовать поднятію населенія Кареліи до уровня остальной Финляндіи"... Видите отсюда, какъ православный священникъ, получающій содержаніе отъ русскаго Св. Синода, гордится тѣмъ, что онъ—не русскій; будучи финномъ, онъ принадлежитъ къ младофинской партіи, наиболѣе враждебно относящейся ко всякой попыткѣ русской власти тѣснѣе объединить Финляндію съ Россіею; какъ младофиннъ, онъ стремится поскорѣе обратить православныхъ карелъ въ чистѣйшихъ финновъ. Что подъ „поднятіемъ населенія Кареліи до уровня остальной Финляндіи" священникъ Садовниковъ имѣетъ въ виду офинниваніе православныхъ карелъ, подтверждается его рѣчью на юбилейномъ обѣдѣ по поводу исполнившагося 25-лѣтія существованія финской сердобольской учительской семинаріи: „Священникъ Садовниковъ говорилъ о томъ очень важномъ трудѣ, который Сердобольская семинарія выполнила особенно въ самой восточной Кареліи". („Laatokka", № 120—1905 г.). Насколько можно судить по нынѣшнимъ назначеніямъ священниковъ въ приходы православной Кареліи, высшая духовная власть наша стремится назначать въ священники именно такихъ лицъ, какъ священникъ Садовниковъ. Жаль будетъ тогда тѣхъ 60 тысячъ рублей, которые отпускаются ежегодно Св. Синодомъ на содержаніе священниковъ финляндской епархіи.

Вѣдь при дружныхъ усиліяхъ финскихъ народныхъ школъ и православнаго духовенства по офинниванію православныхъ карелъ Выборгской губерніи, скоро исчезнутъ такія, напр., заявленія со стороны православныхъ карелъ, одно изъ каковыхъ ради, конечно, осмѣянія помѣщено въ газетѣ „Laatokka" (№ 141—1905). „Православные крестьяне Суоярвскаго прихода съ древнѣйшихъ временъ были вѣрны русскому царю, въ теченіе столѣтій боролись съ шведами (подъ шведами разумѣютъ карелы православные одинаково какъ шведовъ, такъ и финновъ-лютеранъ) какъ и теперь, и были вѣрны старинѣ"... Ну, а если такому карелу внушать мысль, что онъ и самъ—тотъ же финнъ, котораго до сихъ поръ считалъ чужакомъ для себя, что онъ съ русскимъ общаго имѣетъ лишь вѣроисповѣданіе, то для него естественнымъ будетъ тотъ выводъ, что предки его по

недоразумѣнію боролись въ союзѣ съ русскими противъ своихъ братьевъ-финновъ, что онъ долженъ исправить это недоразумѣніе, какъ это и обнаруживается теперь среди куопіоскихъ карелъ.

Въ своемъ стремленіи офиннивать православныхъ карелъ, финляндцы не ограничиваются карелами, живущими въ предѣлахъ Финляндіи, но дѣлаютъ попытки къ офинниванію и среди карелъ, живущихъ въ предѣлахъ имперіи, т. е. въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ. Попытки эти пока выражаются въ стремленіяхъ пробудить въ русскихъ карелахъ сознаніе о себѣ, какъ финскомъ племени, требовать введенія своего языка въ свои школы и въ свои церкви. Такія попытки въ настоящее время проявляются въ слѣдующемъ. Прежде всего указанныя идеи сѣютъ среди русскихъ карелъ путешествующіе подъ предлогомъ научныхъ цѣлей финляндцы. (См. напр. Эрвасти: Muistelmia matkalta Venâjân Karjalasta — Воспоминанія изъ путешествія по русской Кареліи). Затѣмъ нѣкоторое вліяніе оказываютъ въ этомъ же отношеніи и тѣ православные карелы, которые, поселившись по торговымъ дѣламъ въ Финляндіи и офиннившись, въ сношеніяхъ своихъ съ оставшимися на родинѣ родственниками проводятъ тѣ же идеи. (См. Uusi Suometar № 22—1906 года письмо „Архангельскимъ кареламъ“). Наконецъ не останется безъ послѣдствій и пребываніе русскихъ карелъ въ финской учительской семинаріи въ г. Сердоболѣ. Въ спискахъ кончившихъ курсъ эту семинарію мы видимъ одного карела изъ Архангельской губерніи (1900 г. Лесаевъ), двухъ — изъ Олонецкой (1887 г. Сутиненъ и 1901 г. Невалайненъ).

Въ виду такихъ стремленій финляндцевъ, являющихся слѣдствіемъ ихъ мечтаній о Финляндіи до Онежскаго озера и Бѣлаго моря, русскимъ нужно обратить болѣе серьезное вниманіе на свои школы среди карелъ, такъ какъ русскія школы при надлежащей своей постановкѣ въ два или три десятилѣтія смогутъ окончательно слить карелъ съ русскимъ населеніемъ и тѣмъ сдѣлать мечты финляндцевъ объ объединеніи всѣхъ финскихъ племенъ чистѣйшею фантазіею.

Сообщилъ В. Крохинъ.

Отношеніе главноначальствующаго Кремлевскою Экспедиціею П. С. Валуева къ преосвященному Августину, 20 Ноября 1812 г.

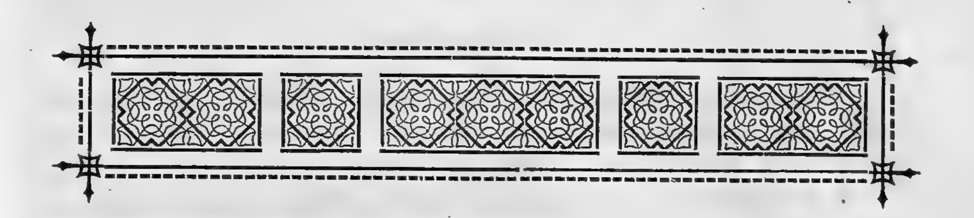
Ваше Преосвященство
Милостивый мой Архипастырь.

По слухамъ, дошедшимъ до меня отъ оставшихся здѣсь въ бытность непріятеля, навѣрное извѣстно, что священникъ при церкви, имѣющейся въ Тверскомъ домѣ, Михаилъ Анофріевъ получилъ отъ императора Наполеона камилавку и рясу и сверхъ сего по волѣ онаго императора облаченъ былъ въ архіерейскую одежду. Утвари церковныя по объясненію его изъ помянутой церкви раскрадены, но вмѣсто оныхъ явились у него постороннія вещи. Не имѣя права входить въ разсмотрѣніе изъясненныхъ обстоятельствъ, поелику оныя принадлежатъ духовному начальству, рѣшился я представить себѣ на Ваше усмотрѣніе.

Вашего Преосвященства
Всепокорнѣйшій слуга Петръ Валуевъ.

Сообщилъ В. Афанасьевъ.

Примѣчаніе: Тверской домъ, нынѣ генералъ-губернаторскій, былъ въ 1812 г. въ вѣдѣніи Кремлевской Экспедиціи.

Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева.

VI [1]).

Естественно, что, проникнутый эстетическими стремленіями и войдя въ поэтическую среду, Плетневъ самъ началъ писать стихотворенія. Но его поэтическая дѣятельность была не велика. Какъ онъ самъ сообщалъ Гроту, стихи давались ему послѣ долгихъ усилій. Поэтому съ 1827 г. прекратилось печатаніе стиховъ Плетнева и, вѣроятно, съ этой поры онъ пересталъ бесѣдовать съ неподатливыми музами. Напечатанные въ „Сочиненіяхъ" стихи неизвѣстныхъ годовъ всѣ могутъ быть отнесены къ тому же времени до 1827 г., а послѣ этого года Плетневъ отдалъ въ печать, и то по просьбѣ, только небольшое стихотвореніе къ одной финляндской красавицѣ (1840 г.) [2]).

Первыя произведенія написаны въ разныхъ родахъ: есть и идиллія, и баллада, и ода; но любимымъ родомъ Плетнева всегда оставался элегическій. Есть также и что-то въ родѣ притчей: „Ломоносовъ", „Невольное безсмертіе". Первое изъ стихотвореній, элегія „Старость", напечатано въ 1819 году [3]), а написано, можетъ быть, и гораздо ранѣе, потому что, какъ говорится у Бартенева, „въ то время не спѣшили печатаніемъ". Поэтъ такъ начинаетъ свою элегію:

„Сокрылись призраки моихъ счастливыхъ лѣтъ;
Послѣдній другъ—надежда улетѣла...
И жизнь безъ радостей, осенній будто цвѣтъ,
Съ погибшею красою омертвѣла"...

[1]) См. „Русская Старина", іюнь 1908 г.

[2]) Въ «Соч. и переп.» стихотворенія помѣщены въ 3 томѣ.

[3]) «Соревнователь» ч. VIII, стр. 88.

Признакъ не совсѣмъ благопріятный, что поэтъ настраиваетъ свою лиру сразу же въ минорный тонъ... Да и большинство стихотвореній, какъ сказано, написаны въ томъ же духѣ. Можно было бы и не придавать особаго значенія элегическому характеру стиховъ, такъ какъ онъ, особенно въ то время, не всегда являлся выраженіемъ дѣйствительныхъ чувствованій поэта. Но относительно Плетнева нужно сказать, что ему дѣйствительно приходилось впадать въ грустное настроеніе, какъ увидимъ ниже.—Въ содержаніи первыхъ стихотвореній главную роль играетъ любовь, потомъ другія утѣхи. Дѣйствуютъ тутъ, по обычаю времени, Эмиліи, Эрминіи, амуры, Камены. Особаго интереса первыя элегіи не представляютъ. Что касается формы, то первыя произведенія кой-гдѣ напоминаютъ Жуковскаго своими „очарованьями" и „упованьями". Какъ у Жуковскаго часто читаемъ стихи въ родѣ, напр., слѣдующихъ:

„Побудь со мной, продли очарованья;
Дай сладкаго вкусить воспоминанья"...

такъ и Плетневъ риѳмуетъ свои стихи такими созвучіями довольно часто. Въ той же „Старости" находимъ:

„Гдѣ ты, моя весна? Куда сокрылась ты
Съ плѣнительнымъ твоимъ очарованьемъ?
Отдай, измѣнница, мнѣ сладкія мечты
И дружество съ веселымъ упованьемъ"...

Баллада написана по образцу поэтовъ-пѣсельниковъ того времени.

„Долго, долго вѣсти нѣтъ
Пашѣ отъ милаго друга:
Онъ поѣхалъ далеко
Въ незнакомую чужбину.
Не забылъ ли милый тамъ
Про нее, красу дѣвицу,
А у ней и день и ночь
Все на мысли только милый" и т. д. [1]).

Въ одѣ „Честь" [2]), поэтъ, также въ современномъ духѣ, заявляетъ:

„Краса отечества и гордость,
Герои, слава нашихъ дней,
Вы, коихъ мужество и твердость
Спасли Европу отъ цѣпей;

---

[1]) Ib. 1821, ч. XIII, стр. 268.
[2]) Ib. 1820, кн. XI.

Хранители законовъ чести,
Отвергшіе трофеи мести
Средь дивныхъ подвиговъ своихъ!
Я вашими плѣненъ дѣлами,
И лира вамъ звучитъ струнами:
Склоните слухъ на голосъ ихъ".

Послѣдующія стихотворенія, уже приблизительно съ 1821 года, гораздо лучше и по отдѣлкѣ стиха и по содержанію. Стихъ становится очень гладкимъ, а содержаніе получаетъ болѣе искренности. Особенно это слѣдуетъ сказать о дружескихъ посланіяхъ Плетнева къ Дельвигу, Пушкину и др. Въ отличіе отъ тогдашней, довольно употребительной манеры авторовъ посланій—чрезмѣрно удлинять ихъ, что видимъ даже у Пушкина, не говоря уже о Жуковскомъ,—посланія Плетнева по большой части коротки. Изъ нихъ тѣ, которыя можно назвать анакреонтическими, положительно хороши: къ Дельвигу съ Баратынскимъ и къ одному первому.

„Дельвигъ, какъ бы съ нашей лѣнью
Хорошо въ деревнѣ жить;
Подъ наслѣдственною сѣнью
Липецъ прадѣдовскій пить!" [1]) и проч.

Прочувствованностью отличаются посланія къ Пушкину по вышеизложенному поводу и къ Гнѣдичу [2]). Въ нихъ, между прочимъ, отразились нѣкоторыя минуты душевнаго настроенія Плетнева. Онъ обращается такъ къ Гнѣдичу:

„Служитель музъ и древняго Омера,
Судья и другъ поэтовъ молодыхъ!
Къ твоимъ словамъ въ отважномъ сердцѣ ихъ
Есть тайная, особенная вѣра.
Она зоветъ къ тебѣ меня, поэтъ!

Причиной обращенія къ опытному другу явилась неувѣренность въ своихъ поэтическихъ силахъ:

Зачѣмъ скрывать? Въ поэзіи моей
Останется лишь повѣсть заблужденій,
Постыдная уму игра страстей,
А не огонь небесныхъ вдохновеній.

Плетневъ проситъ поэта сказать ему откровенно, продолжать ли

---

[1]) «Соч. и переп.» III, 288.
[2]) Ib. III, 253.

ему поэтическія занятія, или же оставить навсегда надежду сдѣлаться любимцемъ музъ:

Скажи, еще ль бороться мнѣ съ судьбой,
Иль позабыть обмановъ сладкихъ поле?
Быть можетъ, я вступилъ средь дѣтскихъ лѣтъ [1])
На поприще поэзіи ошибкой.
Какъ другъ, скажи мнѣ съ тихою улыбкой:
„Сними съ себя вѣнокъ, ты не поэтъ“.

Гнѣдичъ отвѣчалъ Плетневу также стихотворнымъ посланіемъ, въ которомъ призываетъ его къ мужеству и высказываетъ ту мысль, что справедливыми судьями поэта могутъ быть не друзья, которые не чужды пристрастія, и не заблуждающаяся толпа, а только его собственная совѣсть и природа [2]).

Въ посланіи къ Пушкину Плетневъ также говоритъ:

„Притворство прочь: на поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта.
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта“.

Онъ проситъ Пушкина не искать въ стихахъ любимыхъ имъ созданій, такъ какъ эти созданія живутъ въ несказанныхъ мечтахъ. Онъ не свободенъ, такъ какъ его заѣдаютъ заботы:

На мнѣ лежитъ властительная цѣпь
Суровыхъ нуждъ, желаній безнадежныхъ,
Я прохожу уныло жизни степь,
И радуюсь средь радостей ничтожныхъ...
Минетъ ли срокъ изнеможенья силъ?
Минетъ ли срокъ заботъ моихъ унылыхъ?

Плетневъ проситъ переселить его туда, гдѣ царствуетъ мысль и вѣрный вкусъ къ красотѣ, и гдѣ невѣжество и лесть безсильны,—

Но здѣсь, какъ здѣсь бороться съ жизнью намъ?

По его словамъ, ему чужды его друзья, къ которымъ онъ „вотще стремится“, ему не къ кому „придти отъ жизни отдохнуть“.

...Съ любовію моей
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть можетъ, я подъ бурей грозныхъ дней
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокій!..

---

[1]) Такимъ образомъ, эстетическія наклонности Плетнева выразились стихотворными попытками еще въ дѣтскіе годы.

[2]) Соч. Гнѣдича, изд. Смирдина, Спб. 1854, стр. 143.

Стихотвореніе произвело на Пушкина впечатлѣніе, и онъ, какъ выше сказано, отвѣчалъ ему извиненіемъ и признаніемъ дѣйствительныхъ его поэтическихъ способностей.

Выраженную въ посланіи къ Пушкину мысль о несходствѣ настроеній поэта съ привычками толпы или пристрастныхъ цѣнителей высокаго повторяетъ Плетневъ въ посланіи къ А. Ѳ. Воейкову [1]), и тутъ же есть намеки и на душевное его состояніе.

Готовъ признаться я: бесѣдуя съ Каменой,
Спокойствія ищу, вознаграждаю дни,
Когда безплодно мной утрачены они;
Поэзія мнѣ жизнь—послѣднею замѣной
Насильно взятаго холодною судьбой.
Зачѣмъ же повергать на судъ неумолимыхъ,
Что тайно ввѣрилъ мнѣ смягченный жребій мой
Въ замѣну радостей, ничѣмъ не возвратимыхъ.

Неспокойное душевное состояніе подтверждается и перепискою Плетнева. Такъ, въ 1827 году онъ пишетъ Пушкину о своихъ друзьяхъ: „Правду сказать, что я въ любви самый несчастный человѣкъ. Кого ни выберу для страсти, всякій меня броситъ" [2]). А Пушкинъ ему пишетъ въ 1830 г., что его, Плетнева, меланхоліей не удивишь, онъ самъ на этомъ собаку съѣлъ. О причинахъ меланхоліи опредѣленно сказать трудно; мы еще возвратимся къ этому.

Въ заключеніе обзора стихотворной дѣятельности Плетнева, разсмотримъ взглядъ его на назначеніе поэта и его дѣйствительную судьбу, взглядъ, поскольку его можно опредѣлить изъ стихотвореній же. Въ посланіи къ Вяземскому [3]) (неизвѣстнаго года; но судя по тому, что Плетневъ называетъ его здѣсь „новымъ знакомцемъ"— оно написано въ началѣ 20-хъ годовъ, когда они познакомились) авторъ предъявляетъ требованія къ поэту, сущность которыхъ — обличеніе. Но обличать онъ совѣтуетъ Вяземскому не плохихъ поэтовъ, противъ которыхъ вооружался Вяземскій, а

...презрительныхъ невѣждъ,
Постыдной лѣностью безпечно усыпленныхъ!
Порода ихъ зоветъ средь подвиговъ почтенныхъ
Хранить свой давній блескъ: отъ нихъ ли ждать надеждъ?

Вмѣсто подвиговъ они занимаются охотой и топчутъ при этомъ поля, усѣянныя потомъ и слезами. Затѣмъ—обличать такихъ же

---

[1]) «Соч. и переп.» III, 262.
[2]) Ib. III, 343.
[3]) Ib. III. 301.

невѣждъ, „рвущихся на поприще Беллоны“, которые считаютъ свой долгъ исполненнымъ, свою „далекую мѣту“ достигнутою, когда надѣнутъ „блестящіе эполеты“. Заключаетъ онъ слѣдующими строками.

„Судья въ расправѣ чуждъ и отдыха и лѣни,
И правду грозную таить не любитъ онъ;
Тотъ не поэтъ, кто ждетъ отъ Музъ одной забавы;
Для добродѣтели пиши, пиши для славы!
Пусть смѣлый голосъ твой злодѣевъ устрашитъ:
И лаврами тебя отечество почтитъ.

Но совѣтъ этотъ авторъ, какъ онъ самъ писалъ Пушкину, не считаетъ выполнимымъ, по указанной имъ же причинѣ: публика не можетъ правильно оцѣнить произведенія поэта, она даже его не слушаетъ. Эту послѣднюю мысль о судьбѣ поэта Плетневъ кратко выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи, подъ названіемъ „Удѣлъ поэзіи“ [1]).

„Какъ мѣсяцъ молодой на спящую природу
Лучи серебряные льетъ;
Какъ ранній соловей веселье и свободу
Въ дубравѣ сумрачной поетъ;
Какъ свѣтлый ключъ въ степи, никѣмъ не посѣщенный,
Прохладною струею бьетъ:
Такъ вдохновенный жрецъ поэзіи священной
Свой голосъ громкій подаетъ.
Онъ пламенную пѣснь надъ хладною землею
Въ восторгѣ чистомъ заведетъ:
Промчится гласъ его, исполненный душою,
И невнимаемый умретъ“.

Таково мнѣніе Плетнева о поэтѣ, подобное которому черезъ 10 лѣтъ выражено было Пушкинымъ въ его „Эхо“ (1831 г.).

Добавимъ, кстати, что нѣкоторыя стихотворенія Плетнева находили себѣ мѣсто въ прежнихъ хрестоматіяхъ (Галахова, Гербеля).

---

[1]) Ib. III, 310. Это стихотвореніе, подъ названіемъ «Эпилогъ», даннымъ ли Плетневымъ, или Гротомъ—неизвѣстно, помѣщено Гротомъ въ концѣ ненапечатанныхъ прежде. Но оно напечатано подъ указаннымъ нами заглавіемъ въ «Соревнователѣ» 1821, ч. 16.

V.

Первый прозаическій трудъ Плетнева относится еще ко времени его студенчества: по порученію тогдашняго попечителя С. С. Уварова, онъ перевелъ съ французскаго похвальное слово ген. Моро́, и Гречъ, которому Уваровъ показывалъ эту работу, похвалилъ ее. По свидѣтельству Плетнева, первымъ литературнымъ лицомъ, пригласившимъ его, по выходѣ изъ института, былъ Я. Ѳ. Галинковскій, задѣтый кѣмъ-то въ „Сынѣ Отечества" и собиравшій партію противъ его издателя, Греча [1]). Но что было результатомъ этого перваго приглашенія, намъ неизвѣстно.

Изъ принадлежащихъ же Плетневу самостоятельныхъ трудовъ первымъ является цитированное выше предисловіе къ роману Георгіевскаго. Уже изъ приведенныхъ ранѣе выдержекъ можно было видѣть, что этотъ трудъ носитъ явные слѣды подражанія Карамзину. Первыя строки особенно свидѣтельствуютъ объ этомъ: отъ нихъ вѣетъ самою нѣжною сантиментальностью. „Жизнь молодого человѣка, скончавшаго поприще свое на двадцать пятомъ году, не можетъ быть для всѣхъ занимательною. Юность обильна однѣми мечтами. Авторъ „Евгеніи" не достигъ той счастливой эпохи, когда начинаютъ осуществляться сіи призраки. Но должно ли за то съ холоднымъ равнодушіемъ оставить безъ вниманія короткій путь, на которомъ смерть его остановила? Не большее ли надобно принять участіе въ судьбѣ его, когда юная душа уже воспламенялась порывами ко всему высокому и прекрасному? По крайней мѣрѣ, я считаю себя въ правѣ посадить цвѣтокъ на свѣжей могилѣ своего Агатона". Далѣе, Плетневъ первымъ побужденіемъ къ уваженію человѣка считаетъ присутствіе въ немъ чувствительности. „Если истинная чувствительность и твердыя правила заставляютъ уважать людей въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то можно ли юношѣ отказать въ любви за сіи качества, особенно, смѣю сказать, въ нынѣшнее время, когда разсѣянность сдѣлалась стихіей юношей, когда такъ рѣдко встрѣчаются молодые сократы". Въ такомъ тонѣ написана вся біографія. Всякая фраза показываетъ стремленіе къ образности выраженія. Георгіевскій же, повидимому, былъ еще чувствительнѣе Плетнева. Его герой,—конечно, Эрастъ—и героиня Евгенія влюбляются другъ въ друга съ перваго взгляда, и проводятъ затѣмъ время „посреди вѣчныхъ радостей и безпрерывнаго наслажденія". Плетневъ, на просьбу оцѣнить произведеніе, писалъ другу, что „восторги его

[1]) Біографія Плетнева соч. К. Я. Гротомъ, стр. 10.

слишкомъ пламенны", и что невозможно такъ скоро влюбиться. Георгіевскій отвѣчалъ, что для его героевъ это вполнѣ естественно, такъ какъ, напр., Евгенія „превышаетъ все, что онъ видѣлъ, и о чемъ даже могъ мечтать". Плетневъ еще обращаетъ вниманіе на отсутствіе завязокъ и развязокъ и получаетъ отвѣтъ: „вѣчныя радости, безпрерывное наслажденіе—какія могутъ быть тутъ завязки?" [1]).

Такимъ образомъ, мы здѣсь знакомимся отчасти съ критическими взглядами Плетнева. Онъ требуетъ поубавить „пламенникъ любви", т. е. требуетъ большей естественности, но въ то же время недоволенъ отступленіями отъ правилъ въ отношеніи завязокъ и развязокъ.

Тѣмъ же подражателемъ Карамзину является Плетневъ въ другомъ произведеніи, относящемся къ слѣдующему 1819-му году, на которое мы обращаемъ вниманіе потому, что оно, насколько намъ извѣстно, является единственнымъ образчикомъ прозаическаго творчества его. Это небольшое разсужденіе, носящее заглавіе „*Письмо къ невѣстѣ*" [2]), изображаетъ счастливое состояніе Эмиліи, ставшей невѣстой. Если съ ней сбылось то, о чемъ говоритъ Платонъ, изслѣдуя сущность любви и находя, что она состоитъ въ встрѣчѣ двухъ половинъ одной души, доселѣ бывшихъ разъединенными, то она пребываетъ въ счастливѣйшемъ состояніи своей жизни, такъ какъ нѣтъ ничего блаженнѣе этого. Если, продолжаетъ авторъ, ты будешь жить въ селѣ, то „прелестная простота сельскихъ картинъ призоветъ тебя къ тихимъ удовольствіямъ... Съ какою радостію будешь пробуждаться ты съ восхожденіемъ солнца, чтобы, встрѣтивъ оное, привѣтствовать съ другомъ своимъ трудолюбивыхъ поселянъ, вышедшихъ на раннія свои работы! Съ какою нѣжною заботливостью ты будешь помогать имъ во всѣхъ нуждахъ" и т. д.

Важнымъ источникомъ для опредѣленія взглядовъ Плетнева на поэзію является статья его, помѣщенная въ журналѣ „Благонамѣренный", подъ заглавіемъ: „*О средствахъ усовершенствованія русской словесности, какъ науки*" [3]). Здѣсь нужно обратить вниманіе на три пункта. Во-первыхъ, авторъ говоритъ о необходимости хорошей теоріи русской словесности. Что до сихъ поръ не было ея у насъ, это оправдываетъ онъ мыслью, что теорія въ поэзіи слѣдуетъ за практикой. Мы пока пріобрѣтали еще образцы и не успѣли

---

[1]) «Соч. и переп.» I, стр. 11.

[2]) «Соревнователь» 1819 г., ч. V, стр. 72—79.

[3]) «Благонамѣренный» 1819 г. кн. 8. Эта статья опущена въ «Соч. и перепискѣ».

изложить теоріи. Теперь наступила эта необходимость. Но, далѣе, онъ высказываетъ положенія, ограничивающія вліяніе теоріи. Начертывая кратко планъ „изящной прозы", авторъ говоритъ: „нельзя будетъ не упомянуть объ украшеніи рѣчи тропами и фигурами, хотя сіи термины, съ безконечною цѣпью подобныхъ названій, невольное возбуждаетъ отвращеніе отъ науки изящной прозы"... „Зачѣмъ исчислять сіи неисчислимые случаи?.. Оставимъ это сухое, безплодное поле въ наукѣ словесности"... Говоря о поэзіи, авторъ отдаетъ довольно скромное мѣсто правиламъ. „Наука поэзіи не можетъ прозаика сдѣлать поэтомъ... Поэзія, какъ душа всѣхъ прекрасныхъ искусствъ въ обширномъ своемъ значеніи, не подлежитъ правиламъ словесности, потому что не слова, по извѣстной мѣрѣ расположенныя, составляютъ ее, а отличный, одною природою внушаемый способъ чувствовать и чѣмъ-нибудь изъяснять свои вдохновенныя чувствованія". Но все-таки правила доставятъ случай всѣмъ справедливѣе судить о произведеніяхъ поэзіи; съ другой стороны, они могутъ укрощать неумѣстные порывы юнаго воображенія"... Но вообще, „поэты въ новѣйшія времена сдѣлались свободнѣе древнихъ". Наконецъ, авторъ считаетъ необходимымъ прибавить къ существующимъ Грамматикѣ, Риторикѣ и Поэзіи еще часть, которую онъ называетъ: „Характеристики классическихъ писателей". Здѣсь, по мнѣнію автора, и нужно указать заслуги выдающихся нашихъ писателей. А теперь, какъ говоритъ онъ, даются только ихъ „послужные списки".

Такимъ образомъ, по взглядамъ автора, сущность поэзіи заключается не въ правилахъ, которыя одни не могутъ сдѣлать поэта, а въ присутствіи особаго таланта. Однако и правила необходимы, чтобы дать вдохновенію способы къ проявленію и предохранить отъ ошибокъ, но они не должны стѣснять поэта, который сдѣлался „свободнѣе". Мысли эти не отличаются оригинальностью. Онѣ, собственно говоря, всегда господствовали въ сужденіяхъ объ искусствѣ. У насъ уже Сумароковъ заявлялъ, что одна наука стихотворства не сдѣлаетъ поэта, для этого нужно еще кое-что. Это, пожалуй, признавали всегда и „поэты", только иногда ошибка ихъ состояла въ томъ, что они признавали въ себѣ талантъ, на самомъ дѣлѣ его не имѣя... Что же касается пристрастія къ правиламъ, то оно и дѣйствительно, въ десятые годы прошлаго столѣтія, было еще очень сильно. Напр., въ журналахъ часто передъ стихами помѣщались метрическія схемы, по которымъ слѣдуетъ читать произведеніе, и довольно сложныя. Извѣстно, какъ сильно проявилъ себя „классицизмъ" при появленіи „Руслана и Людмилы". Добавленіе автора о томъ, что правила не должны стѣснять творчество, и слу-

житъ отраженіемъ возникшаго стремленія освободиться отъ регламентацій старыхъ теорій.

Въ 1822 году Вольное Общество Соревнователей заявляетъ, что оно вводитъ въ свое изданіе новый отдѣлъ критики [1]. Въ этомъ заявленіи, неизвѣстно кѣмъ составленномъ (можетъ быть, тѣмъ же Плетневымъ, первая критическая статья котораго и помѣщается вслѣдъ за этимъ и взгляды котораго очень сходны, даже и въ выраженіяхъ, съ послѣдующими взглядами самаго заявленія), Общество высказываетъ такія мнѣнія о критикѣ. Оно увѣрено, что „словесность наша богата хорошими сочиненіями, даже превосходными; но мы не можемъ похвалиться избыткомъ основательныхъ разборовъ. Посему критика въ „Соревнователѣ П. и Б.“ не будетъ ограничиваться новостями“..., которыя часто бываютъ очень недолговѣчны. Не будетъ она разбирать дурныхъ произведеній, которыя умрутъ и безъ заботъ о нихъ; будетъ указывать болѣе достоинства, чѣмъ недостатки, потому что, заявляетъ Общество, „одно указанное совершенство даетъ образецъ, хотя одинъ, но все полезный, а двадцать выставленныхъ ошибокъ (безъ замѣны ихъ лучшимъ) не сообщаютъ ни одной истины вкусу“. О слабыхъ мѣстахъ произведеній Общество считаетъ за лучшее говорить съ умѣренностью, „чтобы ни въ какомъ случаѣ критика не могла унизиться до брани“.

Здѣсь мы находимъ, такимъ образомъ, одни только указанія на внѣшніе пріемы критики. Эти пріемы совершенно должны примыкать, по своему безобидному характеру, ко взглядамъ старыхъ литературныхъ дѣятелей—Новикова и Карамзина въ эпоху изданія „Вѣстника Европы“. Плетневъ въ своихъ критическихъ статьяхъ и примѣняетъ эти пріемы. Онъ выбираетъ для разборовъ такихъ авторовъ, какъ Милоновъ, нравившійся въ то время, Батюшковъ, Жуковскій и др. Ниже увидимъ, что и по характеру его критика была „доброю“, какъ и называетъ ее Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ брату. „Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности“ [2].

Вслѣдъ за заявленіемъ Общества и помѣщается первый критическій разборъ Плетнева: *Сатиры, посланія и др. мелкія стихотворенія М. Милонова*“ [3]. Въ самомъ началѣ авторъ источникъ истинно поэтическаго произведенія полагаетъ въ „истинномъ одушевленіи поэта“, которое противоположно „холодному жару къ

---

[1] «Соревнователь» 1822, ч. XVII, стр. 33.

[2] Письмо отъ 15 марта 1825 г. Въ изд. Павленкова стр. 1534.

[3] «Соч. и переп.» I, стр. 12.

авторству". Другими словами, какъ говорилось ранѣе и въ статьѣ „Благонамѣреннаго", для поэта главнѣйшая необходимость—имѣть творческій талантъ. „Разсудокъ можетъ быть прекраснымъ наставникомъ стихотворца, но не замѣнитъ чувствительности и воображенія". Далѣе доказывается, что Милоновъ проявилъ въ своихъ произведеніяхъ истинный талантъ и преимущественно въ сатирѣ и элегіи. Въ частности, подраздѣляя сатиры на „веселыя" и „важныя", Плетневъ указываетъ, что Милонову свойственнѣе послѣдній видъ: поэтъ „чаще приходилъ въ пылкое негодованіе, нежели въ затѣйливый смѣхъ. Онъ самыми рѣзкими чертами изображалъ пороки... Въ важныхъ сатирахъ слогъ его особенно отрывистъ и силенъ, періоды коротки, и теченіе мыслей, какъ въ лирическихъ пьесахъ, стремительно". Что касается элегій Милонова, то онѣ отличаются отъ произведеній въ этомъ родѣ другихъ поэтовъ: Батюшкова и Жуковскаго. Въ отличіе отъ сердечныхъ страданій и мечтательности этихъ поэтовъ, у Милонова находимъ, говоритъ авторъ, страданія отъ жизни, въ которой нѣтъ того, что онъ искалъ. „Онъ потерялъ вѣру въ идеальныхъ людей, которыхъ безпрестанно ищутъ всѣ поэты". Подтвердивъ, затѣмъ, примѣрами талантъ поэта въ элегіи, авторъ обращаетъ вниманіе на форму стихотвореній, и констатируетъ здѣсь отсутствіе заботливости со стороны поэта о своемъ слогѣ. Вслѣдствіе этого Милоновъ въ отношеніи формы стоитъ гораздо ниже Батюшкова и Жуковскаго, съ которыми можетъ быть сравниваемъ по силѣ вдохновенія. Здѣсь критикъ высказываетъ другую основную мысль разбора, что для поэтическаго произведенія, сверхъ таланта, необходимо еще и трудолюбивое отношеніе къ отдѣлкѣ стиховъ. „Чтобы сдѣлать стихи легкими, надобно ихъ написать съ большимъ трудомъ. Всякое произведеніе искусства требуетъ для совершенной своей отдѣлки необыкновеннаго терпѣнія, а поэзія стоитъ выше всѣхъ искусствъ, и, слѣдственно, ея произведенія съ большимъ трудомъ противъ прочихъ надобно обработывать"... „Не предлагая вопроса, какой поэтъ выше: одаренный большимъ талантомъ и не умѣющій хорошо писать, или при меньшемъ талантѣ совершенно владѣющій языкомъ—мы замѣтимъ только, что языкъ есть собраніе понятій, облеченныхъ въ условные звуки. Слѣдовательно, кто пренебрегаетъ тайнами языка, тотъ, сочиняя, противорѣчитъ своему намѣренію, т. е. выраженію мыслей". Къ недостаткамъ Милонова относятся: стеченіе въ одномъ мѣстѣ многихъ согласныхъ, а часто и гласныхъ, неумѣстныя усѣченія словъ (чаще всего) и запутанная разстановка. Критикъ заключаетъ: „сравнивъ дарованія его съ выраженіемъ мыслей словами, скажемъ, что никто справедливѣе Милонова не

выбиралъ эпиграфа для своей книги: „Меня переживутъ мои сердечны чувства“.

Въ другомъ мѣстѣ, именно въ разборѣ оды Петрова [1]), мы находимъ дополненіе къ мыслямъ только-что изложенной статьи. Тамъ развивается положеніе, что двѣ стихіи поэзіи—талантъ, выражающійся въ процессѣ творчества, какъ вдохновеніе, и умъ, заботящійся о внѣшней отдѣлкѣ,—должны уравновѣшиваться другъ другомъ, ни одинъ не долженъ входить въ область другого. О Петровѣ критикъ говоритъ [2]): „умъ его, преобладая надъ всѣмъ, охлаждаетъ чувствительность, и сообщаетъ лирической поэзіи дидактическую сухость. Страсть къ равносильнымъ выраженіямъ заставляетъ его употреблять слова то грубыя, то низкія, то малоизвѣстныя... Нѣтъ ни одного изъ нихъ неточнаго, напротивъ, они слишкомъ вѣрно соотвѣтствуютъ своимъ понятіямъ. Но грубость ихъ звуковъ, малоупотребительность и видимая изысканность лишаютъ слогъ той прелести, которая въ поэзіи никогда не должна быть жертвою точности“.

Изъ нашего краткаго изложенія статьи Плетнева о Милоновѣ видно, что она вполнѣ отвѣчаетъ принципамъ предварительнаго заявленія. Это не критика въ позднѣйшемъ смыслѣ слова, а разборъ хорошаго произведенія съ точки зрѣнія теоріи словесности.

Болѣе глубокими мыслями отличаются слѣдующіе разборы, хотя все же чисто теоретическая, отвлеченная точка зрѣнія является преобладающей.

Порицая Милонова за небрежное отношеніе къ отдѣлкѣ стиховъ, Плетневъ и старается доказать примѣрами другихъ писателей, именно Батюшкова и Жуковскаго, насколько важна эта сторона дѣла. Въ „*Замѣткѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго* и *Батюшкова*“, относящейся къ тому же году [3]), критикъ высказываетъ мысль, что въ дѣйствительныхъ талантахъ въ Россіи никогда не было недостатка, но истинно поэтическихъ произведеній было мало, такъ какъ былъ необработанъ языкъ поэтическій. Только со времени Дмитріева поэтическія произведенія начали пріобрѣтать интересъ. Послѣ него тому же способствовали особенно два поэта, которые начали собою новый періодъ русской поэзіи, это—Жуковскій и Батюшковъ. Ихъ произведенія были причиною того, что новый нашъ стихотворный языкъ пріобрѣлъ всѣ необходимыя качества: „чистоту, свободу и гармонію“.

---

[1]) Ib. I, стр., 121.
[2]) Ib. I, стр. 124, 128.
[3]) Ib. I, стр. 23.

Въ послѣдующемъ изложеніи замѣтки опять проводится мысль о значеніи поэтическаго таланта. При этомъ новою чертою критики Плетнева, очень важною, является забота отличить индивидуальность поэта и опредѣлить ее возможно точнѣе. Въ силу такого различія данные поэты, „какъ стихотворцы, могутъ быть соперниками, а какъ поэты, они должны остаться друзьями, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ особенный родъ—и каждый въ своемъ родѣ равно счастливый властелинъ". И затѣмъ слѣдуютъ характеристики обоихъ поэтовъ, очень вѣрныя, хотя и не обширныя: Жуковскаго, какъ романтика, и Батюшкова, какъ неоклассика. „Жуковскій, воспитанникъ и основатель въ Россіи романтической школы поэзіи, совершенно постигнулъ прекрасную въ ней сторону. Глубокія чувства, смѣлая мечтательность, богатство, или, лучше сказать, роскошь самыхъ свѣжихъ картинъ природы, составляютъ настоящія красоты романтической и вмѣстѣ Жуковскаго поэзіи"...

О Батюшковѣ критикъ говоритъ: „Батюшковъ держится новѣйшей классической школы. Нѣжность чувствъ, умѣряемая голосомъ истины, воображеніе живое, но всегда послушное строгому вкусу, описанія прекрасныя, но никогда не преувеличенныя—отличаютъ сію школу отъ романтической. Батюшковъ задумывается, а не мечтаетъ. Его скорѣе увлечетъ чувство, нежели воображеніе. Онъ преимущественно любитъ такъ называемую пластическую красоту, а не воображаемую.... Чувство нѣги и наслажденія, въ разнообразнѣйшихъ видахъ, но постоянно прекрасныхъ, разливается на всю его поэзію".

Такимъ образомъ мы наблюдаемъ въ литературныхъ характеристикахъ Плетнева полное отсутствіе предвзятости и односторонности. Причиною этого было ихъ отсутствіе въ кружкѣ литераторовъ, въ которомъ онъ вращался. Онъ сразу очутился подъ вліяніемъ талантливѣйшихъ друзей столь различныхъ направленій, какъ неоклассикъ Батюшковъ, романтикъ Жуковскій, байронистъ, а потомъ реалистъ Пушкинъ. Видя, какъ всѣ эти, столь не похожіе одинъ на другого, писатели мирно уживаются въ взаимномъ уваженіи другъ къ другу, и онъ привыкъ каждому воздавать должное по заслугамъ. Этимъ-то, если можно такъ выразиться, свободомысліемъ объясняется и то обстоятельство, что Плетневъ рѣшительно подалъ свой голосъ за народное направленіе въ поэзіи. Оно чувствовалось тогда очень слабо, даже и въ произведеніяхъ лучшихъ поэтовъ. Жуковскій, напримѣръ, продолжалъ свои переводы, Батюшковъ писалъ свои космополитическія элегіи, Пушкинъ тогда еще не опредѣлился. И вотъ Гнѣдичъ въ это время выступаетъ съ своей идилліей „Рыбаки", гдѣ вмѣсто обычныхъ аркадскихъ пастушковъ изо-

бразилъ русскихъ рыбаковъ на берегу Невы. Конечно, народность этого произведенія не высокаго качества, однако оно дало поводъ Плетневу выразить свои справедливыя замѣчанія о народности въ поэзіи въ статьѣ 1822 г., подъ заглавіемъ: „*Рыбаки, идиллія Гнѣдича*" [1]). Здѣсь же мы находимъ и краткое изложеніе общихъ его воззрѣній на искусство.

Выписавъ слова Гнѣдича о необходимости народности въ идилліи, критикъ замѣчаетъ, что это свойство должно проникать собою не только всѣ роды поэзіи, но и произведенія всѣхъ искусствъ, и продолжаетъ такимъ образомъ: „Что значитъ произведеніе поэзіи, или другого какого-нибудь изящнаго искусства? Слѣдствіе вдохновенія, голосъ души, которая не въ состояніи удержать въ себѣ ощущеній, рождающихся отъ созерцанія или умственнаго представленія прекрасныхъ предметовъ". Матеріалъ и орудія для выраженія такихъ ощущеній могутъ быть различны, по роду искусства. „Какая цѣль каждаго произведенія искусства?" спрашиваетъ онъ далѣе. „На этотъ вопросъ трудно отвѣчать вдругъ", говоритъ онъ и, становясь на единственно вѣрную историческую почву, замѣчаетъ: „Первое произведеніе искусства, кажется, родилось безъ цѣли. Оно было слѣдствіемъ сильнаго ощущенія души, которая не въ состояніи была отказать себѣ въ потребности изліянія онаго, точно такъ, какъ мы не можемъ удержаться отъ улыбки, когда слушаемъ что-нибудь истинно забавное. Но въ обществахъ людей всякое случайное открытіе получаетъ со временемъ свое примѣненіе и свою цѣль. Такимъ образомъ и произведенія искусствъ назначены были для возбужденія въ другихъ точно такого же удовольствія, какое находили художники, изображая въ чувственномъ видѣ душевныя свои ощущенія". Эта, чисто эстетическая, ступень съ теченіемъ времени дала мѣсто практической. „Простая забава сдѣлалась забавою поучительною. Зрители или слушатели, удовлетворяя любопытству своего воображенія, начали почерпать въ произведеніяхъ искусствъ уроки жизни. Художники преобразились въ прорицателей. На чемъ оставались слѣды ихъ дѣятельности, то становилось священнымъ. Величайшія пожертвованія не были тягостными, когда требовалъ ихъ для блага общества голосъ вдохновеннаго человѣка. Это была послѣдняя ступень, до которой искусства могли возвыситься между людьми. Итакъ, *ихъ цѣль состоитъ въ доставленіи такого удовольствія, которое бы насъ дѣлало способными ко всякому прекрасному дѣйствію.*

„Есть произведенія искусствъ, которыя стремятся къ доставле-

---

[1]) Ib. I, стр. 29.

нію одного только удовольствія и достигаютъ въ полной мѣрѣ своей цѣли. Когда художникъ останавливается на такомъ успѣхѣ, это доказываетъ, что онъ не дорожитъ своимъ достоинствомъ. Другія, не доставляя никакого удовольствія, желаютъ возбудить прямо какую-нибудь благородную рѣшимость. Если художникъ не умѣетъ плѣнить прежде, это значитъ, что онъ самозванецъ въ своемъ искусствѣ. Но кто помощію плѣнительныхъ своихъ произведеній возбуждаетъ порочныя чувствованія, тотъ употребляетъ во зло свое искусство и унижаетъ себя". Итакъ, „когда произведеніе поэзіи, или другого искусства рождается отъ истиннаго одушевленія, когда оно въ состояніи совершенно овладѣть нашимъ сердцемъ и направить волю нашу къ какой-нибудь прекрасной рѣшимости, то какимъ бы орудіемъ ни образовалъ его художникъ и въ какую бы страну оно перенесено ни было, вездѣ и всегда будутъ почитать его совершеннымъ".

Но, продолжаетъ критикъ, какъ бы ни были совершенны художественныя произведенія, удовлетворяющія вышеизложеннымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ „неопредѣленнымъ, или всеобщимъ искусствамъ"—они будутъ ниже тѣхъ, которыя удовлетворяютъ еще и требованію народности. Причины этому слѣдующія, и во-первыхъ, любовь къ отечеству. „Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель въ гражданинѣ—и она столь естественна каждому, что мы не умѣемъ вообразить такого космополита, который бы не чувствовалъ внутренняго удовольствія, услышавъ звуки природнаго языка въ чужой землѣ или приближаясь къ отечеству изъ дальнаго путешествія... По любви къ отечеству всѣ произведенія народной поэзіи становятся для насъ особенно драгоцѣнными. Они возвышаютъ нравственное бытіе народа и потому дѣлаются предметомъ всеобщаго наслажденія. Произведеніе поэзіи, заимствованное по предмету изъ другой страны, ограничивается тѣснымъ кругомъ знатоковъ и любителей искусствъ; но народное мало-по-малу переходитъ отъ высшаго класса къ среднему, а потомъ и къ низшему. Знакомыя имена, знакомыя происшествія, знакомыя мѣста возбуждаютъ любопытство въ самомъ необразованномъ человѣкѣ. Удивительно ли, что въ Аѳинахъ почти каждый гражданинъ могъ быть судьею поэта или другого художника?.. Въ нынѣшнее время, когда число произведеній поэзіи чрезвычайно увеличилось, самые чужестранцы, любопытствуя узнать поэзію какого-нибудь народа, всего прежде ищутъ особенно относящагося къ тому народу... Кто бы повѣрилъ, что въ Парижѣ съ бо̀льшимъ участіемъ читаютъ переводы нашихъ простонародныхъ пѣсенъ, нежели переводъ единственной, несравненной пьесы Батюшкова „Умирающій Тассъ"?.. Народная поэзія

преимущественнѣе неопредѣленной потому, что она вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли: она живѣйшее въ насъ рождаетъ удовольствіе, и чувствованія, ею возбуждаемыя, глубже и продолжительнѣе бываютъ въ нашемъ сердцѣ". Съ другой стороны, изъ народности поэзіи вытекаютъ выгоды и для самихъ поэтовъ. „Изображая свою природу, свои нравы и проч., они не будутъ принуждены мучить свое воображеніе, чтобы хорошо описать то, чего они не видали своими глазами. Имъ надобно будетъ только вглядываться во всѣ окружающіе ихъ предметы — и критика не укоритъ ихъ ни въ ложныхъ картинахъ, ни въ смѣси чувствованій древнихъ съ новѣйшими, ни въ другихъ подобныхъ симъ ошибкахъ, почти безпрестанно встрѣчающихся у нашихъ поэтовъ". Авторъ добавляетъ, что нечего бояться того, что наша сѣверная природа не такъ роскошна, какъ южная: „истинно прекрасное и въ самой дикости своей прекрасно. Природа въ „Водопадѣ" Державина можетъ очаровать и полуденнаго жителя".

Изложеніе взглядовъ на искусство не было главною цѣлью статьи; оно явилось только по поводу мысли о народности и поэтому, конечно, кратко. Авторъ не имѣлъ въ виду подробно разсматривать свою теорію, такъ какъ считалъ ее общепризнанною, и не подкрѣпилъ своихъ разсужденій яркими примѣрами. Вслѣдствіе этого они рождаютъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Прежде всего, первое положеніе. Если произведеніе искусства „есть голосъ души, которая не въ состояніи удержать въ себѣ ощущенія отъ прекрасныхъ предметовъ", то, казалось бы, должна въ силу этого исключаться всякая другая цѣль произведенія, кромѣ выраженія прекраснаго, охватившаго душу поэта и доставленія другимъ этого удовольствія. Авторъ же, говоря далѣе о цѣли произведенія, рѣшительно требуетъ, чтобы оно направляло еще нашу волю къ какой-нибудь прекрасной рѣшимости. Но какъ же, напримѣръ, смотрѣть на поэтическія произведенія, имѣющія своимъ предметомъ, хотя бы описаніе прекрасной природы? Какую рѣшимость могутъ вызвать они въ читателѣ? А съ другой стороны, прекрасное уже въ самомъ себѣ не заключаетъ ли силы, которая вообще побуждаетъ къ благороднымъ проявленіямъ воли, вообще облагораживаетъ ее? Можетъ быть, авторъ разумѣетъ послѣднее; но тогда всякое возвышенное удовольствіе можетъ быть цѣлью поэтическаго произведенія. Въ статьѣ 1824 года Плетневъ, говоря объ Анакреонѣ, объясняетъ, почему „исторія включила его въ число великихъ людей". Между тѣмъ творенія его имѣютъ предметомъ такое состояніе человѣка, „когда душа, въ нѣкоторомъ утомленіи отъ требованій и пожертвованій гражданской жизни, предается природѣ, отдыхаетъ на волѣ

и оживляется привѣтливою улыбкою любви и дружбѣ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о поэзіи такимъ образомъ: „Кто жилъ нѣсколько часовъ, отдавшись благороднымъ, лучшимъ своимъ желаніямъ, кто въ это время былъ совершенно свободенъ отъ ничтожныхъ потребностей бѣдной жизни нашей и чуждъ волненія земныхъ страстей, тотъ испыталъ это чувство, которое называю я поэзіей". Съ нашей точки зрѣнія здѣсь, при сопоставленіи этихъ цитатъ съ требованіемъ благородной рѣшимости, получается противорѣчіе, потому что, на нашъ взглядъ, второе возможно лишь на почвѣ земныхъ отношеній. Съ точки же зрѣнія современниковъ Плетнева, пожалуй, было иначе, то есть благородное какъ разъ и начиналось съ отрѣшенія отъ ничтожныхъ потребностей бѣдной нашей жизни. Вообще, такимъ образомъ, въ теоріи Плетнева чисто эстетическій элементъ выступаетъ очень ярко.

Далѣе, что касается народности поэзіи, то авторъ намъ не даетъ опредѣленія этого понятія. Но изъ дальнѣйшихъ разсужденій видно, насколько можно придавать этому слову его настоящее значеніе. Плетневъ указываетъ, что „грубыя, низкія выраженія столь же противны въ идилліи, какъ и высокопарныя. На картинѣ, гдѣ изображенъ сельскій видъ, не должны встрѣчаться низкія явленія", и, вообще, критикъ желаетъ, чтобы простота слога поэтическаго народнаго по характеру произведенія „удерживала всю прелесть поэзіи" [2]). Всѣмъ требованіямъ народности поэзіи удовлетворяютъ, по отзыву критика, „Рыбаки". „Характеры рыбаковъ совершенно списаны съ природы". „Читая сію идиллію, не скажешь, что стихотворецъ дразнитъ рыбаковъ испорченнымъ ихъ языкомъ. Напротивъ, онъ подслушалъ ихъ разговоръ и передалъ намъ, какъ долженъ передавать поэтъ". На нашъ взглядъ, „Рыбаки" очень смахиваютъ на „трудолюбивыхъ поселянъ" тогдашней литературы. Поэтому, требованіе народности, выставляемое Плетневымъ, нельзя считать имѣющимъ особое значеніе, потому что трудолюбивые поселяне появились задолго до Плетнева. Но теоретическія разсужденія его о народности и приложеніи этого принципа ко всѣмъ искусствамъ, какъ мы сказали, являются вполнѣ справедливыми и смѣлыми для того времени.

Одиннадцать лѣтъ спустя послѣ этой статьи, т. е. въ 1833 году, Плетневъ посвятилъ предмету народности въ литературѣ цѣлое разсужденіе, которое было произнесено имъ, какъ профессоромъ, на университетскомъ актѣ [3]). О томъ, что такое эта идея народности, авторъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Она представляетъ собою

---

[1]) Ib. I, стр. 114, 115. «Анакреонтическая ода Державина «Мечта».

[2]) Ib. I, стр. 161. «Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ».

[3]) Ib. I, стр. 217. «О народности въ литературѣ».

особенность, необходимо соединяющуюся съ идеею каждаго народа. Сколько же предметовъ должно войти въ ея совокупность! Черты, составляющія физіономію души нашей, предварительно были какъ стихіи въ томъ обществѣ, которое воспитало наши страсти, въ той природѣ, которая упоевала наши чувства, въ той религіи, которая возвысила наши помыслы, въ тѣхъ обычаяхъ, которые освящены для насъ давностію, въ тѣхъ предразсудкахъ, отъ которыхъ не спасаетъ насъ никакая философія. Еще болѣе: одинъ и тотъ же народъ, въ разные періоды своей исторіи при содѣйствіи разныхъ причинъ, скрывающихся то въ политикѣ, то въ морали, то въ ученыхъ мнѣніяхъ какого-нибудь времени, является съ безчисленнымъ множествомъ оттѣнковъ, которые всѣ принадлежатъ разсматриваемой идеѣ".

Опредѣляя народность такимъ образомъ, авторъ, однако, нигдѣ не говоритъ о томъ, какъ же именно эта идея должна примѣняться въ литературѣ. Онъ только ставитъ своею задачею прослѣдить исторически развитіе этой идеи. „Не трудно убѣдиться", говоритъ онъ, „что новѣйшей литературѣ принадлежитъ одно только это выраженіе, а самая идея современна древнѣйшимъ писателямъ". Такъ, вся литература греческая отличается этимъ свойствомъ, она народна въ высшей степени. Вслѣдствіе этого „литература въ Греціи дѣйствительно была то же, что и самая жизнь, составляя только особенную ея форму, а не такое искусство, котораго практика ищетъ себѣ задачъ внѣ существенности, т. е. внѣ жизни". Напротивъ, „римской литературѣ не достаетъ народности". Средніе вѣка отличаются разъединеніемъ духовной и обыденной жизни. Первая была чисто латинскою, а потому и литература не могла быть народною, за немногими лишь исключеніями. Въ новое время европейскіе народы догадались, что истинный путь развитія національности немыслимъ безъ самобытности; поэтому они начали ревностно изучать свое прошлое.—Что же касается Россіи, то авторъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Отечество наше занимаетъ высокое положеніе въ ряду европейскихъ государствъ. Исторія литературы нашей чрезвычайно многосложна и своеобразна. „Въ ту роковую эпоху, когда кичливая ученость попрала отечественный языкъ и на нѣсколько вѣковъ отдалила его возстаніе, изъ христіанскихъ державъ одна Россія, какъ святыню, сохранила это драгоцѣнное свое достояніе. Одно сіе обстоятельство уже прямо повело ее къ народности въ литературѣ". Такимъ образомъ, духовное развитіе Руси пошло національнымъ, самобытнымъ путемъ, и такова же была литература. Но, говоритъ авторъ, „памятники той эпохи подобны обломкамъ статуи", смотря на которые „мы не можемъ не чувствовать, какъ

прекрасно было цѣлое, но постичь его не можемъ"... Бѣдствія, постигшія Русь, не заглушили народной особенности, или „думы" ея, которая проявлялась „то въ назидательномъ поученіи, то въ простодушной лѣтописи, то въ любопытномъ описаніи путешествія, то въ аллегорической сказкѣ, то въ народныхъ пѣсняхъ, дышащихъ тою истиною, которая составляетъ верхъ совершенства въ произведеніяхъ человѣка". Несчастливая пора наступила для Россіи тогда, когда и въ нее проникли „искушенія лжеучености". „Подобно западнымъ европейцамъ", говоритъ авторъ, „и мы разъединили жизнь мышленія отъ жизни гражданственной. Въ литературѣ начало преобладать стремленіе къ разрѣшенію вопросовъ, заимствованныхъ внѣ круга общежитія нашего... Произведенія словесности не являлись какъ отголоски истинныхъ чувствованій или картины дѣйствительной жизни, но какъ образчики древнихъ формъ, въ познаніи которыхъ состояла главная цѣль ученія".

Говоря о среднихъ вѣкахъ русской жизни, авторъ забываетъ о томъ глубокомъ невѣжествѣ, въ которое впала тогда Россія, и что, поэтому, не только нельзя говорить о народной литературѣ того времени, но и вообще о литературѣ въ строгомъ смыслѣ слова. Что же касается лжеучености, то нечего много говорить въ пользу того, что схоластическая образованность, съ одной стороны, была необходима, какъ таковая именно, а съ другой—была и на Западѣ, откуда только и можно было заимствовать науку, единственною.

„Науки", продолжаетъ авторъ, „введенныя геніемъ Петра, начинали совершенствовать общежитіе". Если бы, по мнѣнію автора, дѣятелями новаго просвѣщенія были чисто русскіе, то не произошло бы одного обстоятельства, самаго неблагопріятнаго для народности въ нашей литературѣ. „Но, къ удивленію, въ тогдашнее время, изъ русскихъ, въ полномъ значеніи, ученый человѣкъ былъ одинъ только Ломоносовъ". И вотъ, у насъ получилъ преобладающее значеніе иностранный языкъ. „Вскорѣ, что̀ только могло учиться въ Россіи, все стало мучиться одной жаждой: знать языкъ иностранный, безъ всякой цѣли, безъ всякой нужды".

Всѣ высказанныя здѣсь мысли, съ нашей точки зрѣнія, уже не возбуждаютъ теперь недоразумѣній. Все имѣетъ свое объясненіе, поэтому и мы не будемъ входить въ разсужденія по этому поводу.

„Въ Россіи", говоритъ далѣе авторъ, „можно было отличить тогда три особенныхъ направленія духа". Одни жили внѣ гражданственности своей, посвящая ученые труды древнему міру. Изъ остальныхъ, болѣе знакомыхъ съ жизнію и принадлежащихъ обществу, бо́льшая часть „составляли отголосокъ всего иностраннаго", а меньшая „по какому-то еще не остывшему чувству народности, изучали разныя эпохи

русскаго быта, или въ современныхъ его чертахъ искали пищи своимъ талантамъ". Какъ примѣръ, Плетневъ приводитъ Екатерину II, которая оказалась дѣятельною сторонницею русскаго духа во всѣхъ областяхъ гражданственности. Мы мимоходомъ замѣтимъ, что Екатерина II была по происхожденію иностранка. Дальнѣйшее изученіе родной старины нашло себѣ ревнителей въ лицѣ Новикова и М.-Пушкина. Въ Александрово время особенно проявилъ себя, какъ меценатъ, Румянцевъ. На поприщѣ же литературномъ авторъ отмѣчаетъ Карамзина и Крылова. Наконецъ, въ послѣднее время, народныя теченія заявлены были собраніемъ законовъ. „Здѣсь, въ этой совокупности нашихъ законовъ, гдѣ каждый день, каждый часъ запечатлѣнъ идеею того, кто движетъ всѣ пружины и напрягаетъ всѣ нравственныя силы націи, здѣсь вполнѣ постигнута будетъ наша исторія, а съ нею и самая народность". Заключительныя слова рѣчи обращены къ тому „мужу, столь же высоко образованному, какъ и ревностному патріоту, котораго первое слово къ намъ было: народность", т. е. министру народнаго просвѣщенія, гр. Уварову.

Мысли Плетнева о народности проникнуты тѣмъ же духомъ, что и правительственное заявленіе того времени (и послѣдующаго), выраженное этимъ министромъ, о трехъ началахъ русской жизни: православіи, самодержавіи и народности. Правда, заявленіе это людьми разныхъ направленій толковалось различнымъ образомъ, и даже само правительство, провозглашавшее этотъ принципъ народности, дѣйствовало часто совершенно вразрѣзъ съ нимъ... И разсужденія Плетнева въ данной рѣчи — отвлеченны; при нихъ недостаетъ примѣровъ; въ частности, не говоритъ онъ и о томъ, въ чемъ должна проявляться истинная народность въ литературныхъ произведеніяхъ. Однако и по этой статьѣ можно судить о его мнѣніяхъ: русскій народъ обладаетъ прекрасными свойствами и *опредѣленною* физіономіею и является равноправнымъ и равнозначащимъ членомъ европейской семьи народовъ. Дурныхъ сторонъ русской жизни Плетневъ не хочетъ замѣчать, или уменьшаетъ ихъ значеніе, или же, наоборотъ, тѣмъ обстоятельствамъ, которыя были слѣдствіемъ исторической необходимости, онъ придаетъ значеніе непонятныхъ и печальныхъ исключеній изъ правильнаго хода русской жизни.

Обращаясь для подтверждающихъ поясненій по этому вопросу къ другимъ статьямъ Плетнева, мы находимъ очень мало сотвѣтствующихъ мѣстъ. Даже не находимъ стремленія выработать ясный взглядъ на предметъ, несмотря на то, что, казалось бы, споры западниковъ и славянофиловъ должны были бы побудить его къ этому. Но отсюда видно, что Плетневъ оставался и впослѣдствіи консерваторомъ, и что его мало интересовали современныя общественныя

идеи и народническія въ частности. Вездѣ въ соотвѣтствующихъ упоминаніяхъ авторъ предполагаетъ смыслъ термина яснымъ и не допускающимъ разногласій въ пониманіи [1]). Говоря о простонародіи, Плетневъ употребляетъ слѣдующіе термины: сначала „трудолюбивые поселяне“ [2]), потомъ „мужички“ [3]), которые въ настоящее время звучатъ такъ приторно — некрасиво, обличая лишь крѣпостническіе идеалы. О нравственности народной Плетневъ самыхъ идеальныхъ представленій: „Гартманъ“, пишетъ онъ, „все толкуетъ о поддержаніи въ Финляндіи нерастлѣнныхъ нравовъ. Я подозрѣваю, что въ простомъ русскомъ народѣ (не въ городахъ) столько же чистоты и невѣдѣнія, сколько и въ Финляндіи [4])“. Плетневъ, очевидно, не углублялся въ размышленія по этому предмету и считалъ патріотизмомъ — возмущаться, когда заговаривали о неустройствахъ русской жизни. Такъ, ему непріятно „направленіе новыхъ“—Гоголя, Одоевскаго, Сологуба, которые, стремясь превознести достоинство русскаго народа, ни о чемъ не разсказываютъ, кромѣ его глупостей и мерзостей [5]). Это Плетневъ находитъ „страннымъ“. Говоря разъ о крѣпостномъ правѣ, Плетневъ сообщаетъ Гроту, что Арсеньевъ (К. И., профессоръ) доказывалъ ему и Максимовичу „фактами, что нынѣшнее (1843) состояніе помѣщичьихъ крестьянъ (благодаря множеству мѣръ правительства противъ злоупотребленій) гораздо лучше состоянія крестьянъ казенныхъ. „Это ввело“, прибавляетъ онъ „насъ и его во множество интересныхъ государственныхъ взглядовъ“ [6]). Къ сожалѣнію, нигдѣ болѣе не находимъ указаній Плетнева, какъ онъ смотритъ на крѣпостное право, освобожденіе крестьянъ и т. п.

Слѣдующая за разборомъ „Рыбаковъ“ статья представляетъ собою небольшую оцѣнку сценической игры тогдашней драматической артистки Е. С. Семеновой (род. 1786, ум. 1849) въ роляхъ Клетемнестры и Медеи трагедій Расина [7]). Здѣсь мы находимъ важныя мысли о сценическомъ искусствѣ вообще и мѣткую характеристику игры Семеновой, въ частности. Авторъ указываетъ, что драматическое искусство изъ всѣхъ искусствъ является наименѣе выгоднымъ для таланта художника. Служитель Мельпомены лишенъ преимущества другихъ художниковъ: передать всю душу свою потомству

---

1) Есть только опредѣленіе народнаго характера басенъ Крылова, II, 3
2) Ib. I. 20, 154, 282.
3) Ib. II, 424.
4) Переп. съ Гр. I, 502 (1842 г.).
5) Ib. II, 327.
6) Ib. II, 132.
7) «Драматическое искусство г-жи Семеновой». 1822. (Соч. и переписка I, 44—53).

и послѣ смерти жить въ своемъ твореніи. Кромѣ того, актеръ стоитъ въ зависимости отъ автора пьесы. Поэтому, собственно говоря, часто большая доля порицаній, которыя публика выражаетъ актеру, должна быть отнесена на долю автора. Поэтому вообще сценическимъ художникомъ быть трудно. „Что", спрашиваетъ авторъ, „показываетъ величіе таланта въ драматическомъ искусствѣ? Правильное и безпрерывное созиданіе всѣхъ представленій, которыя актеръ на себя принимаетъ, удовлетворительный отчетъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ своего искусства и, наконецъ, полное въ себѣ вмѣщеніе всей души представляемаго лица". Послѣднюю мысль авторъ поясняетъ такимъ образомъ. „Чтобы актеру вмѣстить въ себя душу представляемаго лица, для сего ему надобно совсѣмъ на время отречься самого себя и такъ очаровать зрителей, чтобы они забыли настоящее его лицо, а видѣли бы въ немъ того, кого онъ представляетъ". Далѣе авторъ высказывается, что подобно тому, какъ поэту необходимо умѣнье отдѣлывать свои произведенія, и актеръ не долженъ полагаться только на свой талантъ, но долженъ изучать свое искусство, никогда не останавливаться въ развитіи его въ себѣ. Такимъ требованіямъ вполнѣ отвѣчаетъ игра Семеновой. Въ результатѣ этихъ двухъ качествъ настоящаго актера, умѣнія и старанія, которыя она приложила къ дѣлу, и было то, что въ Клетемнестрѣ и Медеѣ всѣ увидѣли вновь созданныя ею лица", такъ какъ артистка „обняла свое искусство полною душою". Въ роли Клетемнестры артистка „въ самой сильной горести сохранила лицо этой пылкой и гордой женщины". Что же касается Медеи, то артисткѣ принадлежитъ та заслуга, что она шире и глубже взглянула на характеръ Медеи и представила не преступную женщину, не злую фурію, какъ понимали ее другія артистки до нея въ Петербургѣ и въ Парижѣ, но сообщила ей трагическій характеръ, вслѣдствіе чего зрители могли видѣть, что мысль погубить дѣтей, чтобы отмстить Язону, терзаетъ ее, какъ самую нѣжнѣйшую мать". Для полноты обозрѣнія, слѣдуя своему мнѣнію о драматическомъ талантѣ, авторъ даетъ краткій отзывъ и о внѣшнихъ качествахъ игры артистки, голосѣ и мимикѣ. Заканчиваетъ авторъ тѣмъ, съ чего началъ, т. е. изложеніемъ чертъ совершеннаго артиста. Здѣсь онъ отмѣчаетъ, что артистка многимъ обязана Н. И. Гнѣдичу, и заключаетъ такимъ образомъ: „пока мы въ своихъ актерахъ и актрисахъ не будемъ видѣть людей самыхъ образованныхъ и вступившихъ въ союзъ съ просвѣщеннѣйшими людьми, до тѣхъ поръ у насъ драматическое искусство не возвысится до той степени совершенства, на которой оно стоитъ въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ Европы".

Таковы требованія автора отъ актеровъ. Что же касается разбора самыхъ драматическихъ произведеній, то изъ относящихся сюда статей укажемъ на разборъ трагедіи Шиллера *„Орлеанская Дѣва“*, по поводу перевода ея Жуковскимъ (1824) [1]. Авторъ вначалѣ привѣтствуетъ появленіе трагедіи, видя въ этомъ эпоху драматическаго творчества: „только со времени перевода „Орлеанской Дѣвы“ мы увидѣли на своемъ языкѣ романтическую трагедію со всѣми совершенствами“.., тогда какъ до этого на русской сценѣ еще господствовала французская классическая поэзія. Передавъ содержаніе трагедіи, авторъ по поводу ея финала, отступающаго отъ исторіи, выражаетъ свое общее мнѣніе, что поэтъ въ такихъ частныхъ случаяхъ имѣетъ право отступать отъ дѣйствительности, если эти случаи не вліяютъ на сущность цѣлаго, а между тѣмъ мѣшаютъ его цѣли: облагораживать и умилять душу. Затѣмъ авторъ высказывается по поводу отличительныхъ чертъ романтической трагедіи сравнительно съ французской классической. Романтическая поэзія, явившись реакціей противъ французскихъ авторитетовъ, заявила себя и свободою въ отношеніи формы, въ частности позволила себѣ отступить въ драмѣ отъ пресловутыхъ трехъ единствъ. Плетневъ и защищаетъ это отступленіе, считая его совершенно необходимымъ. Онъ отвергаетъ мнѣніе ложноклассиковъ, что единство времени способствуетъ иллюзіи. Критикъ возражаетъ: „если зритель увѣренъ, что онъ не остается цѣлыхъ сутокъ въ театрѣ (предѣлъ времени для драмы по требованію единства времени), тогда для воображенія все равно: недѣлю, мѣсяцъ, годъ или болѣе продолжается представляемое дѣйствіе, потому что для него такъ же легко сближать случаи, раздѣляемые сутками, какъ и десятилѣтіями“. Для той же иллюзіи требовалось и единство мѣста (или декорацій). Но вѣдь и тутъ не проведешь зрителя! „Что̀ бы сказали о живописцѣ, если бы онъ, превосходно изобразивъ лицо героя, вырѣзалъ изъ полотна его фигуру для большаго сходства съ оригиналомъ? Таковы точно правила, предписываемыя въ піитикахъ для соблюденія единства времени и мѣста“. Эти требованія стѣсняютъ художника, который долженъ имѣть въ виду „одно лучшее, поэтическое“, тогда какъ эти единства заставляютъ его опускать и вставлять эпизоды вопреки требованіямъ его идеала. Авторъ далѣе и указываетъ, насколько сильно пострадала бы трагедія Шиллера, если бы онъ счелъ для себя необходимымъ поступить по требованіямъ ложноклассическаго искусства. Изъ всѣхъ единствъ необходимымъ

[1]) «Орлеанская Дѣва Шиллера въ переводѣ Жуковскаго». 1824. Ib. I, 132—160.

является только единство дѣйствія, что и выполнено въ данномъ произведеніи.

Авторъ все-таки оговаривается, что защитники французскаго вкуса могутъ, быть можетъ, его опровергнуть, но опытъ, непосредственное чувство свидѣтельствуетъ ему, что трагедіи ложноклассиковъ для него кажутся хуже, чѣмъ, напримѣръ, Шекспира, Шиллера, Гёте. Вкусъ опредѣляется и особенностями національными. Это и доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что французы съ удовольствіемъ смотрятъ на представленія трагедій своихъ поэтовъ, а у насъ онѣ дѣйствуютъ слабѣе, чѣмъ англійскія и нѣмецкія. И далѣе Плетневъ требуетъ, чтобы новыя трагедіи были „наши", то есть вполнѣ національны. Мы, говоритъ онъ, начавъ съ трагедій французскихъ, не должны останавливаться и на нѣмецкихъ, а ожидать такихъ, къ которымъ нѣмецкія составляютъ ближайшую ступень: это тѣ, „въ которыхъ нѣкогда восторженные зрители увидятъ все собственное: и объемъ дѣйствія, и его расположеніе, и движеніе страстей, и краски ихъ, и прелесть языка [1]).

Свои требованія реальности критикъ простираетъ еще дальше. Обращая вниманіе на характеры дѣйствующихъ лицъ и сравнивая Шиллера съ Шекспиромъ, онъ находитъ, что послѣдній стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше перваго. У Шекспира „всѣ чувствуютъ, мыслятъ, говорятъ сообразно съ тѣми обстоятельствами жизни, въ которыхъ находятся. Его искусство украшаетъ природу, но не противорѣчитъ ей". Что же касается Шиллера, то авторъ отмѣчаетъ ту особенность его героевъ, что всѣ они какъ-будто позаимствовали свой характеръ отчасти у поэта. Поэтому-то у Шиллера „поселянинъ и вельможа, простой воинъ и государь часто стремятся къ чему-то одному и даже сходно изъясняются". И далѣе приводятся примѣры этого свойства Шиллеровскихъ персонажей.

Затѣмъ критикъ говоритъ о тѣхъ достоинствахъ русскаго перевода, которыя собственно принадлежатъ Жуковскому. Это, во-первыхъ, новый размѣръ стиха. Авторъ защищаетъ выборъ Жуковскаго и, между прочимъ, называетъ русскій языкъ лучшимъ для поэзіи. А затѣмъ говоритъ о томъ, какъ надобно переводить съ иностранныхъ языковъ. Нужно заботиться не о томъ, главнымъ образомъ, чтобы передать буквально текстъ, но чтобы получились тѣ же мысли и характеръ оригинала. Жуковскій такъ и дѣлалъ. Что касается языка, то авторъ признаетъ, что поэтъ далъ въ трагедіи русскій языкъ чистый, ясный, сильный и благородный. Онъ побѣдилъ всѣ трудности необработанной рѣчи. Плетневъ замѣчаетъ, что только

---

[1]) Ib. I, 148.

русская лирика пользуется болѣе обработаннымъ языкомъ, такъ что Жуковскій въ данномъ случаѣ былъ талантливымъ новаторамъ.

Въ началѣ XIX в. выступилъ на литературное поприще Байронъ, оказавшій потомъ вліяніе на творчество Пушкина. Обожаніе Байрона въ кружкѣ геніальнаго поэта произвело впечатлѣніе и на Плетнева, но поэзія Байрона не соотвѣтствовала кроткой и миролюбивой его натурѣ, поэтому онъ и не могъ понять правильнымъ образомъ протестующаго характера его поэзіи. Плетневъ отзывается такимъ образомъ о Байронѣ: „нельзя извинить въ немъ, что онъ, по какой-то странной мизантропіи, какъ бы не признаетъ въ человѣкѣ истинно благородныхъ чувствованій, когда изображаетъ его въ счастливомъ гражданскомъ состояніи. Онъ скорѣе открываетъ ихъ въ какомъ-нибудь страдальцѣ или злодѣѣ. Вѣроятно, такая прихоть воображенія происходитъ изъ частныхъ обстоятельствъ жизни поэта; но онъ долженъ помнить, что носитъ на себѣ священную обязанность говорить языкомъ истины и писать не для одного вѣка, а для потомства“. Но со стороны литературной онъ отдалъ Байрону должное. Сюда относятся статьи Плетнева 1822 г.: „*Шильонскій узникъ*“ и „*О Кавказскомъ Плѣнникѣ*“ Пушкина. Первая статья написана по случаю выхода перевода Жуковскаго.

Со стороны литературной Плетневъ за новымъ явленіемъ признаетъ всѣ права и предрекаетъ ему прочное положеніе въ будущемъ, „потому что его (Байрона) произведенія носятъ на себѣ неизгладимую печать генія“. „Картины природы въ его описаніяхъ самыя вѣрныя и свѣжія; чувства души глубоки и сильны“. Но онъ съ сожалѣніемъ констатируетъ тотъ фактъ, что „мы находимся почти въ необходимости отказаться въ эпическомъ родѣ отъ прелестныхъ вымысловъ чудеснаго“, которыхъ не допускаетъ Байронъ въ своихъ поэмахъ. „Высокая степень просвѣщенія и чистота религіи не позволяютъ намъ принимать участія въ дѣйствіяхъ волшебниковъ и волшебницъ. Такова участь поэзіи: подобно красотѣ, она прелестнѣе бываетъ въ возрастѣ дѣтскаго легкомыслія и теряетъ силу своего очарованія въ зрѣлости“. Здѣсь виденъ литературный консерваторъ, стоявшій за непосредственность поэзіи. Чувство реальнаго не отзывается на этомъ приговорѣ. Однако и это признаніе поневолѣ новаго реальнаго направленія можно счесть заслугой со стороны критика въ литературной борьбѣ этой эпохи. Далѣе критикъ признаетъ право и за тою особенностью новыхъ поэмъ, что въ нихъ часто всего только одинъ герой, и повѣствовательный элементъ уступаетъ мѣсто изображенію чувствъ человѣка. Плетневъ сознается, что въ этомъ Байронъ достигъ полнаго совершенства.

Въ разборѣ „*Кавказскаго Плѣнника*“ Плетневъ не прибавляетъ

къ оцѣнкѣ Байрона чего-либо существенно новаго. Эта статья принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ статьямъ, гдѣ Плетневъ касается своего любимѣйшаго поэта и друга. Плетневъ разобралъ поэму безпристрастно и далъ вѣрное сужденіе, въ которомъ сходится съ позднѣйшимъ приговоромъ самого Пушкина. Критикъ указываетъ на подражаніе Байрону: „повѣсть „Кавказскій Плѣнникъ“ написана въ родѣ новѣйшихъ англійскихъ поэмъ, каковыя особенно встрѣчаются у Байрона“. Пушкинъ говоритъ о своемъ произведеніи, что оно „слабо, молодо, неполно“,—и Плетневъ признаетъ, что „происшествіе въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ можно бы сдѣлать и разнообразнѣе и даже полнѣе“... „ходъ страсти, которая бываетъ изобрѣтательна и неутомима, слишкомъ здѣсь коротокъ“... „Еще болѣе остается неполнымъ разсказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько „загадочна“. И Пушкинъ признаетъ, что „Кавказскій Плѣнникъ“— первый неудачный образъ характера, съ которымъ онъ „насилу сладилъ“. Что касается литературной стороны, то Плетневъ въ восхищеніи отъ красотъ поэмы. „Мѣстныя описанія въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ рѣшительно можно назвать совершенствомъ поэзіи. Сколько смѣлости въ начертаніи, сколько искусства въ отдѣлкѣ!“

По художественности описанія Пушкинъ, по мнѣнію Плетнева здѣсь стоитъ выше Байрона. Въ концѣ статьи находимъ слѣдующій общій отзывъ критика о поэтѣ: „конечно, онъ не безъ ошибокъ. Въ первой его поэмѣ „Русланъ и Людмила“ есть погрѣшности въ планѣ; главныя лица могли бы явиться занимательнѣе, полнѣе и болѣе обнаружить силы въ характерахъ; но сіи ошибки неразлучны съ первыми опытами въ родѣ эпическомъ, требующемъ величайшихъ соображеній и зрѣлости генія. Можно ручаться, что постоянное вниманіе и любовь къ своему искусству доведутъ его до того совершенства въ планахъ, которое теперь такъ видимо въ частныхъ отдѣлкахъ его произведеній“.

Кромѣ этой статьи и разбора „Музы“, Плетневъ далъ еще статью о Пушкинѣ, помѣщенную въ „Современникѣ“, подъ заглавіемъ: „А. С. Пушкинъ“, о которой скажемъ ниже.

Объ антологическомъ стихотвореніи „Муза“ онъ отзывается съ восхищеніемъ: „нѣтъ ни одного слова лишняго, ни одного стиха невыдержаннаго, ни одной картины недодѣланной. Нужно ли прибавлять, что гармонія стиховъ въ семъ сочиненіи составляетъ пріятнѣйшую музыку для слуха“ (стр. 58). Но кстати замѣтимъ, что подобные же восторги Плетневъ расточаетъ и при разборѣ другихъ поэтовъ, напримѣръ, Вяземскаго.—Эстетическая натура критика проявляется въ выраженномъ имъ тутъ же желаніи, чтобы русскіе

люди со вкусомъ къ изящному позаботились объ изданіи антологическаго сборника.

Насколько сильно было владычество риторики во времена первыхъ опытовъ Плетнева, и насколько кружокъ Пушкина все-таки былъ выше въ этомъ отношеніи, показываетъ разборъ Плетнева „*Путешественника*“ Жуковскаго (1823). „У насъ“, говоритъ критикъ, „многіе возстаютъ противъ новостей поэзіи и защищаются однимъ оружіемъ: чего нельзя назвать по всей формѣ одою, сатирою, комедіею, трагедіею, то не хорошо. Они воображаютъ, что главные четыре рода могутъ обнять все, что заключаетъ въ себѣ область поэзіи“. Плетневъ становится на сторону Вольтера, который заявлялъ, „что всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго“. „Сначала“, говоритъ критикъ, „должно доказать, удовлетворяетъ ли произведеніе всѣмъ требованіямъ вкуса“, а потомъ и отнести его къ подходящему роду поэзіи. Разборъ и написанъ съ цѣлью показать, что это произведеніе именно очень трудно отнести къ какому-нибудь опредѣленному роду, однако это нисколько не мѣшаетъ ему быть истинно прекраснымъ произведеніемъ поэзіи. По существу содержанія его можно отнести къ роду элегическому.

Статья объ элегіи Батюшкова „*Умирающій Тассъ*“ высказываетъ мысль, что поэтическое произведеніе не можетъ быть никогда только списываніемъ съ природы, хотя бы „предметъ въ прозаическомъ своемъ видѣ уже блисталъ лучшими красотами поэзіи“. „Поэзія означаетъ созданіе“ и для своей цѣли—созиданія прекраснаго идеальнаго міра она должна „положить собственную печать“ на предметъ и „возвести его въ свою сферу“ (стр. 97). Поэтъ въ данномъ случаѣ какъ нельзя лучше выполнилъ свою задачу: событіе, самое по себѣ поэтическое—смерть Тасса—онъ преобразовалъ въ совершенно идеальное, сдѣлалъ его предметомъ поэзіи посредствомъ поэтическаго изображенія всей его жизни.

Въ 1825 году написана Плетневымъ статья о русскихъ поэтахъ въ видѣ письма къ графинѣ Соллогубъ [1]). Письмо это написано по особому поводу. Оно было вызвано замѣчаніемъ графини, будто „трудно указать, кто бы изъ нашихъ поэтовъ замѣнилъ ей то удовольствіе, которое чувствуетъ она, читая любимаго своего Ламартина“. Плетневъ и постарался доказать ей противное.

Высказывая здѣсь общій взглядъ на поэзію, Плетневъ заявляетъ себя чистымъ эстетикомъ: тотъ испытываетъ чувство поэзіи, „кто жилъ нѣсколько часовъ, отдавшись благороднымъ, лучшимъ своимъ желаніямъ; кто въ это время былъ совершенно свободенъ отъ ни-

---

[1]) Ib. I, 160—200.

чтожныхъ потребностей жизни нашей и чуждъ волненія земныхъ страстей". А французская поэзія какъ разъ и не отвѣчаетъ этому идеалу по своимъ свойствамъ. „Самое лучшее поэтическое движеніе во Франціи не смѣло явиться въ прелестной простотѣ своей; оно говорило вполголоса и то жеманнымъ языкомъ". Конечно, есть и исключенія, но о большинствѣ, говоритъ онъ, это нужно признать справедливымъ. Почему же, спрашивается, любятъ французскую поэзію? Потому что ее знаютъ, а почему знаютъ—это уже вопросъ политическій. Что касается русской поэзіи, то на нее не могли влiять „правила общежительной французской вѣжливости". Наша поэзія удалилась отъ свѣта, и потому ее мало знаютъ, потому и не любятъ. Между тѣмъ она имѣетъ своихъ представителей, которые не только не ниже французскихъ, но часто и превосходятъ ихъ. И Плетневъ при перечисленіи русскихъ поэтовъ не скупится на похвалы имъ. Выше всѣхъ онъ ставитъ Державина, а изъ французскихъ поэтовъ никто къ нему не можетъ и приблизиться. За Державинымъ удостоиваются громкихъ похвалъ и другіе писатели Всѣ они выше соотвѣтствующихъ французскихъ, писавшихъ въ томъ же родѣ. Не мудрено, поэтому, что друзья критика отозвались неодобрительно о „письмѣ" его. „Экая эралашь!" писалъ Пушкинъ [1]) Вяземскому вскорѣ послѣ выхода статьи. Плетневу пришлось даже оправдываться отъ обвиненій друзей въ „куростройствѣ" [2]). Правда, Плетневъ отчасти и самъ предвидитъ, что его могутъ осудить за похвалы, и заранѣе отвѣчаетъ: „недостатки находятъ и въ Омерѣ. Я о нихъ не говорилъ потому, что они совсѣмъ не противорѣчатъ моимъ мнѣніямъ". „Наша литература еще молода. Ей надобно открывать теперь больше видовъ къ прекрасному".

Отзывомъ о „*Сѣверныхъ цвѣтахъ*" (1825) заканчиваются статьи двадцатыхъ годовъ. Плетневъ послѣ этой статьи умолкаетъ до 1831 г., когда былъ написанъ имъ некрологъ барона Дельвига. Здѣсь онъ отдаетъ дань своему доброжелательству. Какъ о человѣкѣ, о Дельвигѣ онъ отзывается съ похвалами его любви къ знанію. Какъ о поэтѣ говоритъ, восторгаясь „свѣжестью его картинъ, силою чувствъ, музыкой простоты": „кто, прочитавъ его стихотворенія, не почувствуетъ наслажденія, тотъ или отжилъ или не начиналъ еще жить для восторговъ къ изящному".

Такова была журнальная дѣятельность Плетнева за первый періодъ. Изъ нашего обзора статей Плетнева, писанныхъ имъ въ двадцатые годы, видно, что онѣ соотвѣтствовали предварительному

---

[1]) Однотомное изд., стр. 1528.

[2]) «Соч. и переписка» Плетнева III, 315.

заявленію Вольнаго Общества. Какъ мы видимъ, критикъ согласенъ, что русская литература обладаетъ большимъ количествомъ хорошихъ поэтическихъ произведеній. Онъ ставитъ даже ее выше французской, хотя и съ той оговоркой, что она еще молода („Письмо къ графинѣ"). Согласно заявленію, критикъ не разбираетъ произведеній авторовъ безъ твердой репутаціи и въ разбираемыхъ произведеніяхъ преимущественно отмѣчаетъ хорошее. Вообще, критика Плетнева очень скромная, ни въ какомъ случаѣ не „зубастая", какъ совѣтовалъ ему Пушкинъ. Его теорія искусства выражена имъ въ разборѣ „Рыбаковъ". Она, какъ подтверждается это и другими мѣстами его разборовъ, въ основѣ своей эстетическая. Поэзія — это область прекраснаго, идеальнаго, чуждаго волненія земныхъ страстей, хотя поэтъ творитъ свой міръ на основаніи природы, „подражая ей, облагораживая ее. Плетневъ не склоняется преимущественно ни къ классицизму, ни къ романтизму, но восторгается прекраснымъ вообще, независимо отъ видоизмѣненій направленія. Онъ признаетъ за художникомъ свободу творчества. У поэта могутъ быть свои оттѣнки въ эстетическихъ взглядахъ и привязанностяхъ, такъ что, вообще, не можетъ быть и не должно быть правилъ для творчества—такихъ, которыя бы стѣсняли проявленія творчества. Плетневъ, вообще, мало значенія придаетъ риторикѣ, — главное для поэта составляетъ, съ одной стороны, талантъ, а съ другой, работа надъ собой, надъ своимъ искусствомъ. Послѣдняя должна проявляться въ стремленіи къ возможно большему внѣшнему изяществу и къ достиженію полнаго соотвѣтствія между мыслью и формой. Однако эта форма должна быть поэтическою, т. е. не должна допускать непривычныхъ прозаическихъ выраженій. Въ силу признанія за авторомъ свободы, Плетневъ, какъ мы видѣли, съ одинаковымъ уваженіемъ отзывается и о Батюшковѣ и о Жуковскомъ и т. д. Наконецъ онъ признаетъ необходимость народности въ поэзіи, хотя она въ его неясныхъ опредѣленіяхъ является облагороженною, т. е. денатурализованною.

Что касается внѣшней стороны его статей, то надо замѣтить, что подражаніе Карамзину, которое находимъ въ первыхъ статьяхъ, скоро исчезаетъ, и простота изложенія является обычною принадлежностью всѣхъ послѣдующихъ статей. Въ нѣкоторыхъ разборахъ замѣтна схематичность изложенія: сначала трактуется о внутреннихъ достоинствахъ произведенія, потомъ о его внѣшнемъ характерѣ.

Характеризуя первый періодъ жизни и дѣятельности Плетнева, можно сказать, что это было для него время основанія послѣдующихъ свѣтскихъ и литературныхъ связей и привязанностей, время наибольшей напряженности жизни. Къ этому же періоду относится

и женитьба Плетнева, первымъ бракомъ, на Степанидѣ Александровнѣ Раевской, отъ которой у него была одна дочь Ольга. О послѣдней Плетневъ часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Гроту. Она впослѣдствіи вышла замужъ и скоро умерла. Что касается интенсивности его дѣятельности за этотъ періодъ, то стоитъ только перечислить его труды, чтобы видѣть, насколько былъ онъ занятъ, и насколько, значитъ, справедливо могъ онъ жаловаться друзьямъ, что онъ заваленъ работою [1]). Въ самомъ дѣлѣ, на немъ лежали: учительскіе труды въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые его больше всего тяготили; разнообразныя хлопоты по дѣламъ друзей—литераторовъ и отчетность по нимъ; занятія въ царскомъ домѣ и, при всемъ томъ, еще и его собственные журнальные труды. При такомъ обиліи дѣлъ ему необходимо было знать, что друзья его цѣнятъ его работы и заботы о нихъ. Поэтому онъ и огорчался, когда не замѣчалъ со стороны друзей должнаго, по его мнѣнію, внимательнаго къ себѣ отношенія. Напримѣръ, ему было непріятно видѣть, какъ иногда беззаботно относился Пушкинъ къ изданіямъ своихъ сочиненій, о которыхъ Плетневъ не переставалъ думать. Или, когда Баратынскій и Пушкинъ остались недовольны его письмомъ къ графинѣ и увидѣли въ этомъ одно „куростройство", то Плетневъ съ чувствомъ обиды оправдывается въ этомъ передъ Пушкинымъ. Сюда же присоединялись иногда нападки враждебныхъ журналистовъ. Въ томъ же письмѣ къ Пушкину онъ пишетъ, что его „письмо къ графинѣ" „облаяли" въ Сынѣ Отечества. При тихомъ и мнительномъ его характерѣ, становятся, такимъ образомъ, понятными и то грустное настроеніе, и та хандра, или меланхолія, въ которую онъ впадалъ часто, и въ силу которой онъ готовъ былъ совершенно разочароваться въ сочувствіи друзей. Затѣмъ посѣтили его и такія невзгоды, какъ смерть самыхъ близкихъ къ нему друзей: Молчанова, статсъ-секретаря, съ которымъ онъ и жилъ лѣтомъ на дачѣ неразлучно, и Дельвига въ 1831 г. О нихъ обоихъ Плетневъ пишетъ Пушкину: „онъ (Молчановъ) и Дельвигъ были для меня необходимы, чтобы я вполнѣ чувствовалъ счастіе жизни. Смерть ихъ сдѣлала изъ меня какого-то автомата [2])".

Множество дѣлъ, а также и часто посѣщавшее его дурное состояніе духа были, вѣроятно, причиною того, что Плетневъ послѣ неудачнаго письма къ графинѣ пріостановилъ свою литературную дѣятельность, главнымъ образомъ прозаическую. Съ 1825 года онъ ничего не написалъ до смерти Дельвига, которому посвященъ не-

---

[1]) Плетневъ пишетъ, что онъ сочиняетъ очень медленно—II, 553, такъ что литературные труды должны были отнимать много времени.

[2]) Ib. III, 374.

большой некрологъ, и выступилъ только уже въ 1833 г. съ своею рѣчью о народности въ литературѣ. Пушкинъ спрашиваетъ брата въ письмѣ: „что Плетневъ умолкъ? Конечно, бѣдный боленъ, иль „Войнаровскимъ" (Рылѣева) недоволенъ [1])". Муза покинула его съ 1827 г. Баратынскій, получивъ отъ него по поводу смерти Дельвига письмо, „дышащее разувѣренностью и уныніемъ", въ отвѣтъ писалъ ему слѣдующее: „неужели ты вовсе оставилъ литературу? Знаю, что поэзія не заключается въ мертвой буквѣ, что молча можно быть поэтомъ; но мнѣ жаль, что ты оставилъ искусство, которое лучше всякой философіи утѣшаетъ насъ въ печаляхъ жизни. Вотъ почему самые мрачные поэты могутъ сохранить бодрость духа. Примись опять за перо, милый Плетневъ" [2]).

Скажемъ, наконецъ, о двухъ характеристикахъ Плетнева въ этотъ періодъ, которыя у насъ имѣются. Одну изъ нихъ мы приводили раньше, говоря о полицейскихъ донесеніяхъ, гдѣ Плетневъ аттестуется человѣкомъ смирнымъ, даже робкимъ. Другую оставилъ Никитенко, познакомившійся съ Плетневымъ во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ. Онъ говоритъ такимъ образомъ въ своемъ дневникѣ: „Былъ у Плетнева. Его обращеніе просто. Въ чувствахъ и рѣчахъ больше мягкости, чѣмъ силы" [3]).

В. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Соч. Пушкина въ одномъ томѣ, изд. Павленкова 1537.

[2]) К. Я. Гротъ. «П. А. Плетневъ». Біографическій очеркъ. Спб. 1902. Стр. 20, 21.

[3]) Дневникъ, I, 283.

Акростихъ, поднесенный Д. П. Трощинскому.

Въ хранящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ сборникѣ „Разныхъ Сочиненій“, составленномъ въ концѣ XVIII вѣка какимъ-то любителемъ, находятся забавно-нелѣпые стихи, совершенно въ хвостовскомъ духѣ, поднесенные статсъ-секретарю Д. П. Трощинскому, (о немъ см. „Русс. Стар.“ 1882 г., іюнь). Первые три стиха помѣщены въ „Отчетѣ Импер. Публичной Библіотеки за 1900 и 1901 г.г.“, СПБ., 1905 г., стр. 172.

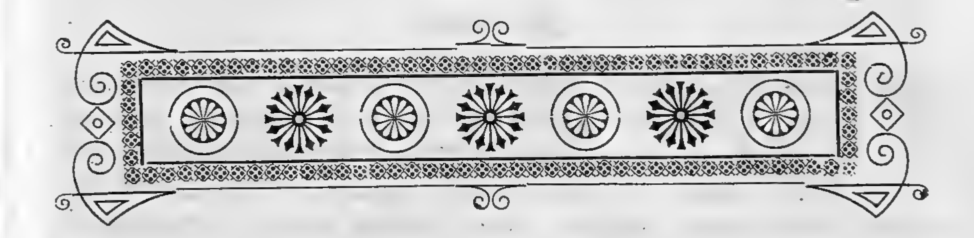
Благотворный мой Избавитель!
Душею сострадая,
Мою зря горьку часть,
И въ черную напасть
Терзающу вникая:
Реченье Истины направилъ
І Кротку Божеству представилъ
Изъять меня изъ хляби алчна вещества,

Пріими жъ души моей благодаренье,
Разженныхъ чувствъ и сердца рвенье,
О даръ избраннѣйшій для благъ!
Когда торжествовалъ мой врагъ,
Остря свой взоръ, скрыпя клыками,
Фатальный ковъ обрывши рвами;
Изъ ихъ когтей чтобъ изхитить
Единой льзя было Орлицѣ,
Великой той душѣ, Фелицѣ,
Извлечь и жребій тяжкій облегчить,—
Чертогъ тогда не ты ль отверзъ мнѣ Божества?

Ты сталъ! И алчность устыдилась
Рокъ хряснулъ вдругъ, и буря укротилась.
О, смертныхъ другъ! Будь въ вѣкъ благословенъ!
Щастливъ тобой, но я не удивленъ:
Извлечь изъ зубъ, то пусть-таки понятно,
Но вотъ алтыннымъ что душонкамъ необъятно!
Стенящій вопль тебя мой огорчилъ,
Когда въ отчаяньи я рвался и ругался,
Іязщный Мужъ! однимъ ты мною занимался
И благостью Кощунство ты казнилъ.

Сообщ. Петръ Челищевъ.

Дитя любви.

Изъ записокъ стараго помѣщика.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ средѣ помѣщиковъ Саратовской губерніи находилось двое очень богатыхъ братьевъ Ж.... Старшій П., женатый на мѣстной дворянкѣ, имѣлъ дѣтей и занималъ высокое положеніе въ уѣздѣ; второй же братъ, сравнительно, жилъ скромно, женатъ не былъ, но, находясь въ связи съ своей крѣпостной дѣвушкой, прижилъ съ ней дочь. Дѣвочка эта росла въ большой роскоши, и ей давалось хорошее образованіе, не исключая языковъ и музыки. При жизни отца она въ семьѣ его брата была на правахъ близкой родной и пользовалась общимъ расположеніемъ. Дядя такъ много оказывалъ ей вниманья, что вкрался этимъ въ довѣріе брата, который, завѣщая ему вотчины, просилъ передать свой большой капиталъ незаконной дочери, въ чемъ старшій братъ и далъ клятвенное обѣщаніе.

Дѣвочкѣ этой уже было 14 лѣтъ, когда отца ея убили крестьяне. Послѣ чего дядя взялъ ее къ себѣ въ домъ, но, пользуясь тѣмъ, что по матери она числилась его крѣпостной, съ первыхъ же дней грубо отдѣлилъ ее отъ своей семьи, сажая сначала за особый столъ во время обѣда, а затѣмъ и заставилъ ее убирать комнаты своей дочери. Несчастная сирота не вынесла такой рѣзкой перемѣны и стала чахнуть. Когда же знакомые отца начали интересоваться ея участью, то П. подъ разными предлогами не допускалъ возможности ее видѣть и наконецъ рѣшился отдать ее для обученья къ извѣстной въ то время въ Саратовѣ модисткѣ Орловой. Участь этой дѣвушки возбуждала большое любопытство общества, но вслѣдствіе распоряженія П. ее около двухъ лѣтъ никто не могъ видѣть. Лѣтъ 17 Лида впервые показалась за прилавкомъ моднаго магазина, поражая всѣхъ своей наружностью, такъ какъ обиженнаго ребенка

судьба наградила замѣчательной красотой. Вскорѣ о ней заговорилъ весь городъ, но времена крѣпостного права, къ несчастью, налагали тяжелую печать на дѣтей любви, и въ виду этого интересовавшееся общество не приняло въ ней никакого серьезнаго участія. П. же, желая окончательно затереть Лиду, рѣшилъ выдать ее замужъ за своего незаконнаго сына изъ крѣпостныхъ, который въ то время находился камердинеромъ у его законнаго сына офицера, стоявшаго съ полкомъ въ Варшавѣ. Обстоятельство это приводило дѣвушку въ отчаяніе, но въ это время сильно заинтересовавшійся ею молодой помѣщикъ, ротмистръ Гатчинскихъ кирасиръ, похитилъ ее и увезъ въ деревню, о чемъ модистка Орлова въ тотъ же день дала знать П., который заявилъ о томъ жандармскому штабъ-офицеру и прокурору, и по ихъ распоряженію полиціей Лида, какъ крѣпостная, была водворена къ своему помѣщику. Послѣ чего П. велѣлъ обрѣзать ей косу, нарядить въ посконный сарафанъ и лапти и сослалъ ее на скотный дворъ своего подгороднаго имѣнья. Дѣло же, возбужденное противъ ротмистра за похищеніе крѣпостной дѣвушки, было прекращено, благодаря лишь вліянію бывшаго въ то время губернатора Кожевникова.

Находясь подъ сильнымъ присмотромъ дворовой челяди, несчастная Лида томилась въ непривычной для нея ужасной обстановкѣ, которую она врядъ ли могла бы долго выдержать, но энергичный ротмистръ, бывъ въ это время уже уѣзднымъ предводителемъ сосѣдняго съ Саратовскимъ уѣзда, не дремалъ и, съ помощью близкихъ ему двоихъ друзей, снова ее похитилъ, но уже при другой комбинаціи: онъ подыскалъ отставного изъ дворянъ титулярнаго совѣтника забулдыгу, который за три тысячи рублей долженъ былъ на ней жениться и быть ея фиктивнымъ мужемъ. Свадьба происходила поздно вечеромъ, при запертыхъ дверяхъ въ Ильинской церкви, гдѣ женихъ, давно не видѣвшій на себѣ приличнаго платья, на этотъ разъ былъ одѣтъ въ щегольской фракъ и бѣлый галстухъ, а затѣмъ въ каретѣ привезена была красавица Лида. По окончаніи свадебнаго обряда, молодая была увезена въ домъ ротмистра, а мужу въ присутствіи двоихъ свидѣтелей въ церковной сторожкѣ, гдѣ дожидался маклеръ, замѣнявшій теперешнихъ нотаріусовъ, были выданы три тысячи рублей, на которые тутъ же молодой супругъ далъ заемное письмо ротмистру и, кромѣ того, было условлено, что мужъ Лиды черезъ три года будетъ получать подъ письменное обязательство ежегодно по тысячѣ рублей, а ежели вздумаетъ потребовать къ себѣ жену, то, какъ несостоятельный должникъ, будетъ посаженъ въ тюрьму.

Исторія эта въ свое время надѣлала немало шума, и хотя зло-

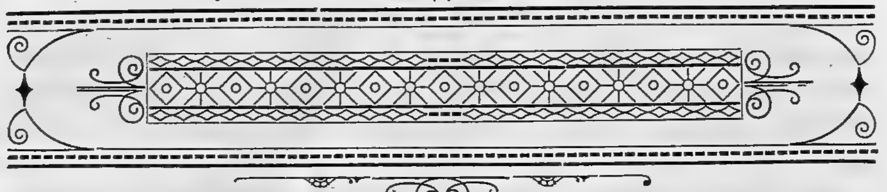
счастнаго титулярнаго совѣтника за похищеніе хотѣли предать суду, но самъ благодѣтельный дядюшка П., запуганный вліятельными дворянами возможностью довести о его поступкахъ съ Лидой до свѣдѣнія Государя, самъ первый хлопоталъ о прекращеніи этого дѣла.

Послѣ этого прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ нашему ротмистру и Лидѣ Богъ далъ сына, а затѣмъ, послѣ смерти фиктивнаго супруга у нихъ родилась еще дочь и, наконецъ, Лида сдѣлалась законной женой ротмистра. Прелестныя дѣти наслѣдовали все лучшее своихъ родителей, для которыхъ настала новая забота усыновить ихъ. Но такъ какъ для усыновленія дворянамъ изъ незаконныхъ дѣтей въ то время требовалась особая Высочайшая милость и послѣ подаваемыхъ по этому поводу всеподданнѣйшихъ прошеній производился главноуправляющимъ собственной канцеляріи Его Величества конфиденціальный запросъ губернатору и губернскому предводителю о томъ: заслуживаютъ ли родители этой милости, то относительно ихъ дочери устроить усыновленіе было легко, что же касается сына, то встрѣтилось большое затрудненіе, такъ какъ онъ оказался юридически законнымъ сыномъ титулярнаго совѣтника, почему мнѣ по должности губернскаго предводителя и пришлось въ своемъ сообщеніи Долгорукому, для доклада Государю, изложить обстоятельства перваго замужества Лиды, послѣ чего повелѣніемъ Императора Александра II сынъ ротмистра былъ усыновленъ.

Вся же исторія, однако же, не прошла безслѣдно для П., который такъ ужасно поступилъ съ Лидой, и Божья кара лишила его обоихъ законныхъ сыновей, которые окончили жизнь въ сумасшедшемъ домѣ. П. же до самой смерти своей представлялъ собою что-то странное и ухаживалъ всю жизнь за высокопоставленными лицами и преимущественно за губернаторами и полиціей.

В. А. Шомпулевъ.

Овладѣніе непріятелемъ крѣпостью Кинбурнъ во время Крымской войны.

Небольшая крѣпость Кинбурнъ, расположенная на песчаной косѣ того же имени, до Крымской войны, имѣла назначеніе защитить проходъ изъ Чернаго моря въ Очаковскій лиманъ отъ вторженія непріятеля. Съ этою цѣлью крѣпости былъ приданъ видъ сомкнутаго форта, сильный артиллерійскій огонь котораго былъ сосредоточенъ на одномъ изъ фасовъ, обращенныхъ къ узкому проходу съ моря въ лиманъ, въ который впадаетъ рѣка Днѣпръ. На этомъ фасѣ, параллельномъ проходу, были установлены тогдашняго типа гладкостѣнныя бомбовыя пушки и мортиры большого калибра, способныя состязаться съ соотвѣтственнымъ вооруженіемъ вражескихъ судовъ; остальные фасы укрѣпленія, хотя и были вооружены, но слабѣе предыдущаго. Если бы непріятелю удалось воспользоваться высадкою своихъ войскъ на косу, то, предпринявъ атаку укрѣпленія съ тыла, осаждающій не встрѣтилъ бы надлежащаго сопротивленія. Да и вообще операція непріятельскаго десанта на косу считалась невозможною, такъ какъ съ морской стороны коса была омываема мелководьемъ на значительное разстояніе, такъ что подходъ къ ея берегу былъ невозможенъ даже для мелкосидящихъ шлюпокъ или плотовъ, а высадка со стороны лимана гарантировалась полною надеждою на сильную оборону прохода въ лиманъ. Самый проходъ въ лиманъ не имѣлъ никакихъ искусственныхъ загражденій, которыя могли бы препятствовать свободному проходу по немъ непріятельскихъ судовъ.

Осенью 1854 года, небольшой отрядъ непріятельской флотиліи съ посаженными на ней десантными войсками, подъ начальствомъ французскаго генерала Базена [1]), подошедши къ Кинбурнской крѣпости, сталъ на якорь и усиленною бомбардировкою началъ громить укрѣпленіе. А какъ крѣпость, кромѣ земляныхъ верковъ, имѣла блиндажи и прочные каменные казематы, прикрытые надежною толщею земли, то гарнизону и различнымъ боевымъ и провіантскимъ складамъ, хранившимися въ оборонительныхъ зданіяхъ, не пришлось терпѣть уронъ, а незначительныя поврежденія въ постройкахъ немедленно исправлялись. Видя безполезность и неудачу своего предпріятія, непріятель, хотя и продолжалъ канонаду, но гораздо слабѣе и вмѣстѣ съ этимъ отрядилъ нѣсколько пароходовъ для форсированія прохода; однако и это ему не удалось, такъ какъ его суда, рискнувшія прорваться въ лиманъ, по не знанію фарватера, попали на отмели и, будучи повреждены снарядами нашихъ орудій изъ крѣпости, должны были возвратиться назадъ.

Въ теченіе трехъ послѣдующихъ дней послѣ несбывшагося намѣренія атакующаго прорваться черезъ проходъ, изъ крѣпости стали наблюдать, что въ теченіе дня нѣсколько непріятельскихъ шлюпокъ и паровыхъ катеровъ разставляютъ на поверхности моря плавучіе буйки и вѣхи, совершая эту работу въ то время, когда нашъ небольшой колесный пароходъ, державшій ежедневное сообщеніе между Кинбурномъ и Очаковомъ, курсируя вдоль прохода, подходилъ и отходилъ отъ крѣпости. Ночью же изъ крѣпости видѣли, что на поверхности моря появлялись разноцвѣтные огни, не мѣнявшіе своихъ мѣстъ. Такія проявленія какъ бы спокойной дѣятельности непріятеля и наши наблюденія, какъ сказано выше, продолжались недолго, и затѣмъ прекратилось появленіе ночныхъ огней, хотя плавучіе знаки на поверхности моря оставались видимыми днемъ.

Такъ какъ непріятельскій подходъ къ Кинбурну послѣдовалъ осенью, когда южныя ночи продолжительны и весьма темны, то, воспользовавшись одною изъ такихъ ночей и при томъ дождливой, атакующій тихо и съ потушенными огнями на судахъ, незамѣтно для обороняющагося, успѣлъ сдѣлать не только прорывъ черезъ проходъ, но и высадку своихъ войскъ съ артиллеріею на Кинбурнскую косу въ тылу крѣпости—со стороны лимана. Съ наступленіемъ послѣ этой роковой ночи утренняго разсвѣта, защитники крѣпости были поражены неожиданнымъ появленіемъ части непріятельскаго флота

---

[1]) Тотъ Базенъ, который впослѣдствіи прославился неблагопріятнымъ для него судебнымъ процессомъ.

и войскъ его на такомъ мѣстѣ, занятіе котораго считалось немыслимымъ.

Вся хитрость непріятеля, при несмѣтливости защитниковъ Кинбурна, заключалась въ томъ, что когда нашъ пароходъ совершалъ свои дневные рейсы по проходу, французы пользовались этимъ обстоятельствомъ и по линіи направленія движенія этого судна разставляли на морѣ буйки и знаки, провѣряя правильность ихъ положенія въ теченіе нѣсколькихъ дней, соображаясь съ направленіемъ движенія нашего парохода. Въ злосчастную же ночь для Кинбурна, по устроенному у себя створу были зажжены плавучіе огни, прикрытые отъ взоровъ изъ крѣпости, непріятель далъ возможность своимъ судамъ безошибочно направить ихъ движеніе по проходу, минуя опасныя мели. Такимъ образомъ темнота ненастной ночи и недостаточная бдительность обороняющагося были союзниками для непріятеля къ удачному выполненію придуманной имъ хитрости.

Въ теченіе дня и ночи, слѣдовавшихъ за высадкой, непріятель съ поспѣшностью принялся за насыпку земляныхъ батарей и постановку на нихъ орудій и къ вечеру второго дня открылъ губительный огонь по крѣпости. Само собою разумѣется, что бомбардированіе крѣпости съ тыла наносило значительный вредъ какъ обороняющимся, такъ и матеріальнымъ средствамъ обороны, такъ какъ дѣйствію непріятельскихъ снарядовъ открывались слабыя и видимыя части внутренности укрѣпленія и орудій, такъ что большая часть вооруженія оборонительныхъ линій за подбитіемъ орудій должна была замолкнуть.

Базенъ, видя успѣшное дѣйствіе своей артиллеріи и произведенныя разрушенія въ крѣпости, рѣшился предложить коменданту Кинбурна вступить въ переговоры о дальнѣйшей участи крѣпости и ея гарнизона. Съ этою цѣлью временно прекративъ бомбардированіе, непріятель выкинулъ парламентерскій флагъ, который понудилъ коменданта отвѣтить тѣмъ же—въ знакъ согласія на переговоры. Французы немедленно выслали своихъ парламентеровъ къ крѣпости во главѣ своего полковника, съ нашей же стороны вышелъ къ нимъ комендантъ съ группою офицеровъ разныхъ чиновъ. Надобно замѣтить, что комендантомъ крѣпости былъ генералъ, удрученный дряхлостью отъ своихъ преклонныхъ лѣтъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій воинскаго характера, соотвѣтствующихъ цѣли свиданія враждующихъ сторонъ, французскій полковникъ спросилъ, кто изъ вышедшихъ на переговоры комендантъ крѣпости и согласенъ ли онъ, избѣгая напрасныя жертвы жизней защитниковъ, сдать крѣпость непріятелю. Генералъ отвѣтилъ, что комендантомъ состоитъ онъ и,

что по предварительномъ обсужденіи защитниковъ, на бывшемъ въ крѣпости собраніи, изъявляетъ свое согласіе на сдачу крѣпости безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Въ это время одинъ изъ защитниковъ Кинбурна военный инженеръ поручикъ Седергольмъ, завѣдовавшій въ крѣпости инженерною частью, выступилъ впередъ и, волнуясь закричалъ, что комендантъ лжетъ, что онъ трусъ, а не комендантъ и, что онъ, Седергольмъ, будетъ защищать крѣпость до послѣдней капли своей крови. Инцидентъ этотъ вызвалъ протестъ и угрозы со стороны старика-коменданта, на которые Седергольмъ отвѣтилъ воинственнымъ порывомъ, желая зарубить генерала саблею, и, обнаживъ которую, бросился исполнить свое намѣреніе. Но Седергольмъ былъ удержанъ окружающими, не допустившими его до насилія, такъ что коменданту не было уже особенныхъ препятствій къ позорному согласію сдаться на волю непріятеля.

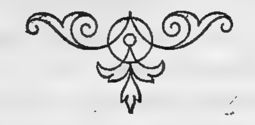
Такимъ образомъ крѣпость Кинбурнъ попала въ руки непріятеля, равно какъ и гарнизонъ ея, который былъ оправленъ въ плѣнъ въ Константинополь и далѣе на Принцевы острова, гдѣ и оставался все время до окончанія Крымской войны. Храбрый поручикъ Седергольмъ во все время своего плѣненія получалъ жалованье по русскому окладу особо отъ французскаго правительства и особо отъ турецкаго, по возвращеніи же изъ плѣна не оставленъ былъ выдачею ему такого же содержанія и отъ русскаго правительства, за защиту же крѣпости и искренность къ проявленію своихъ воинскихъ взглядовъ и вѣрноподданнической готовности жертвовать своею жизнью для защиты отечества, былъ награжденъ чиномъ и орденомъ Св. Владиміра четвертой степени съ мечами и бантомъ.

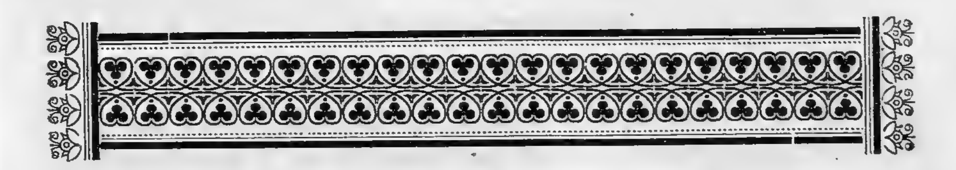
По подписаніи условія о сдачѣ Кинбурна французскій полковникъ-парламентеръ, возвратясь въ свой лагерь, доложилъ генералу Базену о происшедшемъ недоразумѣніи между комендантомъ и поручикомъ, вслѣдствіе чего непріятельскій главнокомандующій при вступленіи въ крѣпость пожелалъ видѣть протестовавшаго поручика Седергольма, котораго любезно обласкалъ и заявилъ свое желаніе занять скромное его помѣщеніе, съ убогою мебелью, состоявшею изъ стола, нѣсколькихъ стульевъ и твердаго дивана, который служилъ ночнымъ ложемъ для Базена въ теченіе трехъ дней. По возвращеніи Седергольма изъ плѣна онъ отыскалъ этотъ диванъ и хранилъ его, какъ реликвію, перевозя съ мѣста на мѣсто при перемѣнѣ своихъ служебныхъ должностей; улыбаясь, онъ говорилъ своимъ знакомымъ, что этотъ диванъ—ложе маршальскаго ранга.

По окончаніи войны, послѣдовавшій военный судъ надъ виновниками сдачи непріятелю Кинбурнской крѣпости былъ прекращенъ за смертію главнаго виновника—коменданта, остальные же подсу-

димые, въ томъ числѣ и Седергольмъ, были оправданы и продолжали свою дальнѣйшую службу. Седергольмъ послѣ войны былъ строителемъ въ Николаевѣ (Херсонскомъ), Керчи и начальникомъ инженеровъ финляндскаго военнаго округа, затѣмъ—членомъ инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія, въ каковой должности и окончилъ свое земное поприще въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Сообщ. Ив. Вороновъ.

Изъ давно прошедшаго.

(Отрывочныя воспоминанія).

Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, въ 1864 году, введена была военно-окружная система, [1]) замѣнившая прежнюю по управленію войсками и учрежденіями военнаго вѣдомства, при чемъ собственно изъ 7-ми поволжскихъ губерній образованъ былъ Казанскій военный округъ, съ штабомъ онаго въ Казани и первымъ командующимъ войсками этого округа назначенъ былъ генералъ Кноррингъ, вскорѣ замѣненный извѣстнымъ боевымъ генераломъ Константиномъ Романовичемъ Семякинымъ.

Въ ряду различныхъ учрежденій округа, сформированъ былъ и отдѣльный штабъ мѣстныхъ войскъ, первымъ начальникомъ коихъ былъ генералъ П., командовавшій ранѣе однимъ изъ округовъ корпуса внутренней стражи, вполнѣ архаическимъ учрежденіемъ, долгое время существовавшимъ и, наконецъ, по непригодности упраздненнымъ. Гражданское управленіе губерніями оставлено было

---

[1]) Въ день открытія въ 1864 г. дѣятельности вновь учрежденныхъ военно-окружныхъ управленій Казанскаго округа опредѣлено было отслужить въ мѣстномъ кафедральномъ соборѣ молебенъ. Къ назначенному часу прибыли туда генералитетъ съ командующимъ войсками округа во главѣ и чины названныхъ управленій; неожиданно, однако, произошла небольшая заминка, такъ какъ причту собора никто изъ старшихъ присутствовавшихъ военныхъ властей—въ большинствѣ не православнаго вѣроисповѣданія — не могъ пояснить въ честь какого святого слѣдовало служить молебенъ, хотя день праздника штаба округа (кажется, Св. Александра Невскаго) и былъ извѣстенъ и присутствовалъ начальникъ штаба генералъ Батезатулъ. Вопросъ этотъ благополучно разрѣшилъ только *окружной ветеринаръ* Ряб—ковъ, пояснивъ, что слѣдовало настоятелю собора. Разсказъ объ этомъ привелось намъ слышать отъ лица, присутствовавшаго въ этотъ день въ соборѣ.

при этомъ по-прежнему въ полной власти губернаторовъ и боевую силу округа составляли въ то время (1865—1868 гг.) главнымъ образомъ разныхъ наименованій мѣстныя войска, а именно: 7 губернскихъ (бывшихъ гарнизонныхъ) баталіоновъ, 16 резервныхъ баталіоновъ съ постояннымъ (кадровымъ) и перемѣннымъ составами и 113 этапныхъ и конвойныхъ командъ [1]). Штабъ этихъ войскъ, бывшій тогда подъ начальствомъ полковника М., подраздѣлялся на пять отдѣленій [2]) и помѣщался въ верхней части города на Старо-Горшечной улицѣ, при чемъ пятое отдѣленіе (судное) находилось въ вѣдѣніи оберъ-аудитора В. Аскоченскаго [3]), коего генералъ П., бывшій вообще грубымъ въ обращеніи и не стѣснявшійся въ своихъ выраженіяхъ особенно съ подчиненными, называлъ не только заочно, но и въ глаза, — конечно „шутя", — кутейникомъ и будучи плохо знакомъ съ правилами тогдашняго военнаго судопроизводства порядочно таки его побаивался, говоря иногда: „ужъ подведутъ меня когда-нибудь эти кутейники".

Въ раіонѣ обширнаго округа расположена была только одна 37 дивизія съ своею артиллерійскою бригадою и штабъ ея находился тогда въ Пензѣ, гдѣ губернаторомъ былъ Александровскій— отецъ недавно убитаго тамъ же губернатора. Этою дивизіею командовалъ сначала генералъ Тетеревниковъ, поступившій вскорѣ вольнослушателемъ въ только, что учрежденную военно-юридическую Академію, а потомъ генералъ Ченгери, командовавшій во время мятежа въ Царствѣ Польскомъ 25 Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ и наводившій страхъ на повстанцевъ въ Радомской губерніи.

Первымъ начальникомъ штаба округа былъ генералъ Батезатулъ—чистокровный сибаритъ [4]), а послѣ него—Романовскій, отличившійся при завоеваніи Туркестана и, наконецъ, губернаторомъ въ Казани былъ генералъ Н., спустя, кажется, годъ замѣненный С., весьма горячаго темперамента бюрократомъ, энергически преслѣдовавшимъ взяточниковъ [5]). Не останавливаясь на мало интересномъ из-

---

[1]) Собственно въ Казани, въ 1865 году, кромѣ частей мѣстныхъ войскъ расквартированъ былъ 146 пѣх. Царицынскій полкъ и нѣсколько сотенъ Уральскихъ казаковъ.

[2]) Однимъ изъ коихъ—инспекторскимъ—завѣдывалъ я съ 1865 до 1868 г.

[3]) Родной братъ редактора журнала „Домашняя Бесѣда".

[4]) Не стѣснявшійся иногда въ халатѣ принимать доклады въ кабинетѣ своей квартиры.

[5]) Судя по времени, вѣроятно, про этого губернатора далъ правдивый отзывъ авторъ статьи «Изъ замѣтокъ судебнаго дѣятеля» («Рус. Стар.» 1907, февраль, стр. 273), сказавъ: «губернаторъ С. грубый насильникъ и человѣкъ мало образованный».

ложеніи порядка тогдашней штабной дѣятельности, ограничусь лишь нѣкоторыми наиболѣе характерными частностями въ этомъ отношеніи.

При объѣздахъ губерніи, С. не стѣснялся лично производить при подходящихъ случаяхъ ручную расправу съ волостными старшинами и проч., а когда получился какъ-то въ Казани нумеръ извѣстнаго въ свое время сатирическаго журнала „Искра“ съ каррикатурою на губернатора, то его клевретъ полиціймейстеръ немедленно распорядился отобрать экземпляры этого нумера изъ гостиницъ и кондитерскихъ, въ томъ числѣ и изъ любимой тогда мѣстными жителями кондитерской Комонена (на Воскресенской улицѣ). Все же, несмотря на указанные дефекты, названный губернаторъ крутыми мѣрами дѣйствительно навелъ, такъ сказать, „лакъ“ въ губерніи, при чемъ, какъ говорили, по преимуществу крѣпко доставалось взяточникамъ, свившимъ себѣ прочныя гнѣзда въ разныхъ управленіяхъ и учрежденіяхъ губерніи.

Городъ Казань состоялъ изъ двухъ частей — Европейской съ кремлемъ и всѣми правительственными въ немъ зданіями и Татарской части. Лучшею улицею была Воскресенская съ гостиницею и кондитерскою Комонена. На той же улицѣ былъ и университетъ съ памятникомъ Державину, почему-то находившимся тогда за высокимъ каменнымъ заборомъ, и въ недалекомъ разстояніи громадное зданіе дворянскаго собранія. Мѣстами для прогулокъ были такъ называемое „Черное озеро“ и довольно мизерный Износковъ садъ, а также — за городомъ — русская Швейцарія. Трамваевъ или конокъ тогда въ городѣ не было. Большая часть улицъ грязно содержались, какъ напр.: Проломная, а нѣкоторые были и не мощены. Въ кремлѣ одно изъ зданій занято было недавно учрежденнымъ юнкерскимъ пѣхотнымъ училищемъ.

Начальникъ штаба полковникъ М. занимался дѣлами штаба такъ сказать черезъ пятое въ десятое и былъ въ сущности гостемъ въ немъ; онъ обладалъ плохимъ зрѣніемъ, что и послужило какъ-то причиною слѣдующаго довольно забавнаго съ нимъ недоразумѣнія. Пріобрѣтенъ былъ новый образъ Казанской Матери Божіей и въ кіотѣ установленъ въ одной изъ залъ штабнаго помѣщенія. Дано было знать, что для осмотра образа прибудетъ генералъ П. Къ назначенному часу всѣ чины штаба собрались въ залѣ; прибылъ названный генералъ и, опираясь на палку, прихрамывая направился къ тому мѣсту, гдѣ былъ образъ; не доходя 5—6 шаговъ, онъ остановился и спросилъ отрывисто начальника штаба: „а какого святого?“, на что полковникъ бѣгло посмотрѣвъ на образъ, доложилъ: „Св. Николая Чудотворца, ваше п-во“; генералъ П. усмѣхнулся и

замѣтилъ: „а кого же онъ на рукахъ держитъ?“. Послѣ нѣкотораго замѣшательства, послѣдовало должное разъясненіе [1]).

Въ концѣ 1865 года полковникъ М. былъ произведенъ въ генералы, съ назначеніемъ командиромъ бригады, и исправляющимъ должность начальника штаба назначенъ былъ подполковникъ Николай Ивановичъ Бобриковъ (впослѣдствіи финляндскій генералъ-губернаторъ, злодѣйски убитый въ Гельсингфоргсѣ).

Въ округъ прибыла 2 пѣхотная дивизія, которою командовалъ тогда генералъ Зотовъ (впослѣдствіи командиръ 4 корпуса).

Наступилъ 1866 годъ. Генералъ Семякинъ скончался (въ одинъ и тотъ же день съ своею супругою) и командующимъ войсками округа назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Глинка-Мавринъ [2]).

Какъ тогда кочевали пѣхотные полки, примѣромъ можетъ служить названной дивизіи Либавскій полкъ. Въ 1860 году онъ былъ въ Вильнѣ, прибывъ туда изъ Риги, въ 1861 году квартировалъ въ Плоцкѣ, въ 1862 и 1863 годахъ — въ Бѣлостокѣ, въ 1863 и 1864 годахъ—въ Островѣ, Остроленскаго уѣзда, а въ концѣ 1865 году очутился въ Сарапулѣ Вятской губерніи.

Л. Драке.

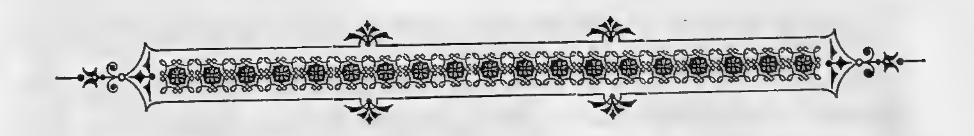
(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Тогда же этому генералу предложено было посмотрѣть недавно устроенную штабную библіотеку; перелистывая каталогъ книгъ собственно для проформы, генералъ П. приказалъ показать ему извѣстное сочиненіе генерала Милютина „Война 1799 года въ Италіи“, и разсматривая приложенную къ книгѣ карту театра военныхъ дѣйствій, замѣтилъ: „городъ Уринъ — какое странное названіе!“ рѣчь шла о городѣ Туринѣ, но на бѣду буква Т оказалась тамъ, гдѣ изображены были горы и почтенный начальникъ мѣстныхъ войскъ недостававшую букву проглядѣлъ, что конечно сейчасъ же было ему пояснено.

[2]) Отличавшійся, несмотря на преклонные годы, склонностью къ гимнастическимъ упражненіямъ и особенно настаивавшій на занятія ею въ войскахъ округа.

Царская милость.

(Изъ воспоминаній Восточной войны).

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1878 года мы вступили въ Рущукъ. Въ Рущукѣ оказались большіе запасы турецкихъ галетъ, ячменя и еще чего-то. Мы пытались наложить на эти запасы свою руку, но намъ объявили, что хотя это турецкіе запасы, но принадлежатъ они обществу Рущукско-Варнской желѣзной дороги (кажется, Англійское), т. к. уступлены обществу въ уплату за перевозку турецкихъ войскъ въ минувшую кампанію. Нечего дѣлать,—пришлось разговаривать съ обществомъ и купить у него. Наши интенданты сочли выгоднымъ купить всѣ склады, если не ошибаюсь за 2 мил. рублей. Для пріема складовъ, составлена была комиссія изъ интендантскихъ чиновниковъ и потребовали отъ вступившихъ въ Рущукъ войскъ одного депутата, по возможности, знающаго французскій языкъ.

Если не говорящимъ, то кое-какъ маракующимъ по-французски—оказался прапорщикъ Тир. полка Гр. Его и назначили.

По разсказамъ Гр., при пріемѣ интендантскимъ чиновникамъ оказалось скучно перемѣривать и пересчитывать все купленное. Порѣшили воспользоваться вычисленіемъ кубическаго содержанія складовъ и опредѣленіемъ такимъ образомъ содержимаго въ нихъ.

Не помню теперь,—ошибка ли въ исчисленіи или негодность купленныхъ продуктовъ,—вызвала начетъ казны, въ общей суммѣ около 100 т. рублей.

Какъ водится, начетъ этотъ былъ распредѣленъ на членовъ комиссіи, въ томъ числѣ и на прапорщика Гр. съ вычетомъ узаконенной части изъ ихъ содержанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Одни изъ интендантскихъ чиновниковъ сосланы въ Сибирь, другіе умерли, а третіе повыходили въ отставку. Съ сосланныхъ въ Сибирь и умершихъ взятки гладки, а, по какому-то распоряженію, отставные интендантскіе чиновники освобождаются отъ взысканій. И въ концѣ концовъ всю сумму около 100 т. рублей пришлось удержать съ Гр.

Въ 1883 году я вступилъ въ командованіе Тир. пѣхотнымъ полкомъ, въ которомъ служилъ Гр. Вычеты съ поручика Гр. начались еще до моего командованія.

Ознакомившись съ этимъ дѣломъ, я вошелъ съ ходатайствомъ о сложеніи начета, но получилъ отказъ, а потому вычеты изъ содержанія поручика Гр. продолжались и къ 1890 году, помнится, удержано было уже свыше 3 тыс. руб.

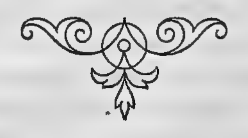
Въ 1890 году полкъ имѣлъ счастіе участвовать въ маневрахъ въ Высочайшемъ присутствіи.

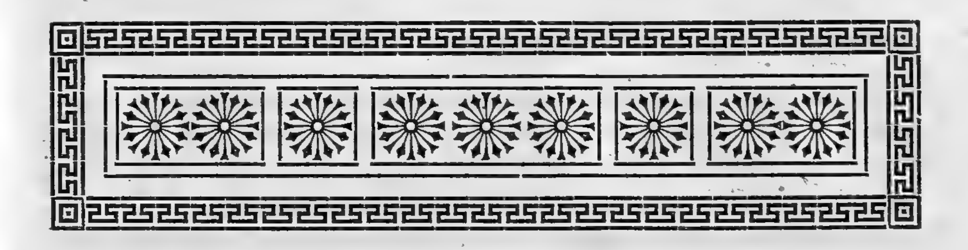
Однажды, послѣ придворнаго обѣда, собрался кружокъ генераловъ, разсказывавшихъ, между прочимъ, разные курьезы, встрѣчавшіеся въ ихъ быту. Случайно и я попалъ въ этотъ кружокъ — и послѣ разсказа кѣмъ-то курьезнаго случая, нѣсколько соотвѣтствующаго дѣлу Гр.,—я попросилъ позволенія разсказать болѣе интересный случай, на ту же тему, и разсказалъ о дѣлѣ поручика Гр., добавляя, что послѣ маневровъ мнѣ остается войти съ представленіемъ о продленіи жизни и службы Гр. хотя на 250—300 лѣтъ, т. к. иначе нельзя будетъ взыскать съ него вычетами 100 т. руб.

Слышавшій мой разсказъ представитель главнаго штаба, Г. О. обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „разсказъ вашъ очень курьезенъ. Не можете ли вы дать мнѣ сегодня записку объ этомъ. Я ее, какъ курьезъ, доложу Государю Императору“. Я, по помяти, наскоро составилъ записку и вручилъ ее генералу О. Видимо, онъ доложилъ ее Государю Императору Александру III, потому что вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе сложить начетъ съ Гр. и даже возвратить ему прежде удержанные болѣе трехъ тысячъ рублей.

Несомнѣнно, это не единственный случай царской милости, когда дѣло докладывалось Государю. Къ сожалѣнію, многія дѣла самостоятельно рѣшались канцеляріями, безъ доклада.

Сообщ. П. Гловацкій.

Изъ исторіи русскаго театра въ XVIII вѣкѣ.

Документальные источники по исторіи нашего театра чрезвычайно скудны: кромѣ тѣхъ документовъ, которые опубликованы въ вышедшихъ до сихъ поръ четырехъ томахъ „Архива дирекціи Императорскихъ театровъ“ [1]), только самыя немногочисленныя свѣдѣнія, разсѣянныя въ литературѣ, могутъ удовлетворить любознательность изслѣдователя. Поэтому первой задачей историка нашего театра является обработка и хотя бы первоначальная группировка опубликованнаго въ Архивѣ матеріала.

I.

Прежде всего необходимо коснуться тѣхъ законодательныхъ актовъ и распоряженій, коими регламентировалась жизнь нашего театра, входившаго въ общій составъ учрежденій Императорскаго двора и какъ составная часть жившая общею съ послѣднимъ жизнью.

Серія относящихся сюда документовъ открывается слѣдующимъ именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату объ учрежденіи русскаго театра 30 августа 1756 года [2]):

---

[1]) Изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ. С.-Петербургъ. 1892 г. О выдающемся научномъ значеніи этого сборника см. *А. Н. Сиротининъ.* Театральный Архивъ. Артистъ (1893 г.) № 29 стр. 93—99. Частичную обработку этого матеріала представляетъ статья *С. Свѣтлова*: театральное училище въ XVIII вѣкѣ. Библіотека театра и искусства за 1902 г. стр. 30—40.

[2]) Томъ II, стр. 54, № 55.

„Повелѣли мы нынѣ учредить Русскій для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать Головинскій каменный домъ, что на Васильевскомъ острову, близъ кадетскаго дома. А для онаго повелѣно набрать актеровъ и актрисъ: актеровъ изъ обучающихся пѣвчихъ и ярославцевъ въ кадетскомъ корпусѣ, которые будутъ къ тому надобны, а въ дополненіе еще къ нимъ актеровъ изъ другихъ неслужащихъ людей, также и актрисъ приличное число. На содержаніе онаго театра опредѣлить по силѣ сего Нашего Указа, считая отъ сего времени въ годъ денежной суммы по 5.000 рублей, которую отпускать изъ статсъ-конторы всегда въ началѣ года по подписаніи Нашего указа. Для надзиранія дома опредѣляется изъ копіистовъ лейбъ-компаніи Алексѣй Дьяконовъ, котораго пожаловали Мы армейскимъ подпоручикомъ съ жалованіемъ изъ положенной на театръ суммы по 250 рублей въ годъ. Опредѣлить въ оный домъ, гдѣ учрежденъ театръ, пристойный караулъ. Дирекція того русскаго театра поручается отъ Насъ бригадиру Александру Сумарокову, которому изъ той же суммы опредѣляется сверхъ его бригадирскаго оклада, раціонныхъ и деньщичьихъ денегъ въ годъ по 1.000 рублей и заслуженное имъ по бригадирскому чину съ пожалованья его въ оный чинъ жалованіе, въ дополненіе къ полковничью окладу додать и впредь выдавать полное годовое бригадирское жалованье; а его бригадира Сумарокова изъ армейскаго списка не выключать. А какое жалованье какъ актерамъ и актрисамъ, такъ и прочимъ при театрѣ производить, о томъ ему бригадиру Сумарокову отъ двора данъ реестръ.

О чемъ Нашему Сенату учинить по сему Нашему указу“.

Этотъ указъ въ сущности гораздо больше заботится о судьбѣ, а главное, о жалованьи бригадира Сумарокова, чѣмъ о всѣхъ остальныхъ дѣятеляхъ вновь учреждаемаго театра; и эта черта едва-ли случайная: она показываетъ, что, или вѣрнѣе кого, считалъ законодатель заслуживающимъ своего особаго вниманія. Всѣ его заботы сосредоточены на служебномъ и матеріальномъ положеніи бригадира Сумарокова. Зато въ несомнѣнный ущербъ дѣлу обойдены молчаніемъ статьи, въ сущности заслуживающія наибольшаго вниманія со стороны законодателя. Сюда, прежде всего, относится юридическое и матеріальное положеніе актеровъ. Послѣднему былъ посвященъ особый реестръ, лично высланный Сумарокову, но этимъ самымъ указъ какъ нельзя болѣе краснорѣчиво подчеркнулъ всю разницу, отдѣлявшую въ его глазахъ директора театра отъ остальныхъ служащихъ, тѣмъ самымъ поставленныхъ въ полное ему подчиненіе. Затѣмъ не указана еще одна подробность первостепенной важности. Предлагая наполнить кадры актеровъ изъ ярославцевъ

и обучающихся въ кадетскомъ корпусѣ—пѣвчихъ, указъ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, слѣдуетъ ли это пополненіе дѣлать по соглашенію съ будущими актерами, или же всякій опросъ ихъ признается излишнимъ. Хотя на этотъ счетъ у насъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній, но общій характеръ отношеній высшей власти къ служителямъ сцены въ эту эпоху заставляетъ думать, что согласія зачисляемыхъ въ актерскіе кадры не требовалось: недаромъ указъ рекомендуетъ брать въ актеры тѣхъ, „которые къ тому будутъ надобны“, совершенно обходя вопросъ о томъ, насколько таковая надобность будетъ соотвѣтствовать интересамъ этихъ надобныхъ для дѣла людей.

Приходится очень жалѣть о томъ, что нашъ документъ совершенно умалчиваетъ о средѣ, изъ которой предполагалось брать для театра актрисъ. Дѣло въ томъ, что до этого нашъ театръ обходился безъ женскаго элемента и поэтому по бытовымъ условіямъ эпохи появленіе женщины на сценѣ должно было явиться чѣмъ-то весьма сложнымъ и необычнымъ [1]. И вотъ поэтому-то чрезвычайно было бы интересно найти въ этомъ законодательномъ актѣ хотя какое-нибудь указаніе на этотъ счетъ, но, къ прискорбію, таковыхъ мы не находимъ, почему вопросъ остается открытымъ, подлежа разрѣшенію путемъ побочныхъ изысканій окольными путями.

Къ 6 января 1759 года относится другой документъ [2], свидѣтельствующій, что Императрица „изволила указать русскаго театра комедіантамъ и прочимъ, кто при ономъ находится, которые до сего времени были въ одномъ бригадира Александра Сумарокова смотрѣніи, и именоваться имъ придворными; и опредѣленныя на все содержаніе того русскаго театра и комедіантовъ деньги, также и разныя иныя имѣющіяся при томъ театрѣ вещи, то есть платье и прочее, все имѣть въ вѣдомствѣ той конторы и отнынѣ къ получаемымъ на содержаніе того театра пяти тысячамъ рублей, въ прибавку комедіантамъ жалованья и на прочее содержаніе, учинить прибавку по двѣ тысячи рублей, а съ прежнимъ получать по семи тысячъ рублей въ годъ, изъ той же суммы, откуда же пять тысячъ рублей опредѣлены [3]), и для того—впредь партикулярныхъ смотрителей впускать безденежно [4]).

---

[1]) См. нашу замѣтку: „Первая русская актриса“. „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“ 1900 г. № 6.

[2]) Томъ II, стр. 57, № 59.

[3]) Т. е. изъ статсъ-конторы см. ibid., № 55.

[4]) Это послѣднее распоряженіе получаетъ связь со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ указа только въ томъ случаѣ, если эти партикулярные смотрители означаютъ публику, съ которыхъ взиманіе платы прекращалось этимъ указомъ и тѣмъ самымъ пропадавшая отъ этого сумма прихода те-

13-го октября 1766 года Екатерина издала указъ, которымъ вносился извѣстный порядокъ въ расходованіе денежныхъ суммъ на содержаніе личнаго состава театральныхъ служащихъ и, сверхъ того, проводились начала разумной экономіи [1]). Особенно любопытна первая статья этого указа, предлагавшая: „разобрать всѣхъ нынѣ при спектакляхъ находящихся людей и о излишнихъ, безъ контрактовъ содержимыхъ, подать къ Намъ настоятельную вѣдомость, чужестранцы ли они, могущіе отсюда отлучиться, или россійскіе подданные, кои безъ пропитанія оставлены быть не могутъ". Въ самомъ „статѣ всѣмъ къ театрамъ и къ камеръ и къ бальной музыкѣ принадлежащимъ людямъ, также и сколько въ годъ и на что именно для спектаклей полагается сумма" [2]), при перечнѣ служащихъ въ оперѣ указано: „первымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ по десяти-

атральной кассы покрывалась той казенной прибавкой въ 2.000 рублей. Вопросъ о безплатныхъ посѣтителяхъ постоянно составлялъ предметъ вниманія театральной администраціи. Такъ, 1784 года октября 23 было опредѣлено, для порядочнаго входа въ театръ пользующимся безденежно входомъ и для отвращенія многимъ въ томъ злоупотребленій, дать всѣмъ таковымъ годовые билеты (томъ II № 225). Неоднократно запрещалось лицамъ, служившимъ при театрахъ, занимать безплатно мѣста во время первыхъ представленій (№№ 234 и 363). Когда, очевидно, число посѣтителей увеличилось, и безплатные посѣтители лишали мѣстъ публику, болѣе достойную, 8 августа 1794 г. князь Юсуповъ издалъ распоряженіе „постороннихъ зрителей безденежно никого не пропускать" (№ 388). Затѣмъ составляется подробный списокъ лицъ, кому именно отпускались ложи безденежно. Здѣсь мы находимъ губернатора, полицеймейстера и тому подобныхъ должностныхъ лицъ. Только одну ложу въ 3-мъ ярусѣ № 1 въ Большомъ театрѣ отпускали для актеровъ, а въ Маломъ—предоставляли—балконъ, съ лѣвой стороны актрисамъ (№ 415). Является вопросъ, почему такое преимущество оказано актрисамъ, а актеры, для которыхъ спектакли являлись не менѣе полезными и поучительными, лишены этого права. Не имѣемъ ли мы и въ данномъ случаѣ дѣло съ едва-ли умѣстной галантностью дирекціи по адресу актрисъ, слѣды чего можно замѣтить во многихъ документахъ Архива.

На этой почвѣ иногда выходили большія нареканія. Такъ, напримѣръ, 21 января 1794 г. Сандунова заняла мѣсто въ ложѣ для актрисъ, но смотритель за сборами ее оттуда вывелъ и предложилъ перейти въ „Парадизъ". Сандунова отказалась, и изъ-за этого вышла цѣлая исторія, разбирать которую пришлось Императрицѣ; см. *А. Н. Сиротининъ*. Новыя свѣдѣнія о Сандуновыхъ. „Истор. Вѣстникъ" 1890 г. № 3, стр. 618 сл.

Затѣмъ нѣсколько документовъ посвящено вопросу о безплатныхъ мѣстахъ для дежурнаго генералъ-адъютанта (№№ 482, 573, 575 и 589), что поддерживаетъ связь театра съ придворными установленіями. Распоряженіемъ отъ 29 апрѣля 1800 года кресло для дежурнаго генералъ-адъютанта было предложено „отнынѣ отдавать оныя при спектакляхъ желающимъ за деньги" (№ 589).

[1]) Томъ II, стр. 85 сл. № 94.

[2]) Составленъ И. П. Елагинымъ см. ibid № 97.

лѣтней здѣсь службѣ давать пенсіону по 200 рублей по смерть ихъ. а прочимъ въ половину, но съ тѣмъ, если они нигдѣ уже въ другихъ государствахъ служить не будутъ“ [1]). Любопытно сравненіе цифръ расхода по отдѣльнымъ частямъ театральнаго вѣдомства, устанавливаемыхъ этимъ указомъ: на оперу и камеръ-музыку ассигновано — 37.400 рублей; на балетъ — 24.100; на бальную музыку — 9.200 руб. (въ сущности, никакого отношенія эта статья расхода къ театру не имѣетъ и свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ тѣсно переплетался собственно театръ съ остальными придворными увеселеніями); на французскій театръ — 21.000 руб.; на русскій театръ—10.500 рублей. Было бы ошибкой думать, что сравнительно крайне скудная послѣдняя цифра говорила о пренебрежительномъ отношеніи власти именно къ русскому театру: размѣры этой цифры опредѣляются тѣмъ, что выписанные изъ-за границы артисты остальныхъ труппъ вполнѣ естественно требовали вознагражденіе гораздо болѣе крупное, чѣмъ то, которымъ могли удовольствоваться наши доморощенные таланты.

Этотъ статъ удовлетворилъ однако далеко не всѣхъ, и уже 20 декабря того же 1766 года Екатерина писала въ придворную контору: „До свѣдѣнія моего дошло, что по причинѣ конфирмованнаго нами стата для оркестра и театра, многіе почитаютъ себя быть обиженными изъ принадлежащихъ къ театру и музыкѣ; того ради чрезъ сіе повелѣваемъ господину Елагину самому, такъ какъ сочинителю того стата, привести все по оному въ прямое дѣйствіе, дабы онъ тѣмъ самымъ могъ доказать совершенство онаго учрежденія передъ нами“ [2]).

12-го іюля 1783 года Екатерина издала указъ д. т. сов. А. В. Олсуфьеву, назначенному въ тотъ же самый день предсѣдателемъ комитета для управленія зрѣлищами и музыкой и участвовавшему въ дѣлахъ комитета до 16 мая 1789 года [3]), слѣдующаго содержанія: „Вамъ извѣстно, что хотя на содержаніе при дворѣ Нашемъ разныхъ зрѣлищъ и музыки опредѣлена не малая сумма, но оная

---

[1]) Итальянская опера состояла по преимуществу изъ иностранцевъ. Среди 59 лицъ, входившихъ въ составъ ея персонала, русскими являются только: Марія Котляревская (№ 26), Шарлота Шлаковская (? № 58), Агафья Яворская (№ 59) и хохолъ Василій Сорока, 7 января 1762 г. Высочайшимъ указомъ опредѣленный на службу въ «Итальянскую кампанію» (см. Архивъ, Отдѣлъ III, стр. 65—72).

[2]) Отд. II, стр. 90, 91 № 97. Улаживанію вызванныхъ этимъ распоряженіемъ неудовольствій посвящены документы за №№ 98, 99, 100.

[3]) Отдѣлъ III, стр. 14—15.

ежегодно дополняема была платежемъ изъ кабинета Нашего, по причинѣ неисправнаго многими полученія жалованья, сверхъ того во всѣхъ почти зрѣлищахъ, несмотря на столь знатное для нихъ иждивеніе, видимы были недостатки. Таковыя обстоятельства побудили Насъ для поправленія всего того и для приведенія въ порядокъ сдѣлать новыя распоряженія".

Кромѣ цѣлаго ряда статей (1 — 8), касающихся внутренняго порядка веденія дѣлъ, здѣсь мы встрѣчаемъ статьи, въ значительной степени ослаблявшія личный произволъ директора и вносившія въ управленіе театрами начала коллегіальности. Такова статья 9: „Хотя все управленіе внутреннее театровъ, людей къ нимъ принадлежащихъ и музыка принадлежатъ директору, въ чемъ всѣ и обязаны ему повиновеніемъ, но безъ согласія комитета не можетъ директоръ ни принять никого въ службу, ни отпустить изъ оной, сдѣлать какую-либо прибавку въ окладѣ, а о всемъ томъ предлагаетъ комитету и поступаетъ, какъ въ ономъ опредѣлено по большинству голосовъ". Статья 14-я гласитъ: „Исполненіе, прилежное должности, и послушаніе комитету и директору долженствуютъ быть главнѣйшими обязательствами всѣхъ и каждаго, къ театрамъ и музыкѣ принадлежащаго безъ различія пола, званія и таланта".

Установивъ въ статьѣ 19 число городскихъ театровъ, распоряженіе въ то же время предписывало (ст. 20): „Запрещается комитету или дирекціи театральной присвоять себѣ исключительное право на зрѣлища и позволяется всякому заводить благопристойныя для публики забавы, держася только государственныхъ узаконеній и предписаній въ уставѣ полицейскомъ". Эта статья получаетъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что впослѣдствіи театры въ столицахъ составляли монополію министерства Императорскаго Двора, и оттого театральное дѣло страдало чрезвычайно, и частнымъ предпринимателямъ пришлось потратить не мало силъ для отмѣны этого совершенно несправедливаго акта, что̀ и состоялось только въ царствованіе Александра III-го.

Статья 23-я касается репертуара, при чемъ директору предписывалось наблюдать, „дабы однимъ родомъ зрѣлищъ вмѣсто забавы не наскучить". При этомъ необходимо отмѣтить любопытную подробность: составленіе репертуара возлагалось на директора, но „если приказано будетъ у двора дать то зрѣлище, которое къ тому же дню пріуготовлено было для публики на городскомъ театрѣ, то директоръ пріемлетъ мѣры, чтобы для публики другое зрѣлище пріуготовлено было". Такимъ образомъ подчеркивается вполнѣ зависимость спектаклей „для партикулярныхъ смотрителей" интересамъ придворныхъ увеселеній, изъ-за которыхъ приходилось совершенно

нарушать строй жизни театра [1]). (Остальныя статьи этого документа, касаясь отдѣльныхъ частностей театральнаго дѣла, будутъ еще разобраны особо).

1 января 1784 г. комитетъ издалъ особое „узаконеніе комитета для принадлежащихъ къ Придворному театру“ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, явившееся развитіемъ того начала, которое преподано Екатериной въ 1783 г. въ бумагѣ на имя Олсуфьева. Здѣсь требовалось отъ всѣхъ принадлежавшихъ къ театру признаніе власти и полное ей подчиненіе (§ 1 и 2), устанавливается порядокъ раздачи ролей (§ 3) и срокъ ихъ изученія (§ 4), при чемъ запрещалось подъ страхомъ штрафа отказываться отъ назначенной роли (§ 5) [2]), опредѣляется число репетицій (§ 6) или „пробъ“—три, и поведеніе на нихъ актеровъ; при семъ послѣднимъ рекомендовалось во время репетицій „удаляться всякихъ вредныхъ шутокъ и съ благопристойностью сообщать другъ-другу свои мнѣнія о труднѣйшихъ въ пьесѣ мѣстахъ“ (§ 7). Затѣмъ „представляющимъ первыя роли“ давалось право дѣлать замѣчанія исполнителямъ второстепенныхъ ролей (§ 8). „Если кто дерзнетъ обижать другого ругательными словами или употребитъ другія наглости во время пробы или представленія, то дирекція будетъ имѣть право не токмо наложить на виноватаго штрафъ, но смотря по обстоятельствамъ дать ему отпускъ“ (§ 9). Наставленія такого рода по адресу актеровъ находятъ наиболѣе яркія выраженія въ статьѣ 14: „желательно, чтобы всѣ члены театра, который долженъ быть училищемъ благонравія, вели себя всегда съ такою благопристойностью, чтобы впечатлѣнія добродѣтели и благонравія, которыя возбуждать старались авторы своими сочиненіями, не истреблялись чрезъ непорядочные ихъ поступки [3]). Вслѣдствіе чего дирекція освобождается отъ своихъ обязательствъ противъ тѣхъ, которые дерзнутъ своими подлыми поступками причинять безчестіе театру съ самой той минуты, когда

---

[1]) Отношенія ко двору регламентированы особо въ ст. 97, при чемъ 3-й ея пунктъ предписывалъ: „всякое воскресенье, въ которое не случится балъ при дворѣ, дать инструментальную и вокальную музыку“. Это подчиненіе придворнымъ увеселеніямъ особенно ясно сказалось въ редакціи 18-й статьи, гдѣ публичные спектакли предлагается устраивать только „кромѣ вышеписанныхъ придворныхъ зрѣлищъ“ какъ бы въ видѣ дополненія къ нимъ.

[2]) Иллюстраціей къ этому можетъ служить отказъ нѣмецкой актрисы Каролины Меллеръ играть роли «первой служанки», почему комитетъ и опредѣлилъ «дать ей абшидъ» см. № 178 стр. 160 ср. № 227, № 420.

[3]) См. относящееся сюда столкновеніе актера Никиты Маркова съ Крутицкимъ 23 октября 1785 г. за № 284, 3, при чемъ было постановлено держать Крутицкаго, за поношеніе ругательными словами своего директора, двое сутокъ подъ стражею при конторѣ.

она отъ кого послѣдуетъ“ [1]). Необходимо отмѣтить, что положеніе это, такъ строго и точно отмѣчавшее всѣ обязанности актеровъ по отношенію дирекціи и точно устанавливавшее наказаніе за каждую ихъ провинность, ни однимъ словомъ не упоминаетъ ни о правахъ актеровъ, ни объ обязанностяхъ дирекціи по отношенію къ послѣднимъ, оставляя ихъ, такимъ образомъ, совершенно беззащитными и безправными и отдавая ихъ тѣмъ самымъ на полную власть произволу всякаго рода администраціи, чему не мало примѣровъ и знаетъ исторія театра того времени.

22-го декабря 1796 года былъ данъ именной Высочайшій указъ князю Юсупову [2]) о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ относительно устройства театровъ, какъ придворныхъ, такъ и городскихъ [3]), при чемъ въ концѣ указа высказывалась увѣренность, что „сими распоряженіями при добромъ стараніи и наблюденіи вашемъ не трудно вамъ будетъ привесть ввѣренную вамъ часть въ лучшее состояніе“. Большинство входящихъ въ составъ этого документа распоряженій носитъ мелкій и чисто административный характеръ [4]). Нѣкотораго вниманія заслуживаетъ только пунктъ 8-й: „вольные спектакли запретить давать во весь Великій постъ и во всю недѣлю св. Пасхи, во весь Успенскій постъ, за двѣ недѣли до Рождества Христова и до 28 декабря, въ день Воздвиженія Креста Господня, въ день Усѣкновенія Главы святого Іоанна, наканунѣ Богоявленія Господня и во всѣ субботы“. Какъ извѣстно, это распоряженіе, безразличное для казенныхъ театровъ, но весьма существенное для частныхъ и провинціальныхъ, за самыми незначительными поправками удержалось вплоть до послѣдняго времени.

Мелочный характеръ императора Павла, опредѣлившій всю правительственную дѣятельность его времени, сказался въ слѣдующей бумагѣ, изданной отъ имени главнаго директора А. Л. Нарышкина [5]), который „повелѣть изволилъ, что какъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ усмотрѣно, что музыканты вѣдѣнія театральной дирекціи и прочіе служащіе носятъ фраки несогласно Высочайшему повелѣнію, то посему отъ конторы театральной ди-

---

[1]) Отдѣлъ II, стр. 153—159.

[2]) Въ началѣ 1791 года былъ назначенъ главнымъ директоромъ надъ зрѣлищами и музыкой (Отд. III стр. 21).

[3]) Отд. II стр. 465 № 431.

[4]) Дополнительный и болѣе детальный характеръ носитъ изданный при томъ же князѣ Юсуповѣ «Планъ Управленію театра»; ibid стр. 474 — 476 № 442.

[5]) Смѣнившій по этой должности гр. Н. Шереметева 28 марта 1799 года, см. Отд. III, стр. II.

рекціи и въ подтвержденіе и предписать всѣмъ служащимъ г.г. актерамъ и музыкантамъ, въ сходственность Высочайшему повелѣнію, отнынѣ носить мундиры, а статскимъ—кафтаны, и имѣть позволеніе носить шпаги [1]". Въ томъ же году состоялся Высочайшій приказъ, засвидѣтельствованный въ примѣненіи только къ французской труппѣ, чтобы начало спектаклей „всегда было ровно въ 5 часовъ пополудни и продолжалось не болѣе какъ до 8 часовъ вечера" [2]), въ чемъ также сказался общій характеръ мѣропріятій Павла. Характерно для этой эпохи и предписаніе князя Юсупова, чтобы режиссеры всѣхъ труппъ наблюдали, „чтобы никто изъ актеровъ въ представленіи не имѣли орденовъ, звѣздъ и лентъ, ни въ городскихъ театрахъ, ни въ Гатчинѣ" [3]). Правда, и при Екатеринѣ директоръ театра, по неосторожности разрѣшившій актерамъ въ пьесѣ „Сибирякъ" [4]) нарядиться въ русскіе мундиры, получилъ за это выговоръ съ повелѣніемъ отнюдь этого имъ не дозволять въ какомъ бы то ни было представленіи [5]). Вообще въ это печальной памяти царствованіе мѣропріятія по театру принимаютъ чрезвычайно мелочной характеръ; образцомъ ихъ служитъ подробная, подписанная тѣмъ же Нарышкинымъ „инструкція дежурнымъ господамъ оберъ-офицерамъ, которому унтеровъ разставлять по постамъ, также и капельдинеровъ, а счетчикамъ, бывшимъ у продажи билетовъ и находящимся у креселъ и ложъ, по назначенному росписанію правителемъ конторы, отъ него получаемымъ" [6]), предусматривавшая такія мелочи этого дѣла, которыя едва-ли нуждались въ такой точной и всесторонней регламентаціи.

II.

Происхожденіе актеровъ, входившихъ въ составъ труппы русскаго театра, далеко не всегда подлежитъ опредѣленію на основаніи документовъ Архива [7]). Изъ актрисъ 14 поступили въ труппу по окончаніи театральнаго училища, при чемъ двѣ ихъ нихъ: Нас-

---

[1]) Отд. III, стр. 578. № 550.
[2]) Ibid. стр. 589 № 572.
[3]) Отд. II, № 465.
[4]) Соч. актера Ив. Соколова, см. архивъ III стр. 44, исполнялось 22 іюля и 22 сент. 1790 г. (Ibid 171). Непонятно, какъ могъ Пикаръ сообщать объ инцидентѣ съ этой пьесой въ письмѣ отъ 1781 г.
[5]) Письма Пикара къ князю А. В. Куракину. „Русск. Старина" 1870 г. стр. 131.
[6]) Ibid. стр. 596—599, № 582.
[7]) Ихъ сводка сдѣлана въ III отдѣлѣ на стр. 23—44.

тасья Айвазова и Марія Борисова, сначала были зачислены фигурантками въ балетную труппу, и уже затѣмъ переведены въ драматическую труппу. Домна Аристархова и Матрена Воробьевская значатся по документамъ пріѣзжими изъ Рязани актрисами, слѣдовательно, попали на казенную сцену съ провинціальной, вѣроятно, крѣпостной. Надежда Калиграфова въ 1785 году переведена въ труппу Петербургскаго театра изъ труппы Московскаго Россійскаго театра. Пять актрисъ служили ранѣе въ вольномъ Россійскомъ театрѣ на Царицыномъ Лугу, дѣятелями котораго, какъ извѣстно, были по большей части воспитанники Сиропитательнаго дома. Относительно 16 актрисъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, откуда и послѣ какой подготовки явились онѣ на сцену.

Изъ мужской половины труппы также скудны наши свѣдѣнія относительно 18 актеровъ; 11 человѣкъ поступило изъ школы, 10 поступило изъ вольнаго театра на Царицыномъ Лугу [1]. Трофимъ Константиновъ и Василій Рыкаловъ изъ актеровъ Тульскаго намѣстничества. Сила Сандуновъ, Иванъ Сторожевъ и Яковъ Шушеровъ приняты съ Московскаго театра; Бобровъ Елисей числится изъ солдатскихъ дѣтей; Сергѣй Голевъ 1 февраля 1792 года изъ пушкарей Л.-Гв. Преображенскаго полка опредѣленъ на службу дирекціи актерскимъ ученикомъ, а впослѣдствіи состоялъ актеромъ; Александръ Пономаревъ значится изъ московскихъ мѣщанъ, а Алексѣй Яковлевъ изъ петербургскихъ купцовъ. Для характеристики семейныхъ отношеній труппы необходимо указать, что изъ 39 актрисъ труппы—10 были женами своихъ же товарищей по сценѣ, остальныя же 29 по документамъ значатся дѣвицами, при чемъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе тогдашніе нравы и воззрѣнія общества на актеровъ, засвидѣтельствованъ бумагами только одинъ случай выхода замужъ актрисы за лицо, не принадлежавшее къ театральному міру, а именно изъ доклада И. П. Елагина отъ 6-го іюля 1767 г. мы знаемъ, что „танцовщица Аграфена Игнатьева уже давно до этого вышла замужъ за поручика и кабинетъ-курьера Рудавскаго“ [2]. Извѣстны два случая, когда съ особаго разрѣшенія выходили замужъ за актеровъ еще воспитанницы театральной школы, при чемъ ихъ въ такихъ случаяхъ со дня выхода замужъ зачисляли въ составъ труппы [3]. Любопытный случай имѣлъ мѣсто съ актеромъ русской труппы Стороже-

---

[1]) Актеръ Крутицкій съ женой и Волковъ были приняты въ труппу изъ воспитанниковъ Сиропитательнаго дома, см. Отд. II, № 138; ст. 1, ср. 147.

[2]) Отдѣлъ II, № 102, стр. 95.

[3]) Ibid. № 341 и 468.

вымъ, какъ это видно изъ слѣдующаго документа: „Правитель конторы господинъ подполковникъ Харламовъ объявилъ, что Его Высокопревосходительство господинъ оберъ-гофмаршалъ театральной дирекціи главный директоръ и кавалеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ повелѣть изволилъ россійской труппы актера Сторожева за непозволенный бракъ посадить подъ стражу при конторѣ и содержать до повелѣнія Его Высокопревосходительства, во исполненіе онаго повелѣнія къ господину инспектору русской труппы Клушину послана была записка, дабы онъ упомянутаго Сторожева съ тѣмъ же посланнымъ прислалъ въ контору немедленно, что̀ имъ и исполнено. Опредѣлено: показаннаго актера Сторожева содержать при конторѣ подъ стражею до повелѣнія Его Высокопревосходительства господина главнаго директора и кавалера“ [1]). Этотъ документъ очень краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ были стѣснены актеры даже въ своей частной жизни.

Такъ же скудны наши свѣдѣнія и относительно входившихъ въ составъ балетной труппы артистокъ; о большинствѣ ихъ мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, про 25 танцовщицъ мы знаемъ, что онѣ поступили на сцену по окончаніи театральнаго училища; 7 артистокъ зачислены въ казенную балетную труппу изъ крѣпостныхъ Шкловскаго графства: 16 апрѣля 1800 г. изъ Шкловскаго графства были зачислены: Азаревичева, Буткевичъ, Кавалерова, Ласимовичева, Сонина и Янчевичева, а 21 іюля того же года къ нимъ прибавлена танцовщица Чевакина. Того же самаго 16-го апрѣля 1800 года изъ крѣпостныхъ Шкловскаго графства были зачислены въ балетную труппу Герасимъ и Романъ Беккеръ, Буткевичъ, Кусаковъ, Полетыкъ, Скоробогатый, Чутиковъ и Шамборскій.

Крѣпостными графства Шкловскаго явились, несомнѣнно, остатки труппы, устроенной въ Шкловскомъ помѣстьѣ отставленнымъ фаворитомъ Екатерины С. Г. Зоричемъ (1743—1799), считавшимся такимъ авторитетомъ въ театральныхъ дѣлахъ, что его вызывалъ въ 1787 г. въ Херсонъ князь Потемкинъ для устройства театральной части [2]). Умеръ Зоричъ въ 1799 г., и результатомъ ликвидаціи его труппы, могъ явиться и этотъ переходъ актеровъ въ казенную труппу.

А. П. Барсуковъ, подробно описавшій житье-бытье С. Г. Зорича

---

[1]) Ibid. № 548, стр. 577.

[2]) *Г. Ф. Гельбигъ.* „Русскіе избранники“, пер. В. А. Бильбасова Берл. 1900 г., стр. 449. *Бантышъ-Каменскій.* Словарь достоп. люд. М. II, 1836, 401—404.

въ Шкловѣ [1]), между прочимъ говоритъ, что „С. Г. Зоричъ тамъ постоянно держалъ театральную труппу (польскую)“ [2]). Хотя и нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ для того, чтобы опровергать это извѣстіе, но можно думать, что не одна только польская труппа была у Зорича. Фамиліи нѣкоторыхъ артистовъ, поступившихъ отъ него въ казну, позволяютъ, кажется, думать, что у него играли и русскіе артисты. Болѣе чѣмъ вѣроятно устройство у него французскихъ спектаклей, для которыхъ для него писалъ пьесы директоръ Шкловскаго корпуса французъ Салморанъ, какъ это видно изъ слѣдующаго пункта поданной имъ жалобы на Зорича: „за представленія мною комедій и оперъ въ два года, на что я употреблялъ свое платье и сочинялъ самъ тѣ комедіи, въ разсужденіи, что я не имѣю ничего оставить дѣтямъ моимъ, кромѣ плодовъ, которые я получаю отъ моихъ дарованій, требую я 800 рублей“ [3]). Во французскихъ же спектакляхъ могла участвовать и жена Салморана [4]), сестра придворной французской актрисы Сажъ [5]).

Изъ числа артистокъ балетной труппы 18 были замужемъ за своими же товарищами по труппѣ. Самое существо балетнаго искусства сказалось, между прочимъ, и въ томъ, что въ составъ балетной труппы, состоявшей изъ 147 лицъ [6]), 34 были иностранцы. Среди артистокъ русскаго театра была одна, принятая изъ дѣвичьяго монастыря. Эта артистка была встрѣчена весьма недружелюбно подругами по сценѣ, особенно извѣстной Елизаветой Ивановой. Все это весьма любопытно, и было бы интересно поближе познакомиться съ причинами, приведшими бывшую черницу на театральные подмостки, но, къ прискорбію, относящійся сюда документъ не даетъ достаточнаго матеріала для освѣщенія этихъ подробностей. Изъ документа [7]) видно, что 27 августа 1785 года „россійскаго театра правящій временно должность инспектора актеръ Соколовъ призванъ былъ въ комитетъ и испрашиванъ, по какой причинѣ принята къ русскому театру изъ дѣвичьяго монастыря актриса, получающая жалованье близъ года, на театрѣ, играющей въ представленіяхъ не видна и способною быть можетъ ли?“ На что онъ, Соколовъ, и отвѣтствовалъ,— „хорошо-ль она играетъ или нѣтъ, не знаетъ, потому что ее на

---

[1]) Шкловскіе авантюристы. *„Заря“* 1871 г., № 1, стр. 330—361.

[2]) Стр. 336.

[3]) Ibid. стр. 360.

[4]) Ibid. стр 343.

[5]) Ibid. стр. 339. Эта г-жа Сажъ входила въ составъ Петербургской французской труппы см. Арх. отд. II № 349, 1.

[6]) Полный ихъ списокъ см. въ въ отдѣлѣ III на стр. 72—95.

[7]) Отд. II, № 277 стр. 276.

театрѣ не видывалъ, а нѣкоторыя россійскія актрисы, а именно Елизавета Иванова, гнушаясь происходящей объ ней худой молвы, не желаютъ съ нею быть въ должности". Но несмотря на такую пустую и неправильную отговорку, приказано ему было сей актрисѣ съ прочими выдать роль твердить изъ трагедіи „Артистонъ" съ тѣмъ, чтобы оная трагедія, черезъ три недѣли непремѣнно по законамъ театральнымъ, къ пробѣ была готова, дабы комитетъ, увидя въ пробѣ сію актрису, могъ дать рѣшеніе о ея способности. Это все тѣмъ болѣе странно, что репутація самой г-жи Ивановой далеко не безупречна.

Размѣры жалованья артистовъ русской труппы и его постепенный ростъ видны изъ слѣдующей таблицы штатовъ за различные годы [1])

Годъ.	Число артист.		Мужск. окладъ.		Женскій окладъ.	
	Муж.	Женщ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.
1766	11	7	800	200	700	250
1786	16	11	700	280	1100	150
1791	19	16	1000	200	1400	200
1799	18	16	2000	200	2000	200

При этомъ мы видимъ, что особенной разницы между окладами актеровъ и актрисъ не существовало. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что съ 1766 по 1799 г. высшій женскій окладъ неизмѣнно принадлежалъ Елизаветѣ Ивановой, занимавшей амплуа первой актрисы, при чемъ въ теченіе 13 лѣтъ ея жалованье почти удвоилось. Необходимо отмѣтить, что въ то время, какъ высшій окладъ актера съ 1766 по 1799 годъ возросъ съ 800 руб. до 2000 руб., а высшій окладъ актрисы за то же время поднялся съ 700 руб. до 2000, низшій окладъ актера удержался на цифрѣ 200 руб., а низшій окладъ акрисы даже палъ съ 250 руб. до 200 руб. Вознагражденіе актеровъ не исчерпывалось этимъ жалованьемъ. Въ штатѣ на 1786 г. при спискѣ актеровъ россійскаго театра читаемъ слѣдующую замѣтку [2]): „всѣ оные природные россійскіе служатъ безъ контрактовъ, квартиры положено имѣть казенныя, а на дрова производится день-

[1]) См. отд. II.
[2]) Ibid. стр. 315.

гами, а сверхъ того по опредѣленію комитета, марта 10 дня 1784 года, должно давать въ каждый годъ по четыре бенефиса [1]). Нѣкоторый свѣтъ на характеръ бенефисовъ проливаетъ распоряженіе князя Юсупова, отъ 30-го марта 1794 г. (№ 383) по поводу бенефиса актера Трофима Константинова. По условію послѣднему полагалось ежегодно въ октябрѣ имѣть бенефисъ, съ тѣмъ, чтобы сумма съ бенефиса составляла вознагражденіе въ 600 рублей. Въ 1794 году Константиновъ поставилъ трагедію „Дмитрій Самозванецъ", но сборъ съ нея составилъ только 400 рублей, поэтому князь Юсуповъ и отдаетъ приказаніе о выдачѣ дополнительной изъ казны суммы въ 200 руб. [2]). Такимъ образомъ, бенефисныя суммы представляли собою нѣчто фиксированное, и недоборъ отъ бенефиса могъ составлять убытокъ не бенефиціанта, а дирекціи. Бенифисы, на основаніи новыхъ распоряженій Екатерины отъ 1783 года, давались для одобренія талантовъ, паче же въ природныхъ авторахъ и актерахъ, 1) для сочинителей: комедій, трагедій и оперъ, коихъ труды пріобрѣли въ публикѣ хвалу и удовольствіе; 2) для капельмейстеровъ или сочинителей музыки за такіе же успѣхи; 3) для актеровъ, оказавшихъ успѣхи въ ремеслѣ своемъ [3]). Въ частности былъ данъ въ 1784 г. бенефисъ нѣмецкой труппы актеру Шпенглеру за то, что его малолѣтнія дѣти всегда употребляются для представленія на театрахъ [4]).

Въ видѣ особой награды 12 января 1791 года, находившемуся уже на пенсіи актеру Якову Шумскому, игравшему въ „Амфитріонѣ" роль Созіи, былъ отданъ весь сборъ съ этого спектакля, равнявшійся 436 руб., что̀ явилось какъ бы бенефисомъ своего рода [5]).

Въ 1800 году инспектору Крутицкому, въ воздаяніе за усердіе исправленія должности и къ одобренію впередъ, былъ назначенъ бенефисъ [6]).

Въ случаѣ провинности дирекція карала актеровъ уменьшеніемъ

---

[1]) Ср. ibid. № 189 стр. 187: „сверхъ того давать имъ въ годъ по четыре бенефиса: 1-й на мясопустной, 2-й на святой недѣлѣ, 3-й въ октябрѣ мѣсяцѣ и 4-й на Рождествѣ. На такомъ основаніи, какъ въ напечатанномъ отъ комитета объявленіи, при раздачѣ ложъ постановлено: собираемыя въ оные бенефисы деньги, вычтя напередъ всѣ отъ комитета расходы, раздѣлить на столько частей, сколько актеровъ и актрисъ по списку состоять будетъ, и, отложа изъ того двѣ части, первую раздѣлить на двое, одну половину отдать первому актеру, а другую первой актрисѣ, вторую же раздѣля на четыре части, дать двѣ актерамъ, да двѣ же актрисамъ.

[2]) Ср. № 378.

[3]) № 130, § 33.

[4]) № 226.

[5]) № 349, § 2.

[6]) № 609.

жалованья. Такъ, когда 6-го мая 1793 года, актеръ Гамбуровъ на улицѣ безъ всякой причины ударилъ палкою актера Воробьева, то дирекція распорядилась за это увѣчіе и безчестіе отъ его, Гамбурова, прибавочное при сей дирекціи жалованье 500 рублей производить ему Воробьеву, доколѣ не примирятся [1]).

Въ дополненіе къ жалованью актеры получили квартиру въ натурѣ [2]). Сюда относится, между прочимъ, постановленіе комитета отъ 16 апрѣля 1784 г., когда было опредѣлено: „ко испомѣщенію россійскаго театра, актеровъ, актрисъ и театральнаго училища, нанять каменный домъ, состоящій въ Литейной части... надворнаго совѣтника Александра Зейдлера [3]), тѣ же изъ артистовъ, которые не получали казенной квартиры, получали въ замѣнъ деньгами, какъ это видно изъ прошенія россійскаго актера Никиты Маркова о выдачѣ ему въ счетъ жалованья на расплату долговъ двухъ сотъ рублей денегъ съ вычетомъ впредь въ одинъ годъ, поелику онъ съ самаго начала вступленія въ службу, не получая казенной квартиры, ни за то денегъ, имѣетъ на себѣ отъ найма квартиръ долга болѣе 100 рублей [4]).

Изъ 20 актеровъ, составлявшихъ въ 1791 г. труппу россійскаго театра, только три получали квартирныя деньги; это именно: Иванъ Соколовъ и Яковъ Шушеровъ, получавшіе по 120 рублей квартирныхъ, и Иванъ Савиновъ, актеръ низшаго оклада, получавшій 84 рубля, квартирныхъ; всѣ же остальные, равно какъ и всѣ актрисы труппы, имѣли казенныя квартиры, при чемъ лица, получавшія квартирныя деньги, не получали дровяного довольства, тогда какъ 11 актеровъ получали на дрова деньгами, и актерамъ выдавалось по 6 саженъ дровъ въ годъ каждому, а Якову Воробьеву съ женой вмѣстѣ выдавалось 20 саженъ дровъ. Изъ артистокъ только двѣ получали по 6 саженъ дровъ, всѣ же остальныя получали деньгами [5]).

По свѣдѣніямъ 1799 г. изъ 20 актеровъ россійской труппы, только Иванъ Сторожевъ получалъ 150 квартирныхъ [6]), не получая при

---

[1]) По указу отъ 13 октября 1766 г. полагалось: „квартиры сверхъ жалованья давать и опредѣлять впредь въ казенномъ домѣ только такимъ, которые по должностямъ своимъ обязаны частыя имѣть репетиціи, но не болѣе, какъ сколько казенный, въ Милліонной улицѣ находящійся, домъ помѣстить можетъ. Отдѣлъ II, № 94, стр. 5.

[2]) № 376.

[3]) Отдѣлъ II, № 199, стр. 197.

[4]) Ibid. № 202, 1.

[5]) См. ibid. № 350, стр. 387—388.

[6]) О квартирныхъ Шушерину съ 1-го марта 1786 г. по 1-е октября 1786 г. 310 рублей, см. № 342, стр. 370.

этомъ дровяного довольства. Всѣ остальные имѣли казенныя квартиры, при чемъ трое получали по 12 саженъ (Крутицкій, Воробьевъ, Петровъ), трое по 8 саженъ (Сусловъ, Рахмановъ и Яковлевъ), а остальные по 6 саженъ. Само собою разумѣется, что больше саженъ дровъ получали тѣ самые артисты, которые получали и больше жалованья. Изъ артистокъ въ томъ же году только одна Елизавета Иванова, получавшая высшій окладъ жалованья, получала 20 саженъ. Три артистки: Екатерина Михайлова, Авдотья Воробьева [1]) и Анна Милевская получали по 8 саженъ, а Прасковья Черникова получала 10 саж., хотя жалованье ея было ниже жалованья Михайловой. Остальныя получали по 6 саж., кромѣ Катерины Янковской и Домны Аристарховой, не получавшей дровъ [2]).

При спискахъ труппы на 1786 г. читаемъ: „квартиры положено имѣть казенныя, на дрова производится деньгами [3]).

При вынужденномъ совмѣстномъ жительствѣ на казенныхъ квартирахъ возникали иногда неудобства отъ личныхъ свойствъ сосѣдей. Такъ 26 апрѣля 1800 г. инспекторъ русской труппы Крутицкій подалъ рапортъ, „что квартирующая въ наемномъ домѣ Петровыхъ, актриса Пелагея Андреева Рябчикова, будучи въ нетрезвомъ состояніи, дѣлала разныя неблагопристойности и похабства, наводя тѣмъ прочимъ квартирующимъ въ томъ домѣ безпокойство, почему Крутицкій и предоставлялъ о усмиреніи ея благопристойными наставленіями, начавъ оное тѣмъ, что вывесть ее изъ квартиры [4]).

13-го октября 1766 года Екатерина издала указъ придворной конторѣ, въ которомъ между прочимъ предписывалось: „положенные въ статѣ пенсіоны производить, докладываясь Намъ съ прописаніемъ, сколько, въ силу опредѣленнаго стата, тотъ человѣкъ пенсіона достоинъ, и сколько лѣтъ онъ безвыѣздно при дворѣ Нашемъ выслужилъ“ [5]). Статъ, на который ссылался указъ, гласитъ: „между прочимъ въ примѣненіи къ актерамъ русской труппы, что они, какъ Россійскіе, должны до смерти имѣть свое пропитаніе здѣсь, по отставкѣ давать до 200 рублей, смотря по ихъ достоинствамъ. Изъ остальной 1.130 руб. суммы обучать ребятъ обоего пола, а остатки хранить въ общей суммѣ для произведенія пенсіоновъ [6]). Въ „новыхъ распоряженіяхъ 1783 г.“ статья о пенсіяхъ (35-я) редактирована такъ: „долговременно въ театрахъ, такожъ въ балетахъ

---

[1]) Вмѣстѣ съ мужемъ она по-прежнему получала вмѣстѣ 20 саж.

[2]) Ibid. № 486, стр. 528—529.

[3]) Ibid. № 294, стр. 315.

[4]) Отд. II. № 586.

[5]) Отд. II, № 94 ст. 7.

[6]) Отдѣлъ II, стр. 88.

и музыкѣ служившіе, кои не будутъ въ состояніи продолжать далѣе труды ихъ, могутъ ожидать пенсіи съ наблюденіемъ, однакожъ, 1) что никому пенсія не можетъ быть дана иначе, какъ по выслуженіи, прилежномъ и безотлучномъ, въ совершенной исправности и послушаніи десятилѣтняго времени. 2-е) природные россійскіе долженствуютъ пользоваться въ томъ преимуществомъ передъ иностранцами; 3-е) пенсіи таковыя могутъ опредѣляемы быть, начиная съ самаго меньшаго числа, даже до половины оклада для россійскихъ и до третьей части онаго для иностранныхъ; 4-е) сверхъ суммы никого на пенсіи не опредѣлять, а ожидать ваканціи; 5-я) комитетъ въ семъ дѣлѣ обязанъ наблюдать всемѣрную осторожность и справедливость и не инако назначаетъ таковыя пенсіи, какъ съ дозволенія Нашего" [1]).

2 октября 1783 года, какъ видно изъ „дневной записки" комитета, было „начато разсматриваніе генеральной всѣмъ при театрахъ служащимъ вѣдомости съ отмѣтками, впредь до опредѣленія производить ли кому пенсіонъ, отставить ли кого безъ онаго—или отказать, съ замѣною должностей ихъ другими, способнѣйшими" [2]).

На основаніи такихъ положеній производилось назначеніе и выдача пенсіона [3]) актерамъ, а также и ихъ осиротѣлымъ семьямъ: такъ, 4-го октября 1798 г. вдовѣ умершаго актера Андреяна Прокофьева и его двумъ малолѣтнимъ дѣтямъ было положено выдавать до возраста ихъ лѣтъ на содержаніе по 6-ти рублей въ мѣсяцъ [4]).

При опредѣленіи матеріальныхъ условій артистовъ XVIII вѣка, нужно имѣть въ виду, что статьей 27 „новыхъ распоряженій", данныхъ Императрицей Екатериной на имя д. с. с. Олсуфьева, 12 іюля 1783 года предписывалось: „стараться впредь завести и утвердить, чтобы платье казенное было для роль характерныхъ, а тѣ, кто играютъ обыкновенныя роли, обязаны были бы исполнять оныя въ собственномъ ихъ платьѣ" [5]).

Въ узаконеніяхъ комитета для принадлежащихъ къ придворному театру 1784 г. этотъ пунктъ редактированъ такъ: „какъ всякій актеръ обязанъ имѣть собственное платье, то и требуется, чтобы оно было порядочное и приличное роли. Характерныя же платья выда-

---

[1]) Отдѣлъ II, № 130, стр. 35.

[2]) Отдѣлъ II, № 155.

[3]) Къ русской труппѣ относятся документы за №№ 94 (7.) 165, 171, 182 (17) 186 (4 и 9) 202 (5) 204, (2) 234, 268, 269 (1), 311, 322, 349.

[4]) № 477.

[5]) ibid. № 130 стран. 116 это было включено въ договоръ съ Плавильщиковымъ, которому изъ казеннаго гардероба было оставлено два платья: черное бархатное и дикое съ шитьемъ см. № 328.

ваемы будутъ изъ театральной кладовой, но съ тѣмъ, чтобы оныя возвращаемы были по окончаніи представленія пьесы тому, отъ кого оныя приняты будутъ. Не дозволяется оныхъ уносить съ собой, а тѣмъ меньше отъ небреженія марать или портить подъ опасеніемъ взысканія и исправленія на счетъ того, кто тому будетъ причиною“ [1]).

При этомъ иногда выдавались отдѣльнымъ артистамъ особыя суммы для пріобрѣтенія сценическихъ костюмовъ. Такъ, 19 мая 1792 г. было постановлено выдавать танцовщицѣ Марьи Грековой и танцовщику Ивану Вальберхову „изъ спектакельной суммы на башмаки и чулки въ мѣсяцъ каждому по 10 рублей“ [2]). Эта статья расходовъ въ примѣненіи къ Ивану Вальберхову была въ полномъ объемѣ включена и въ ордеръ, выданный казначею 31 января 1796 года, при чемъ тому же Вальберхову выдавалось по этому ордеру для фигурантовъ и фигурантокъ, двадцати шести человѣкъ, на башмаки и чулки, на каждаго по 4 рубля и 37½ коп.—113 рублей 75 коп. [3]).

Что касается спеціально драматической труппы, то здѣсь мы находимъ въ штатахъ 1791 г. указаніе, что артисткѣ Катеринѣ Барановой [4]) выдавалось 1100 рублей жалованья и „за употребленіе при спектакеляхъ своихъ уборовъ—300 рублей“ [5]).

Матеріалъ необходимый для шитья этихъ костюмовъ, пріобрѣтался или прямо у купцовъ [6]), или же чрезъ посредство портныхъ, которые и представляли счета [7]). Иногда костюмы эти покупались у актеровъ. Такъ, 5-го мая 1789 г. постановлено выдать за купленный полосатый кафтанъ у актера Рахманова для театральнаго гардероба—20 рублей [8]). Еще раньше у актера Козьмы Гомбурова были куплены въ театральный гардеробъ для употребленія при спектакеляхъ платья: одной пары тафтяной, цвѣтомъ розовой, женской, покрытой флеромъ и вышитой серебромъ, и двухъ паръ мужскихъ суконныхъ, цвѣтомъ мордоре, вышитыхъ золотомъ—за каждую по 50 р., а за всѣ 150 рублей [9]). Покупались подчасъ платья старыя и не у актеровъ. Такъ, 1764 года, ноября 13-го, было опредѣлено

---

[1]) № 176, стр. 157.
[2]) См. № 365 стр. 407.
[3]) № 412, стр. 450.
[4]) О ней см. отд. III стр. 24.
[5]) Отд. II, № 350, стр. 388.
[6]) См. напр. отд. III, №№ 297, 4; 286. 6; 332, 10 и 13; 333, 3; 467; 604; 605.
[7]) См. №№ 333, 2; 338, 3; объ обязанностяхъ этого портного см. № 442. § 6.
[8]) № 332. § 6.
[9]) № 276 стр. 275.

по дешевизнѣ купить у генералъ-поручика П. И. Мелесино накладку золотую съ фольгой на кафтанъ и на камзолъ, и у князя Н. А. Голицына парчевой голубой серебряной кафтанъ съ камзоломъ и штанами [1]). Очень любопытный матеріалъ представляютъ списки статей костюмовъ, представленные отъ портного мастера Федора Отты, для постановки оперы „Ценобіи", для серьезнаго балета „Оракулъ" [2]) и для французской оперы „Аземія", для французской оперы „Рихардъ" и для французской комедіи „Два Брата" [3]).

Россійской труппы артисты раздѣлялись на представителей извѣстныхъ, болѣе или менѣе опредѣленныхъ, амплуа. По стату 1766 г. амплуа эти таковы.

НАЗВАНІЕ АМПЛУА.	Число актеровъ.	Сумма жалованья каждому.
I. Актеры.		
Первый трагич. и комич. любовн.	1	800
Второй	1	600
Третій	1	500
Перъ-Нобль	1	600
Перъ-комикъ	1	600
Слуга первый	1	600
Слуга второй	1	300
Резонеръ	1	250
Подъячій	1	250
Два конфиданта	2	200
II. Актрисы.		
Первая трагич. и комич. любовн.	1	700
Вторая	1	600
Первая служанка	1	600
Вторая служанка	1	300
Старуха	1	400
Двѣ конфидантки	2	250 [4])

[1]) № 231 стр. 216.
[2]) № 463 стр. 490—496.
[3]) № 469 стр. 497—498.
[4]) См. отд. II, стр. 88—89 № 95

Поэтому актеры и приглашались въ труппу на опредѣленныя амплуа, какъ это видно хотя бы изъ дѣла о пріемѣ на службу въ актеры московскаго купца Николая Сахарова [1]) съ женой. Тѣмъ не менѣе дирекція выговаривала себѣ право назначать каждому артисту роли по своему усмотрѣнію. Въ дѣлѣ о приглашеніи въ труппу россійскаго театра Варвары Новиковой оговорено, что по должности своей, она, Новикова, обязана учить, играть и пѣть на придворныхъ театрахъ, гдѣ приказано будетъ всѣ первыя роли женскія, а иногда и мужскія, какъ въ операхъ, такъ и въ комедіяхъ и драмахъ, занимая сіи роли или одна сама собою или раздѣленно съ другими, и не разбирая того, служанку ли, старуху, крестьянку или другое лицо представлять будетъ, короче сказать, она обязана играть и пѣть всѣ тѣ роли, къ которымъ она отъ дирекціи признана будетъ [2]).

Такое полное подчиненіе актеровъ начальству, а въ частности директору, располагавшему правомъ распредѣленія ролей, вполнѣ соотвѣтствовало „узаконеніямъ комитета“ отъ 1783 г., строго запрещавшимъ „дѣлать отмѣны самопроизвольно въ назначенныхъ роляхъ“ [3]). Понятно, что при такомъ положеніи вещей часто имѣли мѣсто неудовольства. Такъ, по свидѣтельству Пикара, г-жа Бона [4]) жаловалась Императрицѣ, что у ней отняли роль, которую она всегда исполняла въ оперѣ „Алкидъ“ [5]). По свидѣтельству того же Пикара, недавно была война между Паизелло [6]) и оперными артистками за раздачу ролей. Актрисы также раздѣлились на двѣ враждебныя партіи: одна состоитъ изъ хорошенькихъ и ихъ покровителей, а другая—изъ нехорошенькихъ, но даровитыхъ. Извѣстно, что между театральными героинями рѣдко бываетъ миръ и согласіе и

[1]) № 660.

[2]) Отд. II, № 416, отъ 25 апрѣля 1796 г. ср. дѣло о приглашеніи въ С. П.-Бургскую труппу Шушерина, ibid. № 296,—Константинова № 378. Также поступала дирекція и съ иностранными артистами, входившими въ составъ, напримѣръ, французской труппы, какъ это видно изъ условій приглашенія артистки Сенъ-Клеръ. См. отд. III стр. 54.

[3]) Отд. II, № 176, § 2 и 5.

[4]) Такой артистки по архивнымъ даннымъ въ составѣ казенной труппы не значится. Не спуталъ ли ее неособенно точный Пикаръ (см. выше) съ артисткой Бонафани? Это была первая придворная пѣвица, состояла на службѣ съ 1 марта 1782 г., когда была Высочайше уволена отъ службы до окончанія срока обязательствъ (см. Архивъ, отд. III, стр. 65). Не шла также и опера «Алкидъ».

[5]) «Русск. Стар.» 1870 г., стр. 147.

[6]) Капельмейстеръ и композиторъ, надзиратель музыки, а затѣмъ «инспекторъ итальянской оперы серьезной и буфъ», о немъ см. Архивъ, отд. III, стр. 118—119.

г-ну Паизелло еще часто придется воевать съ капризами этихъ барынь [1]).

Документъ, относящійся къ Варварѣ Новиковой, доказываетъ, какъ широка была сфера примѣненія дарованія каждаго артиста, обязаннаго выступать одинаково и въ оперѣ и въ драмѣ, что является совершенно невозможнымъ при теперешнемъ положеніи вещей. Между тѣмъ такое совмѣщеніе разнородныхъ съ теперешней точки зрѣнія дарованій обусловливалось прежде всего самымъ характеромъ репертуара того времени, когда такъ часто номера пѣнія входили въ составъ драматическихъ пьесъ, представлявшихъ собою нѣчто среднее между оперой и драмой [2]). Артисты, неподготовленные выступать съ одинаковымъ успѣхомъ, какъ въ оперѣ, такъ и въ драмѣ, не могли бы справиться съ подобными пьесами. Необходимо имѣть въ виду при этомъ, что съ чисто театральной точки зрѣнія такое совмѣщеніе являлось въ высокой степени желательнымъ: необходимое для опернаго артиста умѣніе пѣть развивало голосовыя средства артиста и придавало необходимую силу его декламаціи, носившей тогда болѣе музыкальный, пѣвучій характеръ [3]), тогда какъ участіе въ драмѣ пріучало исполнителя оперныхъ партій къ болѣе осмысленной фразировкѣ, и давало ту осмысленность, что при пѣніи нерѣдко приносится въ жертву чисто вокальнымъ эффектамъ, а игрѣ придавала большую реальность. Какъ на актрису съ чрезвычайно широкимъ артистическимъ діапазономъ можно указать на Екатерину Васильевну Михайлову. Дочь актрисы Михайловой — Авдотьи, она исполняла не только роли служанокъ и другія рѣзвыя роли (т. е. субретокъ), а также переодѣванія требующія роли въ русскихъ комедіяхъ и операхъ, но выступала и во французскихъ спектакляхъ. Такъ она выступала во французскихъ операхъ: „Земира и Азоръ“, „Ринальдъ д'Астъ“, „Блезъ и Бабе“, во французскихъ комедіяхъ: „Два брата“, „Смѣлость и любовь“ (роль Евгеніи) [4]). Такое совмѣщеніе разнообразныхъ требованій достигалось только при основательной сценической подготовкѣ, знакомившей артистовъ со всей техникой театральнаго дѣла: для самоучекъ, переходящихъ сразу изъ зрителей въ актеры, подобное совмѣщеніе было бы невозможно.

---

[1]) «Русск. Стар.» ibid. 151.

[2]) Этимъ пьесамъ посвящено спеціальное изслѣдованіе проф. А. М. Лобода, въ Чтеніяхъ въ обществѣ Нестора Лѣтописца, томъ XIII, 1899 г. стр. 191—221.

[3]) См. хотя бы С. Т. Аксаковъ, Литературныя и театральныя воспоминанія на 1812 г. Полн. собр. соч. IV Моск. 1896 г. стр. 60.

[4]) См. отд. III, стр. 34.

III.

Пьесы покупались дирекціей за извѣстную сумму, какъ это видно изъ слѣдующаго прошенія регистратора Захара Крыжановскаго, просившаго „чтобы къ вящему его одобренію въ упражненіи переводовъ комитетъ благоволилъ отъ него купить переведенныя имъ на россійскій діалектъ нѣсколько партитуръ комическихъ оперъ". Сумма, назначаемая имъ, колеблется за отдѣльныя пьесы отъ 50 до 200 руб., а всего за 6 пьесъ онъ желалъ получить 600 рублей [1]).

Мы видѣли выше, что въ вознагражденіе авторовъ пьесъ предлагалось давать имъ бенефисы (№ 130 стр. 33). Согласно этому въ 1784 г. былъ данъ бенефисъ секретарю Якову Княжнину за сочиненныя имъ для театровъ пьесы, которыя уже были представлены въ дѣйствіи [2]). Когда актеръ Иванъ Соколовъ представилъ въ распоряженіе дирекціи 3 свои пьесы: („Сибирякъ" въ 5 актахъ, „Мушка" въ 3 актахъ и „Влюбленный слѣпецъ" въ 1 актѣ), то ему былъ обѣщанъ за каждую комедію третій бенефисъ [3]). Плавильщикову вмѣсто 3-го бенефиса за сочиненную комедію: „Добрые родственники" было выдано 300 рублей, см. № 330. Та же сумма была выдана въ вознагражденіе г-ну Ефимову, за сочиненную комедію „Вояжеръ" [4]), триста же рублей были выданы ему и за сочиненіе трагедіи „Вшеславъ" [5]). Сочинивъ трагедію: „Тохмасъ Кулыханъ" и комедію „Исправленіе" или „Добрые родственники", онъ исходатайствовалъ о разрѣшеніи поставить ихъ въ свою пользу, что и было уважено [6]). Нельзя опредѣлить въ данномъ случаѣ, получилъ ли Плавильщиковъ сборъ въ качествѣ автора или же какъ актеръ, случайно освобожденный отъ необходимости подыскивать для себя чужую пьесу.

Въ 1800 г. было выдано россійской труппы цензору Клушину за переводъ сочиненія: комедій: „Разсудительный дуракъ", „Худо быть близорукимъ", „Американцы", „Услужливый" и за поправку и приведеніе въ порядокъ многихъ драматическихъ сочиненій, — 800 рублей [7]).

---

[1]) № 187, § 13. Въ 1785 г. за переводы ему было выдано 200 рублей, см. № 243, §7.

[2]) № 195, § 3.

[3]) № 272, § 4.

[4]) № 332, § 5.

[5]) См. № 357.

[6]) № 279, § 7.

[7]) № 642.

Составленіе репертуара опредѣлялось такимъ правиломъ [1]): „назначеніе зрѣлищъ для игранія при дворѣ, хотя такъ же зависѣть будетъ отъ воли Нашей, но ежели бы не было дано о томъ особаго повелѣнія, директоръ старается наблюдать въ томъ очередь, дабы однимъ родомъ зрѣлищъ, вмѣсто забавы, не наскучить". Что сама Екатерина вмѣшивалась въ составленіе репертуара—это видно изъ записки А. Ланского [2]) (отъ мая 1783 г.) съ извѣщеніемъ, что Ея Величеству угодно, чтобы въ будущій понедѣльникъ была комедія „Журналистъ" [3]).

Въ 1800 г. театральной дирекціи главный директоръ А. Л. Нарышкинъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ приказалъ „нынѣ же сдѣлать репертуаръ, сколько и какихъ именно въ теченіи нынѣшняго 1800 г., т. е. начиная отъ Пасхи до будущаго въ 1801 г. великаго поста, русская труппа дать можетъ на Каменномъ театрѣ спектаклей" [4]).

Для сужденія о театральной цензурѣ мы располагаемъ матеріалами, относящимися только къ концу изучаемаго періода. Высшее наблюденіе за содержаніемъ пьесъ принадлежало, какъ это и вполнѣ естественно, верховной власти. Такъ 23 октября 1798 г. Императоръ Павелъ отдалъ распоряженіе, „чтобы комедія, сочиненная г. Капнистомъ, подъ названіемъ „Ябеда", на театрѣ представлена не была" [5]). Очевидно, обличительный характеръ пьесы пришелся не по вкусу Павлу и вызвалъ эту суровую мѣру, что́ нисколько не помѣшало почти ровно черезъ годъ (31 октября 1799 г.) возложить на того же самаго Капниста должность, которая состояла въ разсматриваніи всѣхъ пьесъ и переправленіи оныхъ, какъ человѣка совершенно сію часть знающаго [6]). Поэтому когда въ 1800 г. актеръ

---

[1]) Отд. II, № 130, стр. 23.

[2]) Бывшаго тогда фаворитомъ Императрицы (съ 1780 по 1884 г.).

[3]) Василій Ильичъ, къ которому обращена эта записка,—В. И. Бибиковъ, назначенный 12 декабря 1765 г. «имѣть дирекцію надъ россійскимъ театромъ» см. отд. III, стр. 2, № 11. Екатерина вообще принимала самое живое участіе въ жизни театра, входя во всѣ мелочи. Такъ, напримѣръ: она указала «въ придворномъ театрѣ наблюдать и исполнять нижеслѣдующее: 1) чтобы передовыя плошки были изъ бѣлаго воску, каждая о четырехъ свѣтильняхъ по сдѣланному образцу, 2) заднія плошки между кулисъ, изъ желтаго воску съ шестью свѣтильнями по образцу же» (отд. II, № 295.) Надо слишкомъ любить театръ и относиться къ нему съ полной серьезностью для того, чтобы находить время, среди государственныхъ дѣлъ, удѣлять вниманіе и такимъ мелочамъ.

[4]) Отд. II, № 570.

[5]) Отд. II, № 478.

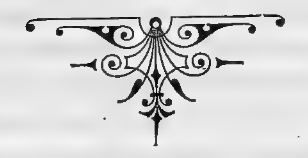
[6]) Ibid. № 517: въ изданіи явная нелѣпость: «какъ человѣка совершеннаго сію часть знающаго».

русской труппы Рыкаловъ написалъ пьесу, подъ заглавіемъ „Зоя", то она была отдана на разсмотрѣніе Капнисту [1]).

Должность цензора исполнялъ Александръ Клушинъ, назначенный на эту должность 18 іюля 1799 года, 23 іюля 1800 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ русскаго театра [2]).

Пьесы изъ цензуры поступали къ инспектору россійской труппы, каковымъ до Клушина былъ Крутицкій [3]).

Б. В. Варнеке.

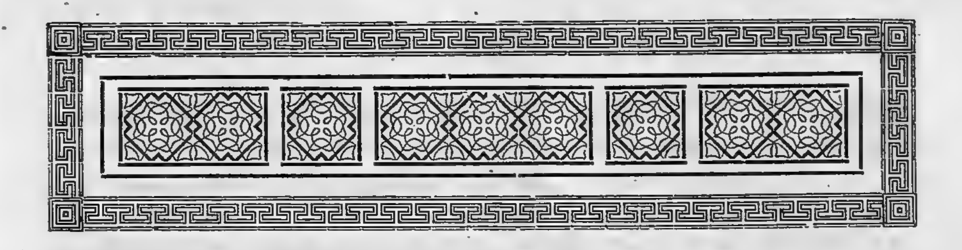

---

[1]) Ibid. № 608.

[2]) О немъ см. отд. III, стр. 31; онъ занимался и переводами драматическихъ произведеній, а именно: комедій «Разсудительный дуракъ», «Худо быть близорукимъ», «Американцы», «Услужливый». Къ цензурированію имъ пьесъ относятся документы изъ II отд. №№ 551—553 и 565—567, 578.

[3]) См. дѣло № 603, отд. II.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Подготовка къ осадѣ Силистріи.

5 сентября Платовъ отрядилъ генер. Иловайскаго съ тремя полками казаковъ для производства поиска въ Руцдумъ, любимое мѣстопребываніе Пегливана, и гдѣ онъ, во множествѣ, собиралъ награбленныя имъ вещи. Никто не зналъ, гдѣ находится это гнѣздо, его долго искали и, наконецъ, нашли, благодаря бѣгству туда 500 бѣглецовъ изъ Россевата. Этого числа было бы совершенно достаточно, чтобы защищать его, но охваченные паникой, они бѣжали въ лѣса, оказавъ лишь слабое сопротивленіе.

Самое расположеніе Руцдума, въ которомъ нашли 4 пушки, ужасно походитъ на разбойничій притонъ. Селеніе это лежитъ въ долинѣ, окруженной высокими горами, покрытыми лѣсомъ; прикрывавшій его ретраншаментъ, длиною 3—4 версты, вился по извилинамъ горъ, но подвергался анфиладному огню съ трехъ сторонъ, а потому и не представлялъ сильнаго сопротивленія регулярнымъ войскамъ. Укрѣпленіе это годилось лишь какъ временная защита отъ внезапнаго нападенія, чего и опасался Пегливанъ отъ своихъ сотоварищей по разбойничеству. Домъ его былъ очень обширенъ, хорошо меблированъ и выстроенъ на половину на турецкій ладъ, на половину на европейскій. Два чудныхъ фонтана украшали его дворъ, гдѣ было еще нѣсколько зданій и садовъ, составлявшихъ, въ окружности, до 2.000 шаговъ.

Еще задолго до этого, Платовъ и его казаки только и мечтали о Руцдумѣ и заранѣе поздравляли другъ друга съ огромными богатствами, которыя они тамъ найдутъ и присвоятъ себѣ, но ожи-

[1]) См. «Русск. Стар.», іюнь 1908 г.

данія отчасти обманули ихъ, хотя тамъ было не мало чѣмъ можно поживиться съ апетитами менѣе ненасытными, нежели у казаковъ.

До сихъ поръ кампанія была ведена очень хорошо, операціи были связны и результаты счастливые. Планъ атаки турокъ подъ Россеватомъ былъ также очень хорошъ, но послѣ этой легкой побѣды, кн. Багратіонъ потерялъ 5—6 дней въ ожиданіи провіанта и военныхъ припасовъ, а потому не могъ долѣе надѣяться на панику, внушенную имъ раньше и которая открыла бы ему ворота Силистріи. Онъ черезъ-чуръ льстилъ себя мечтою о легкости завладѣнія этой крѣпостью, гдѣ, какъ онъ долженъ былъ хорошо знать, былъ очень сильный гарнизонъ, всегда имѣвшій возможность получить помощь отъ великаго визиря изъ Рущука. Если бы Багратіонъ двинулся на Шумлу и даже на Варну, онъ достигъ бы, быть можетъ, большаго успѣха; въ Шумлѣ не было почти войскъ, а его положеніе, по дорогѣ къ Балканамъ, было очень важно. Варна находилась, хотя и очень далеко отъ линіи нашихъ операцій и нашихъ магазиновъ, и овладѣть ею было очень трудно, но въ этой части Румеліи, отдаленной отъ великаго визиря, ужасъ, внушаемый русской арміей, и страхъ передъ нею были таковы, что быть можетъ Варна открыла бы намъ свои ворота, и занятіе ея имѣло гораздо большее значеніе, чѣмъ Силистріи. Турки смотрятъ на нее, какъ на ключъ къ Константинополю. Послѣ взятія Варны и Шумлы, Силистрія могла бы быть оставлена турками, такъ какъ отъ нихъ всего можно было ожидать.

Однако, я не могу скрыть, что изложенный планъ былъ болѣе отважный, чѣмъ осторожный, и Багратіонъ мнѣ сказалъ потомъ, что наступленіемъ на Силистрію онъ имѣлъ въ виду отвлечь великаго визиря отъ меня и тѣмъ спасти Валахію, потеря которой повлекла бы за собой полное разрушеніе всѣхъ нашихъ операцій.

Считая себя тогда очень слабымъ и дѣйствительно находясь подъ угрозою турокъ, я долженъ былъ благодарить Багратіона за его планъ дѣйствій (личный интересъ въ сторонѣ). Но предположивъ, что онъ избралъ лучшій планъ, все же неудачу въ достиженіи цѣли слѣдуетъ приписать тому, что онъ не выказалъ ни достаточной послѣдовательности, ни быстроты въ своихъ операціяхъ. Послѣ Россеватскаго сраженія онъ дѣйствовалъ безъ опредѣленнаго плана и скорѣе отдался теченію событій, чѣмъ былъ хозяиномъ ихъ. Онъ обратился за помощью къ деньгамъ и случайностямъ, которыя, по правдѣ сказать, иногда служатъ лучше, чѣмъ таланты.

Кн. Багратіонъ приказалъ артиллерійскому маіору Магденко подвести къ Силистріи суда для транспортировки продовольствія, но было бы лучше, если бы онъ приказалъ ремонтировать мостъ въ

Гирсовѣ, въ 10 или 15 верстахъ отъ Силистріи и не отправлялъ бы по Дунаю маленькія суда, для которыхъ и сентябрскіе вѣтры представляютъ уже опасность; онъ могъ бы провести ихъ черезъ Борщъ. Эта рѣка течетъ параллельно Дуная, на разстояніи 5—6 верстъ, и соединяется съ нимъ нѣсколькими большими каналами, теченіе которыхъ направлено съ сѣвера на югъ, т. е. перпендикулярно теченію обѣихъ рѣкъ.

Въ большую воду по Борщу могутъ пройти канонерскія лодки и большія суда съ транспортами, такъ что и флотилія легко могла пройти изъ Гирсова въ Туртукай, не рискуя быть подъ огнемъ Силистріи, о чемъ тогда и не подозрѣвали, а узнали, когда уже было поздно.

Гирсовскій мостъ нужно было поставить верстахъ въ 10—12 ниже Силистріи, и я считаю огромной ошибкой, что этого не сдѣлали, что и доказали результаты.

3 сентября Марковъ двинулся вдоль моря и выслалъ сильный отрядъ къ Мангаліи. Подходя туда, казаки замѣтили, что турки выходятъ изъ крѣпости съ большимъ числомъ повозокъ. Получивъ это донесеніе, Марковъ немедленно отправилъ ген. Денисьева съ отрядомъ для занятія города, который онъ и нашелъ уже покинутымъ жителями.

Городъ очень хорошо и красиво выстроенъ и достаточно сильно укрѣпленъ; въ немъ было найдено 4 пушки, гарнизонъ же достигалъ не менѣе 3.000 чел., считая и вооруженныхъ жителей.

Денисьевъ приказалъ гусарамъ и казакамъ преслѣдовать ушедшихъ турокъ, и имъ удалось захватить нѣсколькихъ плѣнныхъ.

Оставивъ 200 казаковъ въ Мангаліи, столько же въ Кюстенджи и присоединивъ къ себѣ Орловскій полкъ съ ген. Палицынымъ, Марковъ покинулъ затѣмъ берега Чернаго моря, чтобы быть ближе къ Багратіону, подвигавшемуся въ то время къ Силистріи. Онъ направился на Биттиркинъ, оставилъ тамъ Палицына, а затѣмъ вышелъ близъ Руццума. Во время этого движенія, онъ выслалъ небольшіе отряды къ Базарджику и даже къ Варнѣ, чѣмъ вызвалъ въ этой части страны сильную панику. Не доходя 25 верстъ до Силистріи, онъ занялъ селеніе Кайнарджи, расположенное влѣво отъ дороги, идущей въ Шумлу. Селеніе это знаменито миромъ, подписаннымъ графомъ Румянцевымъ, въ 1774 году, съ турками.

Между тѣмъ, Измаилъ-паша, послѣ сдачи Кюстенджи, подошелъ къ Коварнѣ и потребовалъ выкупныхъ денегъ, но жители прогнали его. Узнавъ объ этомъ, Марковъ вывелъ заключеніе, что въ этомъ городѣ не имѣется гарнизона, а потому послалъ туда полковника Мельникова съ его полкомъ и тремя эскадронами гусаръ. Послѣ

небольшой перестрѣлки съ жителями, Мельниковъ двинулъ часть казаковъ и гусаръ въ городъ; жители испугались и бѣжали. По занятіи нами, Коварна была разрушена. Этотъ красивый городокъ, расположенъ на берегу моря, въ 50 вер. отъ Мангаліи, въ 35 отъ Базарджика и лишь въ 25 отъ Варны. Мангалія находится въ 35 вер. отъ Кюстенджи, а этотъ послѣдній въ 75 отъ Баба-Дага, который отъ Измаила лежитъ въ 50 верстахъ; слѣдовательно, отъ Измаила до Коварны 210 верстъ и до Варны 235 верстъ.

Весь походъ Маркова можно назвать очень смѣлымъ, такъ какъ ему приходилось двигаться мимо Базарджика, гдѣ былъ очень сильный гарнизонъ.

Въ Коварнѣ нашли 3 пушки; тамъ же Марковъ собралъ до 3.000 болгаръ, которыхъ и отправилъ на лѣвый берегъ Дуная.

Багратіонъ поручилъ заботу обо всѣхъ этихъ несчастныхъ, а также и сборъ ржи въ Болгаріи, одному греку, по имени Каруелли, надворному совѣтнику, служившему чиновникомъ по иностраннымъ дѣламъ. Онъ былъ человѣкъ слабый и большой интересантъ; предполагалось, что онъ замѣнитъ Радофинаки въ Сербіи, но затѣмъ, назначеніе туда уполномоченнаго министра было отмѣнено и тамъ, по-прежнему, оставили только повѣреннаго по дѣламъ г. Педова.

Каруелли остановился въ Руццумѣ и дѣйствительно тамъ собралъ много ржи, которую и отправилъ въ Галацъ, куда, затѣмъ, пріѣхалъ и самъ. Рожь эта, назначенная для наполненія нашихъ магазиновъ, наполнила лишь карманы Каруелли, его агентовъ и, какъ говорятъ, Безака, который дѣйствовалъ съ ними заодно. Однако объ его грабежѣ было доложено Багратіону, который принужденъ былъ назначить слѣдствіе и поручилъ его ген. Денисьеву, очень честному человѣку, храброму и блестящему офицеру, но слабому и скромному, когда не имѣлъ дѣла съ врагами. Онъ вскорѣ открылъ плутовство этихъ господъ, но, узнавъ, что Безакъ замѣшанъ въ эту исторію (а тогда этотъ сербъ имѣлъ большую власть), Денисьевъ нашелъ все правильнымъ, и одно государство (какъ всегда) было наказано за свою довѣрчивость.

8 сентября Багратіонъ двинулся на Силистрію, 9-го дошелъ до Дербентскаго моста, а 10-го онъ произвелъ, въ 5 вер. отъ Силистріи, рекогносцировку.

Въ тотъ же день, нѣсколько казаковъ Иловайскаго полка, бросились въ Дунай и на глазахъ всей арміи переплыли рукавъ, достигли одного острова, близъ Силистріи, и взобрались туда, не смотря на огонь засѣвшихъ тамъ для защиты острова, турокъ.

Казаки почти всѣхъ ихъ перебили, и только нѣсколько спаслись бѣгствомъ въ большихъ лодкахъ. Этотъ удивительный подвигъ ка-

заковъ доказываетъ, какую пользу приноситъ войско единственной націи, обладающей имъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую же кавалерію можно было заставить переплыть такимъ образомъ широкую и быструю рѣку?

11-го сентября казаки Платова вытѣснили турокъ съ горъ, изъ садовъ и виноградниковъ, окружающихъ Силистрію. Назначенный имъ въ помощь 7 Егерскій полкъ подоспѣлъ лишь къ концу, когда, послѣ долгаго сопротивленія, кн. Трубецкой, полк. Лаптевъ, флигель-адъютантъ капитанъ Паскевичъ и кн. Мадатовъ, находящійся при Платовѣ, преслѣдовали турокъ съ горы на гору, изъ одного лѣса въ другой, вплоть до стѣнъ города. При преслѣдованіи мы потеряли 2-хъ офицеровъ и 80 солдатъ.

Силистрію защищалъ бѣжавшій изъ Россеватъ Емикъ-Оглы, который, оправившись отъ страха, собралъ въ Силистрію всѣхъ вооруженныхъ жителей изъ сосѣднихъ деревень, принадлежавшихъ ему, также какъ и городъ; изъ нихъ онъ составилъ многочисленный гарнизонъ крѣпости. Такимъ образомъ, количество образовавшихся защитниковъ города и размѣры крѣпостныхъ укрѣпленій не позволили Багратіону ни окружить Силистрію, ни блокировать ее. Кромѣ того, Силистрія могла получать помощь изъ Рущука черезъ Дунай и сушей черезъ Туртукай.

Я дамъ описаніе Силистріи, когда опишу осаду ея, производившуюся подъ моимъ начальствомъ, въ 1810 году.

Разъ мы не воспользовались обаяніемъ побѣды подъ Россеватомъ и, подъ вліяніемъ паники, охватившей турокъ, не захватили тогда же Силистріи, которая должна была сдаться побѣдителю, теперь, когда мы подошли къ стѣнамъ города, стало ясно, что мы не въ состояніи его взять и, если, несмотря на это, мы все-таки упорствовали въ непремѣнномъ желаніи одолѣть невозможное, то потерпѣли бы полную неудачу, подобно гр. Румянцеву въ 1773 году.

Но напрасно Багратіонъ заблуждался въ совершенной безнадежности задуманнаго имъ предпріятія, онъ могъ бы дѣйствовать обсерваціоннымъ корпусомъ, въ 5—6 тысячъ человѣкъ; конечно, Емикъ-Оглы не вышелъ бы атаковать этотъ корпусъ, такъ какъ у него было слишкомъ мало войскъ, а вооруженные жители годны только для защиты своихъ жилищъ и никогда не выходятъ изъ города. Во-вторыхъ, соединившись съ Марковымъ и имѣя 14.000 чел., онъ могъ бы двинуться къ Шумлѣ или занять дефиле Татарицы и засѣсть на дорогѣ въ Туртукай, отрѣзавъ, такимъ образомъ, сообщеніе съ Силистріей, и тогда могъ бы взять ее вслѣдствіе недостатка продовольствія, котораго едва хватило бы на 2 мѣсяца.

Не имѣя возможности окружить Силистрію, Багратіонъ располо-

жилъ лагеремъ корпусъ Милорадовича въ первой линіи, по Гирсовской дорогѣ, въ 5 вер. отъ мѣстечка, на возвышенности, передъ лѣсомъ, окружающимъ ее. Въ лѣсу выстроили 3 редута, изъ которыхъ: одинъ на берегу Дуная, для усиленія аванпостовъ и для предупрежденія всякихъ неожиданностей. Въ 2-хъ верстахъ отъ первой линіи, на возвышенностяхъ, была расположена 2-я линія, гдѣ стала вся пѣхота Платова и главная квартира Багратіона. Платовъ съ его кавалеріей со всѣми казаками занялъ Калопетри, по дорогѣ въ Разградъ, въ 5 вер. отъ Силистріи, и отдѣлилъ отъ себя отряды до Туртукая. Флотилія Центитовича подошла къ городу и заняла островъ Капарачъ.

Дежурный генералъ Тучковъ заболѣлъ. Багратіонъ, очень довольный возможностью отъ него отдѣлаться, назначилъ на его мѣсто генер. Булатова, въ лицѣ котораго, если онъ ничего и не выигралъ въ нравственномъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ нашелъ въ немъ человѣка болѣе дѣятельнаго и годнаго къ службѣ, которой онъ отдавалъ по 20 часовъ въ сутки.

Раньше чѣмъ продолжать слѣдить за операціями кн. Багратіона, я долженъ описать операціи Засса, Войнова и гр. Каменскаго у Баба-Дага и Измаила и мои въ большой Валахіи.

Когда кн. Багратіонъ двинулся на Мачинъ и Гирсово, онъ оставилъ ген. Засса въ Тульчѣ, а когда Зассу поручили осаду Измаила, что̀ было предметомъ его давнишнихъ желаній и результатомъ дружбы его съ Безакомъ, онъ назначилъ гр. Каменскаго въ Тульчу и приказалъ ему срыть въ ней всѣ укрѣпленія, также какъ и въ Бага-Дагѣ; въ то же время, на него возлагалось наблюденіе за берегомъ Чернаго моря и за высадкой, если бы турки задумали произвести таковую.

Для этихъ операцій онъ назначилъ ему:

1 баталіонъ Охотскаго полка.;
1 „ Камчатскаго п.;
1 „ 11-го Егерскаго п.;
5 эскадроновъ Переяславскихъ драгунъ;
и 1 полкъ казаковъ.

16 и 17 іюня Измаильскіе турки, видя, что ихъ не атакуютъ, попробовали снова занять островъ Четаль, но они были отброшены войсками флотиліи, а 18-го числа Войновъ приказалъ выстроить три редута на правомъ флангѣ своей позиціи, на большомъ курганѣ, гдѣ, въ 1807 году, Мейндорфъ также выстроилъ редутъ.

Войновъ, не безъ основанія, надѣялся, что ему поручатъ осаду Измаила, но, обманувшись въ своихъ надеждахъ, вышелъ въ отставку, подъ предлогомъ болѣзни и, дѣйствительно, нѣсколько времени спус-

тя, серьезно заболѣлъ; скверное настроеніе усилило слабость, и онъ уѣхалъ въ Текучь и больше не участвовалъ въ этой кампаніи.

Зассъ снова перешелъ Дунай и принялъ командованіе Войновскимъ корпусомъ. Этотъ корпусъ былъ раздѣленъ на три отряда, подъ начальствомъ генераловъ: Балла—расположеннаго на правомъ флангѣ; Гампера—въ центрѣ и Назимова—на лѣвомъ флангѣ. Эти самыя позиціи занимали въ 1807 г. Мейндорфъ, Войновъ и Зассъ. Такъ какъ корпусъ былъ весьма слабаго состава, то Зассъ окружилъ всѣ три лагеря сильными ретраншаментами, что было его, весьма хорошимъ, обычаемъ въ войнѣ съ турками.

Онъ оставилъ на островѣ Четаль 2 баталіона Охотскаго полка для устройства связи между двумя флотиліями, блокировавшими городъ съ востока и запада, и приказалъ проложить дорогу изъ фашинъ и тростника черезъ весь островъ. Дорога эта была очень скоро устроена капитаномъ главнаго штаба Мишо [1]).

Кромѣ того, Зассъ приказалъ выстроить 2 редута, для прикрытія обѣихъ флотилій.

26 іюля турки сдѣлали серьезную вылазку противъ нашего лѣваго фланга, но были отбиты капитаномъ 11-го Егерскаго полка Пригара. Въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ того же полка полковникъ Лангеръ. Затѣмъ, Зассъ приказалъ открыть траншейныя работы и выстроить передъ центральнымъ отрядомъ батареи. За этими работами наблюдалъ капитанъ Мишо, и велись онѣ очень усердно. Онъ бы не проявлялъ такой поспѣшности, если бы не былъ увѣренъ, что гарнизонъ слабъ и уже нуждается въ продовольствіи, благодаря чему вскорѣ долженъ сдаться. По открытіи бомбардировки съ нашихъ батарей, обѣ флотиліи также приняли въ этомъ участіе.

6-го августа визирь Челибей-Мустафа прислалъ парламентера, но Зассъ потребовалъ, чтобы онъ самъ явился для личныхъ объясненій, но Челибей отказался исполнить это требованіе, и переговоры остановились. Тогда Зассъ вытребовалъ изъ Бырлата 12 осадныхъ орудій и 10-го числа выстроилъ батарею въ 150 туазовъ по фронту. Турки, не имѣя возможности разрушить ее своимъ огнемъ, рѣшили произвести атаку отрядомъ въ 1.500 чел. Командовавшій батареей, маіоръ 11-го Егерскаго полка Васильевъ защищался съ отвагой. Зассъ подкрѣпилъ его, и турки были отбиты съ потерями. Дѣло было живое и продолжительное.

Батарея наша была слишкомъ выдвинута, изолирована и не

---

[1]) 1827 г. Теперь графъ, генералъ-лейтенантъ и дежурный генералъ штаба Государя; превосходный офицеръ. См. журналъ 1812 г. — чѣмъ ему обязана Россія.

имѣла поддержки. Выше я объяснялъ причины, побудившія Мишо рискнуть такъ приблизиться, но все же и съ турками слѣдовало быть осторожнѣе, а при осадѣ надо, чтобы траншеи упирались въ редуты, прикрывающіе ихъ. Конечно, Мишо былъ не правъ, но въ этомъ случаѣ обстоятельства благопріятствовали. Батарея была окончена 11 августа, а 12-го огнемъ съ нея въ городѣ былъ взорванъ пороховой погребъ и сожженъ складъ сѣна, находившійся близъ вала, вслѣдствіе чего турецкія лошади лишились корма. Эти обстоятельства ускорили капитуляцію, которая и была подписана 13-го, а 14-го Зассъ уже занялъ два бастіона и ворота города. Мы взяли въ Измаилѣ 221 пушку, 9 вооруженныхъ пушками судовъ флотиліи, много военныхъ припасовъ и 21 знамя. Въ городѣ было 4.500 солдатъ и 2.700 вооруженныхъ жителей, всего 7.200 чел., а Зассъ не имѣлъ и 6.000 чел.; потерялъ же онъ во время осады не больше 100 чел., но за то онъ вернулъ всѣхъ русскихъ дезертировъ.

Турецкія войска и жители, получивъ разрѣшеніе выйти изъ крѣпости, куда пожелаютъ, нагрузивъ повозки вещами и больными, ушли изъ крѣпости. Челибей, прибывъ въ Константинополь, былъ сосланъ на острова архипелага и былъ счастливъ, что отдѣлался такимъ образомъ. Ссылка—это лучшая участь, которую можетъ ожидать визирь въ немилости.

Если бы мы выждали нѣсколько дней, то гарнизонъ принужденъ былъ сдаться военно-плѣнными, но Зассъ хотѣлъ выиграть время, однако, какъ мы увидимъ, послѣ осады онъ потерялъ его слишкомъ много.

Жители христіане и нѣкоторые изъ турокъ остались въ городѣ, а другіе ушли частію въ Бухарестъ или въ Браиловъ. Теперь неопасно было увеличивать гарнизонъ этого послѣдняго, такъ какъ чѣмъ больше соберется тамъ людей, тѣмъ скорѣе истощатся тамъ запасы продовольствія.

Вслѣдъ затѣмъ, Попандопуло получилъ приказаніе приблизиться съ своей флотиліей къ Браилову, а Зассу приказано, какъ только Измаилъ будетъ взятъ, двинуться въ Болгарію и догнать главныя силы арміи. Измаилъ сдался 14 августа, значитъ, числа 16 Зассъ долженъ былъ, во исполненіе приказа, выступить и, по разсчету, догнать армію 30 числа; а засимъ, по предположенію, двинуться на Кюстенджи, что измѣнило бы направленіе операцій. Но, будучи задержанъ трудностями отправки турокъ (что онъ могъ бы поручить другому), а главное—своими личными интересами, которые онъ ставилъ выше всего и, наконецъ, серьезно заболѣвъ, онъ выступилъ только 30 августа.

Въ Измаилѣ оставлено было только 4 очень слабыхъ баталіона.

Въ Мачинѣ и Кучефанѣ былъ оставленъ съ Алексопольскимъ полкомъ полковникъ Абдулинъ, нерѣшительный и весьма ограниченный офицеръ. Онъ задумалъ взять нѣсколько укрѣпленій Браиловскаго раіона, находившихся на одномъ изъ острововъ Дуная, но турки были тамъ очень сильны, чего Абдулинъ и не предполагалъ. Они отбили его нападеніе, и онъ потерялъ 40 чел. убитыхъ. Несмотря на это, Абдулинъ написалъ великолѣпную реляцію и представилъ это дѣло, въ самыхъ яркихъ краскахъ, какъ побѣду, прося себѣ орденъ св. Георгія. Зассъ, болѣе тонкій, не поддался на его краснорѣчіе и приказалъ разслѣдовать дѣло. Конечно, слѣдствіе открыло бы правду, и Абдулинъ не избѣжалъ бы суда, но смерть избавила его отъ позора. Онъ умеръ отъ болѣзни, горя и страха.

Между тѣмъ, гр. Сергѣй Каменскій, разрушивъ Исакчу, Тульчу и Баба-Дагъ, получилъ приказаніе двинуться на Кюстенджи, но вѣчно трусливый и видѣвшій вездѣ, на Черномъ морѣ, турецкіе флоты, дѣлавшіе высадки въ тылу у него, постоянно просилъ помощи и такъ надоѣлъ Багратіону своими скучными опасеніями, что тотъ отвѣтилъ ему, что турки имѣли всего 17 судовъ, которыя не могли вмѣстить въ себѣ болѣе 1.500 чел. и что онъ легко могъ ихъ побѣдить. Графъ Каменскій, наконецъ, подошелъ къ Кюстенджи и докончилъ разрушеніе ея, также какъ и Мангаліи. Эта флотилія, въ 17 судовъ, дѣйствительно появлялась вездѣ, но, войска ея нигдѣ не высаживались, такъ какъ начальникъ флота видѣлъ казаковъ на всемъ побережьѣ Чернаго моря и считалъ ихъ гораздо болѣе сильными, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, онъ легко могъ взять обратно Кюстенджи и Мангалію, гдѣ мы оставили очень слабые отряды, совершенно недостаточные для защиты этихъ городовъ.

Администрація и порядки управленія Валахіей.

Я пріѣхалъ въ Бухарестъ 24 іюля и не скрывалъ отъ себя ни непріятностей, ни опасностей, которыя меня ожидали и мнѣ угрожали, но я твердо рѣшилъ не поддаваться никакимъ страхамъ и вліяніямъ другихъ. Я заставилъ себя никогда не уклоняться отъ своихъ принциповъ и исполнять планы, выработанные мною для блага службы съ твердостью и безъ всякихъ частныхъ соображеній, но для этого я былъ вынужденъ сначала быть очень осторожнымъ и даже скрытнымъ.

Чтобы облегчить читателямъ трудъ отыскивать во всѣхъ журналахъ моихъ кампаній противъ турокъ описаніе Валахіи, ея жи-

телей и администрацію, я считалъ необходимымъ повторить частью то, о чемъ я уже говорилъ. Я хочу разсказать теченіе тѣхъ событій, которыя произошли до моего пріѣзда, и описать различныя интриги, театромъ которыхъ былъ Бухарестъ.

Моя Валахская кампанія была, конечно, одна изъ особенно интересныхъ и счастливыхъ во время этой войны, и я не долженъ ничего пропустить, чтобы описать опасности, которыхъ я избѣжалъ, и препятствія, которыя я имѣлъ счастіе побѣждать, рискуя даже наскучить читателямъ нѣкоторыми повтореніями.

Когда я говорилъ вообще объ управленіи двумя провинціями и о нравахъ и обычаяхъ ихъ жителей, меня нельзя упрекнуть въ пристрастіи описать ихъ только съ хорошей стороны или въ слишкомъ сильной снисходительности, но я скажу еще разъ, что, по сравненію съ Валахіей, управленіе Молдавіей было моделью правильности и порядка.

Ни одно описаніе не можетъ приблизиться къ дѣйствительности, когда говоримъ о служащихъ въ Валахіи; ихъ ужасная безнравственность и даже злодѣйство были страшны для человѣчества. Слова: порядокъ, судъ, честность, честь—совершенно забыты въ Валахіи, тамъ подкупаютъ всѣхъ служащихъ, т. е. платятъ за право совершать безнаказанно всѣ преступленія. Каждое мѣсто, въ короткій срокъ, даетъ большое богатство тому, кто прослужитъ годъ; затѣмъ, онъ долженъ уступить свое мѣсто другому (такъ какъ это одно изъ злоупотребленій въ этомъ чудовищномъ правленіи, что ни одинъ служащій не долженъ оставаться болѣе года на одномъ и томъ же мѣстѣ). Затѣмъ, онъ пріѣзжаетъ въ Бухарестъ и предается роскоши, на столько не обузданной, на сколько дурного тона; проживаетъ плоды своего грабежа и послѣ двухлѣтняго бездѣйствія, снова покупаетъ себѣ мѣсто, на которомъ разбогатѣвъ, возвращается въ столицу проживать накопленное. Такова была порочная жизнь валахскихъ бояръ.

Расхищеніе казны, воровство, жестокость чиновниковъ не только не скрываются, но даже поощряются подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Вліяніе денегъ въ перекупкѣ зерна составляетъ только не большой доходъ, предоставляемый лицамъ второстепеннымъ. Есть еще множество другихъ, болѣе доходныхъ, статей наживы, которыя также никогда не забываются.

Страна раздѣлена на уѣзды, и каждый уѣздъ управляется администраторомъ, котораго называютъ, какъ въ Россіи, исправникомъ. Мѣста эти имѣютъ таксу, болѣе или менѣе, высокую, смотря, сколько онѣ могутъ принести боярамъ, въ свою очередь платящимъ дань членамъ Дивана. Исправники—настоящіе деспоты

въ своемъ уѣздѣ, нисколько не страшились ни слѣдствій, которыхъ всегда умѣли избѣжать, ни наказаній, никогда не совершавшихся надъ ними, благодаря взяточничеству начальства. Они открыто, безъ всякаго опасенія брали у крестьянъ зерно, скотъ, деньги и проч. Каждая семья должна платить Дивану извѣстную сумму; исправникъ удваиваетъ, утраиваетъ, или удесятиряетъ ее по собственному усмотрѣнію и, конечно, безъ всякаго приказа или закона и дѣлится этими деньгами съ членами Дивана. Если же крестьянинъ осмѣлится отказать въ этихъ ужасныхъ вымогательствахъ или пожаловаться, то его сажаютъ въ тюрьму, бьютъ, тиранятъ всевозможными мученіями, которыхъ онъ часто не выноситъ и умираетъ, или, на глазахъ несчастнаго, пытаютъ его жену и дѣтей [1]). Я уже говорилъ о жестокости этихъ палачей.

Мѣсто исправника даетъ minimum 7—8 тысячъ дукатовъ въ годъ. Начальникъ полиціи называетъ себя ага—это покровитель воровъ и хранитель ихъ кражъ, честныя дѣла котораго даютъ отъ 15—20 тысячъ дукатовъ въ годъ.

Спатаръ содержалъ милицію, для преслѣдованія и задержанія разбойниковъ въ лѣсахъ и по дорогамъ, послѣдніе же воровали, казнили и часто дѣлили добычу съ Спатаромъ. Въ доброе старое время, его доходы насчитывали до 15.000 дукатовъ. Судьи (или логофеты) столько же граждане, сколько и преступники, затѣвали тяжбы и обвиняли въ преступленіи людей, которыхъ имѣли въ виду ограбить. Наконецъ, Диванъ—состоящій изъ главнаго казначея, который былъ первымъ членомъ, и трехъ или четырехъ совѣтниковъ, получалъ публично жалованье отъ каждаго чиновника и, такимъ образомъ, казначей пріумножалъ свое состояніе небольшимъ доходомъ въ 30—40 тысячъ дукатовъ. Разумѣется, на это мѣсто всегда находилось много желающихъ.

Занявъ Молдавію и Валахію, нашъ Дворъ совершилъ непростительную ошибку, имѣвшую гибельные результаты; эта ошибка заключалась въ томъ, что мы оставили имъ ихъ привилегіи, ихъ ужасную администрацію и не ввели (какъ сдѣлали австрійцы въ 1788 г.) временное правленіе. Конечно, я не претендую на защиту нравственности всѣхъ администраторовъ, которыхъ бы мы назначили туда, и въ Россіи есть также много злоупотребленій и хищеній казны, но то, что могла сдѣлать русская администрація, не

[1]) Это случалось ежедневно. Многіе изъ моихъ читателей могутъ усомниться въ истинѣ подобныхъ жестокостей, но кто знаетъ азіатскіе и боярскіе нравы, тотъ повѣритъ этому.

имѣло сравненія съ тѣмъ, что дѣлали бояре, которымъ, по какой-то изумительной небрежности, поручили дѣла.

При княженіи тамъ нѣкоторыхъ князей, злоупотребленій было меньше, а если и были, то во всякомъ случаѣ болѣе обузданныя, чѣмъ со времени занятія княжествъ русскими. Князья, имѣвшіе право на жизнь и смерть своего народа, были очень заинтересованы не допускать ни разрушенія страны, ни эмиграціи ея жителей, часто повторяющихся въ Трансильваніи и въ Болгаріи. Когда ужъ очень сильно начинали притѣснять народъ и вынуждали эмиграцію, тогда князья удерживали своихъ чиновниковъ отъ чрезмѣрныхъ вымогательствъ, но при русскихъ, у которыхъ правленіе было всегда очень снисходительное, бояре не знали удержу и, къ несчастію, встрѣтивъ среди людей, окружающихъ генераловъ и даже самихъ нѣкоторыхъ генераловъ, у коихъ можно было купить протекцію или которые были непростительно слѣпы, они безъ всякой осторожности предавались безнравственности и растлѣнію нравовъ.

Быть можетъ, покажется, что я ужъ очень строгъ къ этимъ боярамъ, но я справедливъ и говорю правду; хотя я долженъ сказать, что, зная суть дѣла, мои упреки къ ихъ моральной сторонѣ, конечно, не могутъ относиться ко всѣмъ безъ исключенія. Говорю я такъ потому, что имѣю на то право.

Я зналъ среди нихъ людей очень уважаемыхъ, деликатныхъ и честныхъ, правда, въ очень маломъ числѣ, но достаточно, чтобы спасти Ниневію. Я обвиню скорѣе продажное, угнетающее и варварское правительство, при которомъ стонали обѣ провинціи—Молдавія и Валахія, чѣмъ жителей, которыхъ называли безнравственными. Бояре, быть можетъ, скорѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ обвиненія. При другомъ правленіи, а не при безразсудномъ, отвратительномъ деспотизмѣ турокъ, они навѣрное были бы другими, такъ какъ, въ общемъ, между ними есть и не глупые, способные къ дѣлу, добрые, нѣжные и даже очень скромные. Ихъ паденіе можно приписать ужасу къ турецкой саблѣ, которая постоянно висѣла надъ ихъ головой. Имѣй они другіе примѣры передъ глазами, бо́льшую образованность и цивилизацію, они бы сдѣлались вскорѣ тѣмъ, чѣмъ дѣлались другія націи, но до тѣхъ поръ, пока они будутъ въ рабствѣ у невѣжественной, чудовищной, фанатичной націи, они останутся всегда тѣмъ, чѣмъ есть [1]).

[1]) 1829 г.—Въ 1828 г., когда я пріѣхалъ командовать корпусомъ въ Валахіи, то замѣтилъ значительныя перемѣны въ нравственности бояръ и прогрессъ въ образованіи, которое многіе получили въ Германіи и Франціи

Ко всему сказанному добавлю, что въ Бухарестѣ имѣлось нѣсколько партій; каждый бояринъ дѣлался врагомъ всѣхъ остальныхъ, лишь только онъ достигалъ какого-либо мѣста, и тогда всѣ возставали противъ него. Между ними не существовало ни родственной связи, ни узъ дружбы, да и могло ли быть это чувство въ сердцахъ развратниковъ!

Я уже говорилъ, что русская партія была самая слабая, или скорѣе ничтожная, она состояла изъ бояръ менѣе алчныхъ и испорченныхъ, которые, по крайней мѣрѣ, не имѣли пороковъ, доходившихъ до холодной жестокости. Во главѣ этой партіи былъ Варламъ, служившій въ русскихъ войскахъ въ войну 1769 года и бывшій приверженцемъ русскихъ, потому что, во 1-хъ, это было въ его интересахъ, во-вторыхъ,—пользуясь довѣріемъ князя Ипсиланти и не смотря на грозившія ему опасности, онъ приготовилъ безъ особаго труда магазины для русскихъ, даже въ то время, когда турки были еще въ Бухарестѣ. Такое отношеніе его къ русскимъ тѣмъ болѣе важно, что, будучи посвященъ въ секретъ нашего наступленія, онъ не могъ разсчитывать на какое-либо снисхожденіе со стороны турокъ, зная хорошо, что ихъ месть такъ же ужасна, какъ и неумолима. Лучшія фамиліи въ Валахіи: Гика, Градистанъ, Бракованъ и бояринъ Ненчулеско, были согласны съ направленіемъ Варлама, въ тѣхъ же интересахъ и по тѣмъ же соображеніямъ. Но вся эта партія состояла лишь изъ 10—12 членовъ высшаго класса, всѣ же остальные греки или валахи были преданы или проданы туркамъ и ихъ главному адепту Филипеско.

Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что Константинъ Филипеско, происходя отъ самой старинной въ краѣ фамиліи, человѣкъ 50-ти лѣтъ, умный, дѣятельный, коварный, котораго я уже описалъ какъ самаго отчаяннаго негодяя всей Валахіи, стоитъ всего того, что я о немъ говорилъ. Связанный узами дружбы съ подобнымъ ему негодяемъ, Александромъ Суцо, и заслуживъ взаимное довѣріе, они приготовили и подписали листы, осуждавшіе на смерть Варлама, Гику и 20 другихъ бояръ.

и которое обѣщало еще большее улучшеніе. Я былъ окруженъ со стороны бояръ знаками привязанности и довѣрія и сохранилъ объ этомъ вѣчное воспоминаніе и благодарность. Я дѣйствительно привязался къ нимъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ, прожитыхъ мною въ Валахіи. Всего болѣе странно, что я испыталъ тогда, сравнивая съ тѣмъ, что было въ 1809 г., это та же семья Филипеско, которая относилась ко мнѣ съ особымъ расположеніемъ; Константинъ умеръ много лѣтъ назадъ, а его дѣти доказали, что они не унаслѣдовали отъ него его ненависти ко мнѣ.

Когда мы вошли въ Бухарестъ, Варламъ былъ во главѣ правленія, въ немъ соединялись должности великаго вестіара (президента Дивана) и каймакама—помощника князя Ипсиланти. Безъ сомнѣнія, русскіе ему были очень обязаны и не должны были забыть его услугъ, но, однако, вскорѣ случилось иное.

Намъ извѣстно, что Милорадовичъ первый занялъ Бухарестъ и считалъ его своимъ завоеваніемъ. Пожираемый амбиціей, ослѣпленный чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, не имѣющимъ основанія, гордый расположеніемъ къ нему великаго князя Константина и даже Государя, опьяненный своими первыми успѣхами и оказанной имъ услугой, спасшій два раза Бухарестъ, онъ считалъ себя самымъ блестящимъ, выдающимся генераломъ Молдавской арміи и не скрывалъ своихъ безумныхъ желаній сдѣлаться въ одинъ прекрасный день главнокомандующимъ.

Онъ завладѣлъ довѣріемъ Михельсона, человѣка склоннаго къ предубѣжденіямъ, и игралъ, благодаря ему, долгое время, первую роль въ нашей арміи. Очевидно, человѣкъ такого характера, не имѣющій ни малѣйшаго понятія ни объ администраціи, ни о политикѣ, а также не имѣвшій ни логики, ни толка въ идеяхъ и будучи неспособнымъ къ глубокому мышленію, былъ именно тѣмъ, чего было нужно Филипеско. А этотъ послѣдній съ своею коварною проницательностью, съ перваго же раза, какъ онъ его увидалъ, прекрасно понялъ его и не замедлилъ воспользоваться его недостатками. Я уже говорилъ, что онъ покровительствовалъ любви генерала къ своей дочери; онъ отдалъ ее ему на позоръ, получивъ за то его полное довѣріе. Онъ старался свергнуть Варлама и достигъ этого.

Михельсонъ, увлекаемый вліяніемъ, которое имѣлъ на него Милорадовичъ, относился благосклонно къ Филипеско, и всѣ окружающіе главнокомандовавшаго были куплены этимъ сквернымъ валахомъ. Варламъ, не смотря на его заботы и преданность, былъ смѣщенъ, изгнанъ и преслѣдуемъ, а Филипеско былъ назначенъ великимъ вестіаромъ, имѣя теперь возможность раздавать другія назначенія своимъ клевретамъ. Вскорѣ Валахія была разграблена съ такою алчностью, примѣра которой исторія страны не могла болѣе представить. Треть жителей эмигрировала, столь богатая и плодородная страна, имѣвшая возможность содержать три такихъ арміи, какъ наша, оказалась не въ состояніи прокормить одинъ слабый корпусъ [1]). Наконецъ, заговоръ, составленный Фанаріатомъ Суцо и

[1]) Чтобы судить о томъ злѣ, которое причинилъ Милорадовичъ странѣ и арміи, протежируя и поддерживая администрацію Филипеско, достаточно указать, что Молдавія и Валахія, при турецкомъ правительствѣ, снабжали

Филипеско, чтобы заставить русскихъ удалиться, вслѣдствіе недостатка продовольствія, былъ начатъ и продолжался съ преступной активностью.

Князь Ипсиланти, оклеветанный благодаря гоненіямъ Михельсона, осмѣянный и рекомендованный двору, какъ человѣкъ опасный, безпринципный и разоренный, принужденъ былъ покинуть Валахію. Родофинаки, его другъ, служившій при Михельсонѣ, былъ уволенъ и посланъ министромъ въ Сербію. Тогда Филипеско, не имѣя ни соперниковъ и никого выше себя, не встрѣчая на пути своемъ препятствій, сдѣлался открыто тираномъ ихъ родины и агентомъ турецкаго правительства. Послѣ смерти Михельсона, Милорадовичъ, на время замѣнившій его, и не думалъ (что̂ и надо было ожидать, зная его) измѣнить это гибельное положеніе вещей. Невѣроятно, что князь Прозоровскій, человѣкъ неподкупный, твердый, прекрасно видѣвшій и судившій вещи, страстный патріотъ, слишкомъ поздно раскрылъ глаза на опасности, грозившія арміи, и разрушенію страны. Будучи сначала ослѣпленнымъ Милорадовичемъ, окруженный людьми, которыхъ послѣдній сумѣлъ ему навязать, питая безграничное довѣріе къ г. Кушникову, своему бывшему адъютанту, потомъ сенатору, а затѣмъ назначенному президентомъ Дивана двухъ провинцій, и ослѣпленный Милорадовичемъ— его интимнѣйшимъ другомъ, послѣ Италіянской кампаніи, Прозоровскій, говорю я, былъ обманутъ Филипеско, не подозрѣвая того, и лишь очень поздно отнялъ отъ него управленіе Валахіей и удалилъ Милорадовича изъ Бухареста. Послѣдній такъ привыкъ считать себя начальникомъ провинціи, которую (какъ онъ говорилъ) онъ завоевалъ и приказывалъ называть себя „спасителемъ ея“ [1]), онъ не воображалъ никогда, что возможно было замѣнить

хлѣбомъ Константинополь въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ въ году и, кромѣ того, гарнизоны 15 крѣпостей. Манукъ-Бей, комендантъ Рущука (о немъ я уже говорилъ), находилъ средства вымогать еще въ Валахіи большое количество зерна, по умѣреннымъ цѣнамъ. Зерно это турки перепродавали въ Болгарію, но въ 4 раза дороже; все это нисколько не истощало обѣ провинціи. Вдругъ, годъ спустя, по прибытіи русскихъ въ Бухарестъ и 6 мѣсяцевъ спустя послѣ назначенія администраціи Филипеско, страна не могла прокормить 25.000 чел. нашей арміи. Это невѣроятно!

[1]) Въ запискахъ объ Аустерлицкой кампаніи я описалъ скверную шутку, какую я сыгралъ съ Милорадовичемъ, немного спустя послѣ моего пріѣзда въ Бухарестъ, и эта шутка сдѣлала Милорадовича моимъ заклятымъ врагомъ. Извѣстно, что онъ приказалъ выгравировать свой портретъ съ надписью внизу: „Miloradovitch sauveur de Boukharest“. Это дало мнѣ мысль очень злую и, сознаюсь, очень неприличную. Среди всѣхъ талантовъ ген. Милорадовича, какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и въ гражданскомъ, нужно

его въ странѣ, гдѣ онъ царствовалъ деспотично. Войска были отданы во власть боярамъ; ихъ распри рѣшались всегда въ пользу послѣднихъ, и эти бояре, гордые и заносчивые въ благополучіи, низкіе и трусливые въ несчастіи, доходили до того, что не кланялись даже русскимъ генераламъ. Милорадовичъ сталъ ненавистенъ войскамъ, которыми командовалъ; генералы отдалялись отъ него; единственный, кто могъ противустоять ему—ген. Уланіусъ, вскорѣ умеръ, какъ говорятъ, отравленный Филипеско [1]).

Для войскъ не хватало дровъ; всюду госпитали, содержаніе которыхъ возложено было на страну, нуждались въ ремонтѣ и въ продовольствіи; ни одинъ магазинъ не имѣлъ запасовъ; если Диванъ и снабжалъ войска хлѣбомъ, то сквернаго качества и неправильнаго вѣса [2]); ни одна жалоба, ни одно представленіе не были приняты Милорадовичемъ, все отсылалось къ Филипеско и его агентамъ, среди которыхъ насчитывали много грековъ, пріѣхавшихъ изъ Константинополя, какъ лакеевъ валахскихъ князей. Не брезгая никакими низостями и взяточничествомъ, эти греки пріобрѣли себѣ большія состоянія, напр., Хаджи-Моска, Фака, Романе, Биліо, Стеціо-Маго и другіе негодяи, подобные имъ.

Филипеско имѣлъ 3 сыновей; одинъ изъ нихъ былъ женатъ на дочери Эмануала Больме, одной изъ лучшихъ фамилій Молдавіи, она хотя и воспитывалась въ Петербургѣ, но также не любила русскихъ.

указать на одинъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и которымъ гордился ужасно, хотя это совершенно не нужно для командованія арміей. Онъ могъ смѣло назваться изъ всѣхъ генералъ-аншефовъ лучшимъ танцоромъ; ученикъ знаменитаго Пика, онъ могъ танцовать въ театрѣ и особенно выдѣлывать труднѣйшія антраша. Въ Бухарестѣ, на балахъ, онъ приводилъ въ восторгъ всѣхъ валаховъ, весьма неповоротливыхъ, даже во время танцевъ. Очутившись, однажды, у него въ залѣ, гдѣ былъ его портретъ, я стеръ букву «v» и замѣнилъ ее буквой «t» и получилось „Sauteur de Boukharest“. Онъ долго не замѣчалъ этого.

[1]) Никто не могъ этого доказать, но никто въ арміи не сомнѣвался въ этомъ. Офицеры полка Уланіуса, бывшіе свидѣтелями его смерти, замѣтили симптомы яда. Уланіусъ перехватилъ корреспонденцію Филипеско съ турками, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ твердый съ сильнымъ характеромъ, то онъ могъ открыть много такого, что Филипеско скрывалъ. Когда же онъ заболѣлъ лихорадкой, его хирургъ далъ ему лекарство, составленное имъ самимъ, послѣ принятія котораго, Уланіусъ умеръ на другой день.

[2]) Русскіе солдаты обыкновенно сами дѣлаютъ хлѣбъ, получая муку. Я считаю это большимъ злоупотребленіемъ потому, что для этого принуждены отвлекать людей отъ строя. Но зато они дѣлаютъ экономію муки, изъ которой приготовляютъ квасъ—напитокъ русскихъ крестьянъ, очень здоровый и необходимый въ странѣ, гдѣ сырая вода смертельна.

Консулъ Франціи, маленькій Ду [1]), о которомъ я уже говорилъ, былъ смертельнымъ врагомъ русскихъ, шпіономъ турокъ и очень дѣятельнымъ агентомъ своего государства, сблизился съ этой женщиной.

Милорадовичъ, съумѣвшій истратить въ Бухарестѣ 250.000 рублей и оставить еще 60.000 руб. долгу [2]), не обѣдая у себя и трехъ дней въ теченіе трехъ лѣтъ, совершенно переселился къ Филипеско; онъ тамъ жилъ, тамъ ѣлъ, тамъ проводилъ цѣлые дни, занимался дѣлами и оттуда отдавалъ всѣ приказанія.

Филипеско все слышалъ, все зналъ и все передавалъ г. Ду. Если онъ не могъ открыто передавать туркамъ всѣ новости, столь для нихъ необходимыя, то таковыя пересылались г. Ду съ французскимъ курьеромъ, которые во все время войны ѣздили такимъ образомъ, не будучи ни разу ни останавливаемы, ни осматриваемы.

Въ зиму 1807—1808 г., когда Милорадовичъ уѣхалъ въ Петербургъ, въ командованіе войсками вступилъ старшій послѣ него генер.-маіоръ Бахметьевъ. Онъ былъ на столько же напуганъ, на сколько возмущенъ всѣмъ тѣмъ, что происходило въ Валахіи, и напрасно старался разрушить ту силу, которая его не боялась, имѣя вѣрную и могущественную поддержку. Однако, впослѣдствіи, ему удалось ее сломить.

Когда Милорадовичъ примчался изъ Петербурга, стало извѣстно, что Государь купилъ одно изъ его имѣній, въ десять разъ дороже его стоимости (великодушіе, въ данномъ случаѣ, не заслуженное). Милорадовичъ привезъ съ собой 200.000 руб., которые съумѣлъ истратить въ 6 мѣсяцевъ, и тотчасъ же освободилъ своихъ друзей въ Бухарестѣ отъ Бахметьева. Его пріѣздъ былъ тріумфомъ для всѣхъ.

Филипеско былъ увѣренъ, болѣе чѣмъ когда-либо, въ безнаказанности, а французы и турки получили свѣдѣнія обо всемъ, что имъ нужно было знать. Бахметьевъ молча удалился.

---

[1]) Очевидно, мы сдѣлали большую ошибку, оставивъ въ Яссахъ и Бухарестѣ консуловъ Франціи и Австріи. Они занимались шпіонствомъ и обманами, а мы были ихъ жертвами; въ продолженіе всей этой войны мы дѣлали ошибку за ошибкой, за которыя дорого расплачивались.

[2]) 1827 г. Въ 1826 г. я жилъ въ Парижѣ. Молодой Филипеско, внукъ великаго вестіара, пріѣхалъ навѣстить меня и посовѣтоваться о средствахъ получить долгъ въ 37.000 дукатовъ (приблизительно 44 тысячи руб.), которыя Милорадовичъ былъ долженъ его дѣду. Я посовѣтовалъ ему бросить это дѣло, такъ какъ Милорадовича уже не было въ живыхъ, и онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько милліоновъ долга. Наконецъ, эти 37.000 дукатовъ были украдены у Валахіи ея преторомъ, и потеря ихъ была только справедлива. Кромѣ этого долга и нѣсколькихъ мелкихъ, Милорадовичъ былъ долженъ одному купцу Балтареско, не получившему ни одного су.

Филипеско написалъ Императору письмо отъ имени всѣхъ бояръ Валахіи, умоляя его оставить имъ Милорадовича. Письмо было подписано 4—5 его интимными друзьями, къ которымъ прибавили 300 фальшивыхъ подписей, и напечатано во всѣхъ иностранныхъ газетахъ, разглашавшихъ о благодѣяніяхъ Милорадовича и о любви народа къ своему спасителю. Вся армія съ презрѣніемъ смотрѣла на эти самовольства, а вся Европа была занята именемъ Милорадовича, чего только и нужно было этому смѣшному и опасному фанфарону.

Такъ какъ президентъ Дивана обѣихъ провинцій имѣлъ резиденцію въ Яссахъ и не могъ слѣдить за дѣлами Валахіи, то князь Прозоровскій назначилъ туда вице-президента. Это была хорошая мысль, если бы выборъ его, по протекціи Кутузова, не палъ бы на генерала Энгельгардта, командира Ново-Ингерманландскаго полка. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50, хорошій и бравый офицеръ, но совершенно незнакомый съ администраціей, человѣкъ бѣдный и отецъ 8 чел. дѣтей, прижитыхъ имъ отъ жены одного солдата; онъ имѣлъ слабость жениться на ней, послѣ того, какъ 10 лѣтъ содержалъ ее. Все это заставило его принять это мѣсто и трепетать передъ Милорадовичемъ, который часто умѣлъ внушать этотъ трепетъ не только своимъ подчиненнымъ, но даже и начальникамъ.

Пріѣхавъ въ Бухарестъ, Энгельгардтъ началъ проводить, съ большою строгостью, принципы честности, что̀ совершенно не подходило къ валахамъ и не надолго испугало ихъ, такъ какъ г.г. Филипеско очень скоро нашли дорогу въ сердце ихъ вице-президента.

Противъ обычая и закона Филипеско продолжали занимать свои мѣста болѣе двухъ лѣтъ, изъ нихъ Константинъ, между тѣмъ,ересталъ быть великимъ вестіаромъ, но сохранилъ за собой всѣ прерогативы и доходы и даже продолжалъ всѣ дѣла, дѣйствуя отъ имени вестіара, замѣнившаго его. Пріемникомъ его былъ дряхлый старецъ Вакареско, честный, но слабый, человѣкъ ничтожный, изображавшій изъ себя манекена.

Митрополитъ Дозиха, старый пьяница и интересантъ, также продался Филипеско [1]).

Изъ всего этого видно, что Милорадовичъ не хотѣлъ и не вѣ-

[1]) Когда я пріѣхалъ въ Бухарестъ, этотъ митрополитъ назначилъ 4.000 священниковъ; все это были крестьяне, желавшіе избавиться отъ пошлинъ и барщины, и за 2—3 дуката получали санъ священника, не умѣя ни читать, ни писать. Я его упрекнулъ за эту безнравственность, но онъ пришелъ ко мнѣ пьяный и наговорилъ непріятностей, и я съ трудомъ удалилъ его. Черезъ нѣкоторое время онъ вскорѣ умеръ.

рилъ въ свое удаленіе изъ Валахіи, что администраторы этой провинціи были заинтересованы удержать его. Другой генералъ, который замѣнилъ бы Милорадовича и пожелавшій бы освѣтить эти мрачныя беззаконія, могъ ожидать отъ нихъ всего.

Между тѣмъ, Прозоровскій, несмотря на интриги Кушникова и Безака (еще трепетавшихъ передъ обаяніемъ Милорадовича), узрѣлъ наконецъ всѣ такъ долго продолжавшіеся ужасы и рѣшилъ назначить въ Бухарестъ генерала Эссена 1-го. Честный человѣкъ, врагъ всякихъ злоупотребленій и чрезвычайно твердаго характера, онъ былъ бы полезенъ для Валахіи, но онъ не захотѣлъ принять этой должности, и Прозоровскій предложилъ ее мнѣ.

Въ Галацѣ онъ очень подробно и съ выраженіемъ большого довѣрія говорилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи противъ Милорадовича, о необходимости смѣнить его и приказалъ мнѣ строго слѣдить за администраціей этой страны, но въ то же время (по какому-то странному противорѣчію), въ письменномъ приказѣ, онъ сдерживалъ мое усердіе и измѣнялъ свои словесныя приказанія. Мнѣ поручили только военную часть, запретивъ вмѣшиваться въ дѣла правленія, которыя я долженъ былъ предоставить сенатору Рущукову и вице-президенту Энгельгардту. Подобное противорѣчіе меня ужасно удивило, и только долгое время спустя я узналъ разрѣшеніе этой проблемы. Просто-на-просто Безакъ написалъ приказъ, совершенно противоположный тому, который Прозоровскій собственноручно составилъ, и подписался за него. Изъ страха или изъ-за интереса, онъ протежировалъ тогда Милорадовичу и узналъ въ немъ своего врага лишь только тогда, когда послѣдній имѣлъ ошибку плохо обращаться съ нимъ и выказывать ему сильное презрѣніе.

Недѣлю спустя, послѣ моего отъѣзда изъ Галаца, кн. Прозоровскій написалъ мнѣ, по-французски, по поводу нѣкоторыхъ опасеній, выраженныхъ Милорадовичемъ, о благонадежности Валахіи, секретное письмо, слѣдующаго содержанія:

„Вашему Превосходительству уже извѣстно, что всѣ мои распоряженія, съ достаточной предусмотрительностью, направлены къ тому, чтобы предотвратить всѣ покушенія непріятеля на безопасность занятія страны. Войска въ обѣихъ Валахіяхъ болѣе чѣмъ достаточно [1]), вслѣдствіе сего, опасенія и боязнь Манукъ-Бея совершенно не основательны. Я подозрѣваю, что они проистекаютъ изъ интригъ дома Филипеско, который, съ давнихъ поръ, мнѣ кажется

[1]) Князь Прозоровскій ошибался по этому поводу. Резервы, которыми я командовалъ тогда, имѣли массу баталіоновъ и эскадроновъ, но мало солдатъ подъ оружіемъ, такъ какъ лихорадка неимовѣрно истребляла ихъ, а мой раіонъ заключалъ въ себѣ 7.000 верстъ.

подозрительнымъ [1]), въ виду его связей съ противоположной стороной Дуная и особенно съ княземъ Александромъ Суццо. Ваше Превосходительство, конечно, знаете слабости генералъ-лейтенанта Милорадовича, и Филипеско, разумѣется, заинтересованъ поддерживать эти слабости, чтобы затѣмъ вымышлять опасности тамъ, гдѣ ихъ не существуетъ; распространять тревожные слухи въ странѣ и заставлять думать, что никто, кромѣ Милорадовича, не можетъ гарантировать благосостоянія и спокойствія Бухареста и его окрестностей. Въ общемъ, ихъ единственная цѣль—удержать его въ Валахіи и т. д. Галацъ, 27 іюля 1809 г., № 152".

Письмо это, написанное почтеннымъ старцемъ, доказываетъ, что, несмотря на свои 80 лѣтъ, онъ сохранилъ здравый разсудокъ, хорошо все видѣлъ и хорошо судилъ. Но почему не захватилъ онъ виновныхъ тотчасъ же? Я объясняю себѣ это только протекціей Безака, покрывавшаго ихъ.

Если я долго останавливаюсь на этихъ деталяхъ, часть которыхъ была мною описана раньше, то только потому, что я хотѣлъ дать точное понятіе о состояніи провинціи, куда я былъ призванъ командовать, и о трудностяхъ, превзошедшихъ мои ожиданія [2]).

---

[1]) Опредѣленіе «подозрительный» слабо; онъ могъ бы написать «изобличенный».

[2]) Я помѣщаю здѣсь записки M-r de S'Anlaire (о которомъ я говорилъ уже въ запискахъ 1806 г.), переданныя Безаку въ концѣ 1809 г. „Когда русская армія вошла въ эти провинціи, различныя партіи, принадлежавшія Портѣ, Фонару и Франціи, соединились и съ необыкновенною дѣятельностью употребили всѣ средства къ интригамъ, обманамъ и подкупамъ противъ русскихъ генераловъ. Они преуспѣли больше своихъ ожиданій. Старые приверженцы Россіи были угнетены, отстранены и сосланы, а толпа присоединилась къ торжествующей партіи, и Валахія стала управляться французскимъ консуломъ и Екатериной Больме, женой второго сына вестіара Филипеско, министра и явнаго главы антирусской партіи. Извѣстно, что тогда турки имѣли вѣрныя свѣдѣнія обо всѣхъ предположеніяхъ и движеніяхъ нашей арміи; извѣстно также, какіе бывали результаты въ иныхъ случаяхъ, особенно при атакѣ Журжева. Не слѣдуетъ забывать, что постоянной работой заговорщиковъ было разореніе и дезертирство Валахіи съ цѣлію лишить армію возможности основаться въ этой странѣ. Въ концѣ концовъ ослѣпленіе со стороны русскихъ покровителей своихъ враговъ было такъ велико, что командиръ Валахіей ген. Милорадовичъ получилъ изъ рукъ Екатерины Больме довѣреннаго секретаря Роберта, француза, извѣстнаго шпіона французскаго консула, весмотря на предостереженія, сдѣланныя ему нѣсколькими лицами и мной. Графъ Ланжеронъ, замѣнившій этого генерала, былъ возмущенъ состояніемъ дѣлъ, онъ понялъ всю опасность ихъ и отъ всей души и со всею энергіею принялся бороться съ ними и уничтожать ихъ. Князь Багратіонъ, извѣщенный имъ, въ концѣ кампаніи, сослалъ семейство Филипеско.

Но партія, въ которой Филипеско игралъ лишь роль манекена, осталась

Князь Прозоровскій назначилъ Милорадовичу перейти Дунай вмѣстѣ съ нимъ и приказалъ ему встрѣтить его въ Галацѣ со всѣмъ корпусомъ, прибывшимъ съ нимъ изъ Валахіи. Было бы проще оставить этотъ корпусъ на мѣстѣ, чѣмъ передвигать туда другія войска, а Милорадовичу дать корпусъ въ Саджатскомъ лагерѣ. Но Милорадовичъ со своимъ всегдашнимъ фанфаронствомъ, доходящимъ до смѣшнаго, убѣдилъ Прозоровскаго, что войска его корпуса обожаютъ его и состоятъ изъ непобѣдимыхъ солдатъ. На самомъ дѣлѣ было иначе, войска ненавидѣли его и, за исключеніемъ Бѣлорусскихъ гусаръ и 6-го Егерскаго полка, были худшіе въ арміи. Малороссійскій и Апшеронскій полки не пользовались хорошей репутаціей, да и не стоили лучшей. Я же лично былъ радъ отдѣлаться отъ этихъ полковъ, не привыкшихъ къ дисциплинѣ, и гдѣ офицеры служили плохо или вовсе не служили.

Пріѣхавъ въ Бухарестъ, я еще болѣе открылъ глаза кн. Прозоровскому на все, что тамъ дѣлалось, и, 5-го августа, за 4 дня до своей смерти, онъ написалъ кн. Багратіону приказъ, кончавшійся такъ:

„Прикажите выступать какъ можно скорѣе корпусу ген. Милорадовича; если же онъ самъ захочетъ остаться въ Бухарестѣ, то исполните его желаніе, и тогда корпусъ поручите генералъ-маіору гр. Цукато и прикажите ему прибыть сюда. Относительно семьи Филипеско, я уже приказалъ сенатору Кушникову отправить ее въ Яссы“.

Прозоровскій умеръ 9 августа, и этотъ приказъ не былъ исполненъ Кушниковымъ. Филипеско, имѣвшій хорошихъ шпіоновъ въ главной квартирѣ, узналъ о своемъ изгнаніи и употребилъ всю протекцію и средства, чтобы избѣжать его, что ему и удалось.

Князь Багратіонъ, будучи еще вновѣ въ странѣ и очень занятый военными дѣлами, отложилъ занятія внутренними дѣлами страны до другого времени.

Я былъ встрѣченъ въ Бухарестѣ Милорадовичемъ съ проявленіемъ большой дружбы, но я не поддался обману и отвѣтилъ ему тѣмъ же, что онъ, конечно, хорошо понялъ [1]).

вся цѣликомъ, крайне раздраженная, но обогащенная разореніемъ и грабежомъ провинціи; они нашли возможность снова занять прежнія мѣста. Послѣдній вестіаръ относился къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и употреблялъ такихъ подозрительныхъ людей, что Филипеско не смѣлъ вѣрить».

[1]) Я его прекрасно зналъ. Въ теченіе 6 лѣтъ онъ командовалъ Апшеронскимъ полкомъ, самымъ дурнымъ и плохо обученнымъ, сравнительно съ другими, бывшими подъ моимъ начальствомъ. Внутреннее состояніе полка было еще хуже внѣшняго. Милорадовичъ растратилъ всѣ суммы этого несчаст-

Я себя льстилъ надеждой, по крайней мѣрѣ, найти друга въ ген. Энгельгардтѣ, бывшаго, также какъ и у Милорадовича, въ моемъ распоряженіи; я ему всегда протежировалъ. Въ первый же день моего пріѣзда, я имѣлъ съ нимъ разговоръ, изъ котораго заключилъ, что я ошибся въ немъ, что онъ предался измѣнѣ, съ которой я боролся, что онъ сдѣлается моимъ врагомъ и, благодаря своему мѣсту, самымъ опаснымъ, какого я только могъ имѣть тогда. Между прочимъ, у него вырвалось, что Милорадовичъ сказалъ ему, что онъ можетъ быть моимъ другомъ, если только захочу имъ быть, но что я тотчасъ же потеряю его, если только трону Филипеско. Я спросилъ его: уполномоченъ ли онъ повторить этотъ намекъ, крайне необдуманный и, въ такомъ случаѣ, я попрошу его все это записать. Онъ страшно смутился и отвѣтилъ, что „нѣтъ". Тогда я далъ ему почувствовать все презрѣніе, которое онъ мнѣ внушалъ, и то ничтожное значеніе, которое я придаю угрозамъ его покровителя. Разговоръ окончился тѣмъ, что я ему посовѣтовалъ исполнять мои приказанія относительно продовольствія и отнюдь не препятствовать моимъ распоряженіямъ. Если же онъ не будетъ этого исполнять, то я сумѣю его наказать. Тонъ моего разговора, повидимому, его устрашилъ, такъ какъ онъ сдѣлался очень сговорчивымъ, и нѣкоторое время я не могъ пожаловаться на него.

Я нашелъ въ Бухарестѣ гражданскія и военныя дѣла въ такомъ безпорядкѣ, какого я не могъ себѣ и представить. Корпусъ Милорадовича, назначенный въ Галацъ, стоялъ лагеремъ, какъ и

наго полка, даже жалованье и артельныя деньги, считающіяся неприкосновенными въ нашей службѣ, растрата или хищеніе которыхъ ведетъ къ позору и исключенію со службы. Онъ былъ долженъ полку 20—30 тысячъ рублей, выплачиваемыя имъ только по частямъ. Тѣ солдаты, которые переходили въ другіе полки или уходили совсѣмъ со службы, получили все, что имъ полагалось, но деньги тѣхъ, которые умирали или были убиты (число ихъ было огромно), онъ оставилъ у себя. Въ концѣ концовъ, онъ заложилъ серебряныя трубы, полученныя полкомъ за сраженіе подъ Цорндорфомъ, да такъ и не выкупилъ ихъ.

Эти злоупотребленія, столь преступныя и всегда такъ строго наказуемыя въ Россіи, не ускользнули отъ меня. Я отдалъ во всемъ отчетъ великому князю Константину, подъ начальствомъ котораго мы тогда были, но великій князь, будучи другомъ и покровителемъ Милорадовича, неблагосклонно принялъ мой докладъ и пропустилъ все безнаказанно своему любимцу; тогда какъ тутъ же бѣдные капитаны были разжалованы въ солдаты за то, что завладѣли 50 руб. артельныхъ денегъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ вѣтренности и неосторожности Милорадовича, который былъ главною причиною потери сраженія подъ Аустерлицемъ и не скрылъ этого. Эссену было хорошо извѣстно мое мнѣніе о безнравственномъ поведеніи Милорадовича въ Валахіи, что сдѣлало насъ врагами.

въ предыдущіе годы, въ отвратительномъ пунктѣ - Корочени, въ 20 верстахъ отъ Бухареста. Всѣ генералы, полковники и даже офицеры этого корпуса, по примѣру своихъ начальниковъ, жили въ Бухарестѣ и въ полкахъ оставалось по 3 – 4 офицера [1]).

Въ корпусѣ не было ни магазиновъ, ни продуктовъ для сформированія магазина; 5.000 больныхъ въ Бухарестѣ, 3.000 — въ Краіово, мало докторовъ, отсутствіе медикаментовъ; деревни, расположенныя близъ Бухареста, разрушены и опустошены; въ ящикахъ — ни копейки денегъ [2]), ни суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе госпиталей. Однимъ словомъ, безпорядокъ и анархія были такъ велики, что я въ началѣ не надѣялся на возможность борьбы противъ такой массы препятствій и потерялъ вѣру хоть когда-нибудь возстановить какой-либо порядокъ.

Военное положеніе представляло еще больше опасностей. Въ обоихъ княжествахъ мы не обладали ни одной крѣпостью, мы не имѣли ни одного укрѣпленнаго лагеря. Дунай на обоихъ своихъ берегахъ имѣлъ турецкія крѣпости съ сильными гарнизонами и 5 изъ нихъ: Рущукъ, Видинъ, Силистрія, Никополь и Систово — имѣли, каждая, больше людей, чѣмъ было солдатъ въ обѣихъ моихъ провинціяхъ.

Браиловъ принадлежалъ еще туркамъ; они имѣли на правомъ берегу Дуная большіе и укрѣпленные города: Гирсово, Силистрію, Рущукъ, Систово, Никополь, Видинъ; крѣпости: Орсово, Прибря, Луинбаковская, Флорентинская, Кладово; на лѣвомъ берегу: Измаилъ, Браиловъ, Журжево; редуты: Зимницкій, Фламандскій; крѣпости: Турно и Ислава.

Изъ всѣхъ этихъ пунктовъ они могли производить разруши-

---

[1]) Въ Бухарестѣ жило 200 офицеровъ, которыхъ я никакъ не могъ выгнать. Удаляемые изъ одной двери, они входятъ въ другую и рапортуются больными.

[2]) У ген. Милародовича, дѣла о продовольствіи войскъ были не лучше его собственныхъ. Коммисіонера, взявшагося поставлять продукты его корпусу, звали Круликовскій; онъ ему разрѣшилъ дѣлать огромныя затраты, никогда не провѣрялъ его счетовъ, но завладѣвалъ иногда его кассой и бралъ огромныя суммы денегъ, безъ отдачи и, даже, безъ квитанцій. Круликовскій застрѣлился, оставивъ дефицитъ въ 50.000 дукатовъ. Милорадовичъ заплатилъ 7—8 тысячъ, взятыхъ у Филипеско, и никогда нельзя было провѣрить, долженъ ли онъ только эту сумму или больше; да онъ и самъ не зналъ. Но это щекотливое для Милорадовича дѣло тотчасъ же потушили. Диванъ заплатилъ остальную часть дефицита, но все же эта часть была въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ, несмотря на заботы новаго подрядчика, Кевенко, не воздержаннаго игрока, но очень аккуратнаго въ своемъ дѣлѣ. Я былъ очень доволенъ этимъ подрядчикомъ.

тельные набѣги въ страну, которую я долженъ былъ защищать. Надо было быть вездѣ сильнымъ, а я не могъ имъ быть нигдѣ. Извѣстно, что въ оборонительной войнѣ система разбросанности и малочисленности войскъ всегда бываетъ губительна. Я былъ нѣсколько спокоенъ за Измаилъ, Браиловъ, Силистрію и Гирсово, передъ которыми было достаточно силъ, но я долженъ былъ защищать мѣстность въ триста верстъ, онъ Аржиша до Орсово съ 8.000 человѣкъ.

Обѣ Валахіи очень гористы, покрыты лѣсами и изрѣзаны массою рѣкъ. Эта страна удобна для защиты противъ регулярныхъ армій, но выгодна также и для турокъ, надъ которыми наши войска могутъ имѣть перевѣсъ только на равнинахъ. Лѣса Валахіи кончаются не доходя лѣваго берега Дуная у Петрика, расположеннаго на болотѣ и на вымокшемъ лѣсу, который тянется отъ Дуная до Ольты; передъ Видиномъ, на протяженіи 15—20 верстъ, параллельно рѣки, страна открыта и удобна для дѣйствій кавалеріи. Окрестности Бухареста орошаются множествомъ рѣченокъ, текущихъ изъ Трансильванскихъ горъ, съ сѣверо-востока на юго-западъ; Ольта течетъ съ сѣвера на югъ и дѣлитъ Валахію пополамъ; рѣка эта очень широка и быстра во время таянія снѣга и сильныхъ дождей, такъ что зачастую трудно проходима. Въ малой Валахіи рѣка Жіа течетъ также съ сѣвера на югъ и довольно глубокая. Обѣ эти рѣки впадаютъ въ Дунай. Со стороны лѣваго берега Ольты текутъ большіе ручьи и р. Беде, впадающая также въ Дунай, а ближе къ Бухаресту рѣки: Кильнишь, Сабаръ, Домбровица (эта рѣка пересѣкаетъ городъ) соединяются всѣ въ Аржишѣ и впадаютъ въ Дунай, передъ Туртукаемъ. Всѣ эти рѣки легко проходимы и имѣютъ правые берега гораздо выше лѣвыхъ, что представляетъ большія выгоды тѣмъ, кто ихъ занимаетъ. Единственная порядочная оборонительная позиція на этихъ рѣкахъ—это Сіетешти, на Сабарѣ, въ 13 верстахъ отъ Бухареста, но она можетъ быть обойдена и, кромѣ того, она слишкомъ близка къ городу.

Позиція Капочени на столько отвратительна, что не хочется вѣрить, чтобы кн. Прозоровскій могъ согласиться на занятіе ее Милорадовичемъ для обороны. Выбралъ ее полковникъ Хоментовскій, его начальникъ штаба.

Деревня Капочени лежитъ на лѣвомъ, низкомъ, берегу Аржиша, правый же берегъ граничитъ возвышенностями и на одной изъ нихъ находится плато въ 2—3 версты длины и въ 1 версту ширины.

Вотъ на этомъ-то плато и былъ расположенъ корпусъ Милорадовича. Загнанныя къ рѣкѣ, войска наши имѣли въ тылу лишь

одинъ узенькій мостъ, а со всѣхъ сторонъ были окружены лѣсами, садами и дефилеями до такой степени, что непріятель могъ подойти на 500 шаг. совершенно незамѣченнымъ; тѣмъ болѣе что эта позиція могла быть обойдена у деревень: Койнисъ и Комана, расположенныхъ на возвышенностяхъ, близъ которыхъ, на Аржишѣ, былъ бродъ, а за нимъ дорога, идущая къ мосту Капочени, позади лагеря.

Аванпосты были выставлены впереди, на р. р. Аржишѣ, Кильницѣ, Ніелова, Негоешти, Будешти, Фестеше, Гастинаръ, Будени, Браништоръ, Колугарени и проч., они сообщались съ передовой цѣпью, которая прошла черезъ Фируова, Магура, Маврадинъ, Ульмени, Баніакъ и кончалась у Ольты, въ Крешести, гдѣ былъ маленькій отрядъ и редутъ.

Но Диванъ, которому было поручено заготовить сѣна на зиму, по небрежности или преднамѣренно распорядился выкосить долину, ближайшую къ Дунаю, гдѣ дѣйствительно травы было въ изобиліи, и заставилъ Милорадовича, для охраненія этого сѣна, приблизить посты и занять Уда на Ольтѣ, гдѣ полковникъ Турчаниновъ, командиръ Олонецкаго полка, построилъ редутъ. Если бы турки сдѣлали изъ Турно или изъ Зимницы серьезное нападеніе, что легко могло быть съ имѣющимися у нихъ силами въ Систовѣ и Никополѣ, имъ удалось бы, безъ особаго труда, отбросить наши аванпосты и завладѣть сѣномъ; что, быть можетъ, и входило въ разсчеты Филипеско, но его добрые друзья—мусульмане не сумѣли выполнить его плановъ.

Всѣ ввѣренныя мнѣ войска были посланы Милорадовичемъ на помощь Исаеву, который, послѣ несчастнаго штурма Кладовы, былъ въ ужаснѣйшемъ положеніи. Полки Нижегородскій и Пензенскій, прибывшіе въ Бухарестъ послѣ штурма Браилова, уменьшились вдвое противъ своего комплекта; Ново-Ингерманландскій и Старо-Оскольскій полки, прибывшіе изъ Саджатскаго лагеря, и одинъ баталіонъ Олонецкаго полка—были въ Малой Валахіи. Такимъ образомъ, если бы корпусъ Милорадовича выступилъ въ походъ, какъ этого желалъ Прозоровскій, то у меня осталось бы менѣе 2.000 чел., для защиты Бухареста и всей страны отъ Аржиша до Ольты. Кн. Прозоровскій думалъ, что Милорадовичъ нарочно послалъ эти полки въ Малую Валахію, чтобы имѣть предлогъ остаться въ Бухарестѣ. Его прежнее поведеніе хотя и могло дать поводъ къ такому подозрѣнію, но въ данномъ случаѣ было не вѣрно. Исаевъ дѣйствительно нуждался въ войскахъ, и Милорадовичъ долженъ былъ послать ему поддержку, такъ какъ онъ не могъ взять тѣ полки, которые назначены были двигаться въ Галацъ.

Саджатскій лагерь, близъ Бузео, былъ моимъ единственнымъ ресурсомъ, но этотъ лагерь уменьшался ежедневно для сформированія отрядовъ, которые, одинъ за другимъ, требовалъ Прозоровскій.

Недавно пріѣхавшій кн. Багратіонъ командовалъ тогда этимъ лагеремъ. Когда я получилъ въ Бухарестѣ извѣщеніе о его пріѣздѣ, я былъ оченъ доволенъ, но бывшій въ то время у меня Милорадовичъ не могъ скрыть своего смущенія и злобы. Кутузовъ уже уѣхалъ, и Милорадовичъ узналъ отъ своего друга Аракчеева, что онъ будетъ повышенъ при первой возможности. Прозоровскому оставалось жить не долго, и онъ льстилъ себя надеждой командовать арміей. Пріѣздъ Багратіона окончательно разстраивалъ его планы, тѣмъ болѣе, что онъ былъ старше, чѣмъ пріѣзжій Багратіонъ.

Свидѣвшись съ кн. Багратіономъ въ Узитшинахъ, въ 50 верстахъ отъ Бухареста, я ему разсказалъ о положеніи Валахіи и о томъ ужасномъ безпокойномъ состояніи, въ которомъ я находился. Согласившись со мной, Багратіонъ далъ мнѣ два прекрасныхъ полка: Ладожскій и Нашебургскій, вполнѣ укомплектованные, и эти 2.400 человѣкъ послужили ядромъ обороны.

Наступило уже время для сбора войскъ, а Милорадовичъ, несмотря на то, что его корпусъ уже выступилъ въ походъ, все еще сидѣлъ въ Бухарестѣ, чтобы провести еще нѣсколько дней съ М-lle Филипеско. Тогда я рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы съѣздить въ М. Валахію для осмотра аванпостовъ и ознакомленія со страной, которую поручено было мнѣ охранять.

Казачій генералъ Исаевъ командовалъ въ М. Валахіи уже три года; я уже о немъ говорилъ раньше, это былъ человѣкъ умный, дѣятельный, интеллигентный, хорошо командовавшій войсками, но крайне безнравственный и слишкомъ преданный своимъ личнымъ интересамъ. М. Валахія была золотое дно, которое онъ эксплоатировалъ въ свою пользу, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, какъ мы занимали обѣ провинціи. Я уже говорилъ, что никто и не предполагалъ о тѣхъ доходахъ, которые могла давать эта провинція, гдѣ одинъ провозъ товаровъ въ Зимницу и изъ Видина въ Трансильванію могъ приносить въ годъ болѣе 200 тысячъ дукатовъ, а соль вдвое больше, но ни Михельсонъ, ни Прозоровскій, ни Милорадовичъ, ни Кутузовъ, ни Энгельгардтъ — и не воображали собирать эти доходы для государственной казны; тогда даже не было основано таможни [1]). Всѣ товары проходили или контрабандой или за

[1]) Во время перемирія 1806—1808 г.г. купцы, боявшіеся подвергать опасности свои товары во время войны и не имѣя возможности рискнуть перевезти ихъ въ Сербію, скопили ихъ въ Болгаріи и лишь только объявили

дорого купленные билеты въ канцеляріи Милорадовича и Энгельгардта. Послѣдній самъ пользовался доходомъ съ нихъ, какъ и Исаевъ, но Милорадовичъ, также мало корыстный и не экономный въ своихъ разсчетахъ, какъ и на счетъ государства и не подозрѣвалъ даже, что окружающіе его публично продаютъ эти билеты по очень выгодной цѣнѣ.

Соль скупалась Манукъ-Беемъ и Хаджи-Моска, интимнымъ другомъ Энгельгардта и самымъ активнымъ измѣнникомъ, продавшимся туркамъ.

Казаки, пропуская товары, требовали извѣстнаго вознагражденія, и, такимъ образомъ, полковникъ Мелентьевъ пріобрѣлъ себѣ значительное состояніе; часто ловили контрабандистовъ, но все улаживалось посредствомъ денегъ, и всѣ были въ выйгрышѣ. Это было благословенное для негодяевъ время, и терялъ лишь одинъ Государь; впрочемъ, онъ долженъ былъ привыкнуть къ этому.

Купцы были тѣ же шпіоны турокъ и валаховъ и агенты Филипеско; проѣзжали они обыкновенно черезъ Зимницу и Систово, а другъ его, наблюдавшій за провозомъ товаровъ, грекъ Така, самой низкой пробы, пріѣхавшій 20 лѣтъ назадъ лакеемъ валахскаго господаря Мурузи, составилъ себѣ огромное состояніе и выстроилъ себѣ въ Бухарестѣ дворецъ, въ турецкомъ стилѣ, стоившій ему 20.000 дукатовъ.

Пріѣхавъ въ Краіово, я переговорилъ съ Исаевымъ относительно охраны страны, найденной мною далеко не обезпеченной, а силы его весьма слабыми. Только довѣріе къ его таланту и дѣятельности дали мнѣ надежду сохранить М. Валахію.

Въ Краіовѣ былъ тогда небольшой отрядъ, состоящій изъ трехъ баталіоновъ Нижегородскаго полка, двухъ—Ингерманландскаго полка, одного—Сибирскаго, одного—Малороссійскаго и 50 казаковъ. Эти 7 баталіоновъ съ ихъ артиллеріей имѣли всего 2.500 чел.

Желая осмотрѣть теченіе Дуная, я поѣхалъ съ Исаевымъ въ Чернецъ, въ 100 вер. отъ Краіова. Этотъ городъ, тогда разрушенный и сожженный, былъ раньше очень красивымъ, расположенъ въ 3-хъ верстахъ отъ Дуная, почти противъ Кладовы, онъ лежалъ около возвышенности, имѣвшей плато, очень удобное для боевой позиціи, гдѣ можно было поставить сильный редутъ. Я сдѣлалъ большую ошибку, не приказавъ выстроить его. Въ Чернецѣ былъ

перемиріе, они массами отправляли товары на наши границы. Устройство таможни въ М. Валахіи могло бы тогда приносить до 25 тысячъ дукатовъ въ мѣсяцъ, а таможня въ Зимницѣ 5—6 тысячъ. Но ни той, ни другой не было основано, что было величайшей небрежностью со стороны главнокомандующаго и администраторовъ обѣихъ провинцій.

штабъ Уральскаго казачьяго полка. Всѣ казаки и два баталіона Пензенскаго полка, въ составѣ 6 офицеровъ и 200 вооруженныхъ солдатъ, были разбросаны вдоль Дуная.

Этотъ слабый отрядъ наблюдалъ за гарнизонами Кладовы и Орсовы и конечно не могъ помѣшать набѣгу турокъ внутрь страны.

Я узналъ Кладову еще на берегу по ея батареѣ, выстроенной въ 1700 году австрійцами и исправленной, затѣмъ, нами, когда Исаевъ атаковалъ Кладову. Около нея находился Трояновъ мостъ, о которомъ я уже говорилъ. Вслѣдъ затѣмъ, я переѣхалъ Дунай, противъ Бирза-Паланки, и прибылъ въ сербскій лагерь. Онъ мнѣ не показался очень грознымъ; одѣтые, какъ албанцы, они, также какъ и тѣ, не имѣютъ ни порядка, ни дисциплины. Начальникъ лагеря, одинъ изъ князей страны, по имени Мише, сообщилъ мнѣ печальныя новости, что сербы были разбиты между Ниссей и Делиградомъ. Этотъ Гибралтаръ Сербіи, выстроенный на Моравѣ, былъ блокированъ турками и въ моментъ взятія, если бы Делиградъ сдался, говорилъ мнѣ Мише (а онъ не имѣлъ достаточно продовольствія, чтобы долго держаться), сербамъ не оставалось никакой надежды, и что всѣ жители, какъ вооруженные, такъ и не вооруженные, должны были спасаться въ Венгрію или въ Банію, что́ и сдѣлали многія семьи, и онъ принужденъ былъ покинуть Бирзу-Паланку. Этого онъ никакъ не долженъ былъ дѣлать, но онъ былъ подъ вліяніемъ такого страха, что я видѣлъ, что на него нельзя было разсчитывать.

Эти новости были тѣмъ болѣе мнѣ прискорбны, что въ данныхъ обстоятельствахъ я не могъ подать никакой помощи сербамъ. Наоборотъ, я разсчитывалъ на ихъ содѣйствіе при взятіи Кладовы, такъ какъ я непремѣнно хотѣлъ, чтобы Исаевъ продолжалъ осаду ея, тѣмъ болѣе, что нѣсколько 12 фунтовыхъ орудій было бы достаточно, чтобы сдѣлать брешь. Исаевъ располагалъ только 1.600 русскихъ, и я разсчитывалъ на 2—3 тысячи сербовъ; но, не будучи въ состояніи исполнить свою надежду и собрать ихъ, я принужденъ былъ отказаться отъ мысли взять эту крѣпость, обладаніе которой мнѣ было такъ необходимо, и ограничиться оборонительнымъ положеніемъ.

Затѣмъ, я посѣтилъ островъ Ольмаръ, имѣющій 13 верстъ длины и 3—4 версты ширины. Я уже замѣтилъ, насколько важно было обладаніе имъ. Пока онъ принадлежалъ туркамъ, они отрѣзывали всякое сообщеніе съ Сербіей и могли легко проникнуть въ М. Валахію, такъ какъ рукавъ, отдѣлявшій островъ отъ материка, былъ очень узкій и даже пересыхалъ въ сильные жары; другой же ру-

кавъ былъ очень широкъ. Посреди острова, на западной сторонѣ, была совершенно разрушенная деревня и старинное турецкое укрѣпленіе, а къ югу росъ совершенно заглохшій лѣсъ.

Маіоръ штаба Троевъ, желая выказать свои блестящія способности, составилъ проектъ укрѣпленія острова Ольмара; при чемъ, требовалъ для обороны его 13 орудій и людей болѣе, чѣмъ было у меня во всей М. Валахіи; и этомъ остроумный планъ былъ одобренъ Милорадовичемъ! видимо, онъ былъ слишкомъ легкомысленнымъ, чтобы вникнуть во что-нибудь серьезное. Исаевъ уже началъ было фортификаціонныя работы, но я долженъ былъ остановить ихъ, оставивъ только 8 укрѣпленій, въ числѣ которыхъ были 2 редута, одинъ на краю острова, а другой посрединѣ его. Эта ошибка моя была впослѣдствіи причиной потери острова. Я долженъ былъ ограничиться постройкою только двухъ сильныхъ редутовъ, въ серединѣ острова, на западномъ и восточномъ рукавахъ Дуная, противъ деревни Бала-ди-верди, на разстоянія трехъ верстъ одинъ отъ другого.

За недостаткомъ времени, я не могъ осмотрѣть позицію въ Героѣ, весьма удобной для наблюдательнаго отряда, и тѣмъ менѣе я имѣлъ время побывать въ Калафатѣ, передъ Видиномъ, на позиціи котораго необходимо было построить 4—5 редутовъ, но для обороны ихъ я не имѣлъ достаточнаго числа людей. Правда, въ моемъ распоряженіи было 3—4 тысячи пандуровъ, т. е. мѣстныхъ милиціонеровъ, организованныхъ кн. Прозоровскимъ, но они, какъ я уже говорилъ, могли быть полезными только въ редутахъ и вообще въ закрытыхъ укрѣпленіяхъ, гдѣ увѣренность, что турки не будутъ имѣть къ нимъ никакого снисхожденія, заставляетъ ихъ защищаться съ ожесточеніемъ. Для дѣйствій въ полѣ, они непремѣнно должны быть подъ руководствомъ и при поддержкѣ регулярныхъ войскъ. Эта милиція имѣла своихъ офицеровъ, родомъ изъ ихъ страны, но начальникомъ ихъ былъ русскій офицеръ, капитанъ Курта. Когда послѣдній былъ удаленъ, командованіе пандурами было передано маіору Олонецкаго полка Рогачеву, бравому офицеру, не рѣдко отличавшемуся. Пандуры имѣли непреодолимое отвращеніе къ службѣ внѣ ихъ страны и даже въ Большой Валахіи. Я имѣлъ приказаніе отправить одинъ баталіонъ на лѣвый берегъ Ольты, чтобы изъ него образовать ядро для отряда изъ болгаръ, которыхъ требовали собрать какъ изъ числа проживавшихъ въ Валахіи, такъ и изъ переселившихся изъ Болгаріи. Но Багратіонъ еще недостаточно углубился внутрь страны, чтобы заставить эмигрировать болгаръ, живущихъ между Рущукомъ, Систовомъ, Никополемъ, Тырновомъ и Ловчей; а тѣ, которые жили вдоль Чернаго

моря, были ограблены, напуганы и изгнаны казаками. Болгаръ собрали лишь очень небольшое число, и я не могъ разсчитывать на нихъ, а тѣмъ менѣе можно было ожидать пользы отъ перемѣщенія баталіона пандуровъ, въ которыхъ, сначала, такъ сильно нуждался Исаевъ. Съ большимъ трудомъ и вопреки заключеннаго съ ними договора, заставили ихъ перейти на другую сторону Дуная, въ Сербію [1]).

За островомъ Ольмаръ, на правомъ берегу Дуная, расположенъ цѣлый рядъ маленькихъ крѣпостей: Брегова, Неготинъ, Боково, Флорентинская—расположены между Бирза-Паланкой и Видиномъ, а нѣсколько ниже Видина находятся Цибро и Орсово.

Я возвратился въ Бухарестъ 5 августа, по аванпостной линіи, чтобы ознакомиться съ Турно, о которой я уже говорилъ, что она не можетъ быть взята приступомъ, а необходимо открыть траншеи; но осада не можетъ продлиться очень долго. Она построена въ открытой, болотистой равнинѣ, которую иногда заливаютъ рукава Ольты и Дуная, хотя расположена она очень скверно относительно этихъ рѣкъ, такъ какъ находится въ $1^1/_2$ верстахъ отъ ихъ береговъ. Въ 2-хъ верстахъ отъ нея находится крѣпость Никополь, которая всегда можетъ ее поддержать.

Аванпостная цѣпь наша была расположена очень хорошо. Командиръ Волынскаго уланскаго полка, полковникъ гр. Д'Орурcallъ. командовалъ тогда этой цѣпью, но онъ страдалъ лихорадкой, какъ и почти весь его полкъ, въ которомъ съ трудомъ насчитывалось до 350 выздоровѣвшихъ и бывшихъ въ состояніи нести службу людей. Милорадовичъ расположилъ этотъ полкъ, а также и Ново-Ингерманландскій—въ Руссо-ди-Веде, самой нездоровой мѣстности Валахіи, и гдѣ они, въ сущности, были безполезны. Вмѣсто гр. Д'Орурка, аванпостами командовалъ полковникъ Турчаниновъ, прекрасный офицеръ, занимавшій редутъ Дуда.

Изъ изложеннаго видно, что мое положеніе было очень критическое. Уже съ 28 іюля турки имѣли очень большой лагерь около Рущука, который угрожалъ Бухаресту. Со всѣхъ сторонъ они могли силою ворваться въ обѣ Валахіи, куда они дѣлали частыя нашествія не имѣвшія, къ счастью, серьезнаго значенія, но утомлявшія наши войска въ этомъ жаркомъ климатѣ, принуждая ихъ форсированными маршами постоянно переходить съ мѣста на мѣсто.

Въ это время Делиградъ былъ занятъ турками, противъ которыхъ сербскими войсками командовалъ Петръ Обреновичъ. Желая

---

[1]) Австрійцы имѣли нѣсколько баталіоновъ пандуровъ и валаховъ, которыхъ они, не безъ пользы, употребляли для аванпостной службы.

переговорить съ другими сербскими вождями о принятіи противъ турокъ должныхъ мѣръ или, вѣрнѣе, желая покинуть свой постъ, онъ написалъ Младенъ Милановичу, прося замѣстить его на 24 часа. 3 августа, Младенъ прислалъ ему Милота, который хотя и принялъ командованіе, но, увидя, что турки подвинули свои траншеи, ночью, съ своими сербами спасся бѣгствомъ черезъ Мораву, оставивъ 200 больныхъ и раненыхъ. Милотъ догналъ Георгія Чернаго, стоявшаго лагеремъ въ 20 верстахъ. Затѣмъ, къ нимъ присоединился Милановичъ, но они ничего не могли предпринять противъ турокъ, такъ какъ тѣ были во много разъ сильнѣе ихъ.

Лишь только Мише узналъ о потерѣ Делиграда, вѣрный данному мнѣ обѣщанію, онъ покинулъ Бирза-Паланку, не разрушивъ ея, несмотря на то, что посланный нами для сербовъ транспортъ оружія и продовольствія прибылъ тогда къ берегу Дуная.

Моя корреспонденція съ Родофинаки, нашимъ тогдашнимъ министромъ въ Сербіи, была очень дѣятельна; онъ мнѣ сообщалъ съ большой точностію все, что мнѣ нужно было знать. Это онъ предупредилъ меня объ опасности, которой избѣжали сербы, и о томъ, что на нихъ не слѣдуетъ слишкомъ полагаться. Онъ опасался также и за себя, ибо нѣкоторые ихъ вожди, которыхъ онъ мало уважалъ, питали къ нему злобу, и совѣтовалъ мнѣ повѣсить Мише, если онъ только покинетъ Бирза-Паланку. Отъ него же я узналъ подробности взятія Делиграда и объ эмиграціи огромнаго числа сербовъ въ Банатъ. Онъ просилъ меня о приготовленіи нѣсколькихъ судовъ для тѣхъ сербовъ, которые захотятъ укрыться въ М. Валахіи.

Полки Нижегородскій, Пензенскій, Ново-Ингерманландскій, Старооскольскій и Тираспольскій драгунскій были назначены для образованія моихъ главныхъ силъ въ Большой Валахіи, но всѣ они были въ Малой, изъ которой я никакъ не могъ вывести всѣхъ полковъ, и взялъ только Нижегородскій пѣхотный и Тираспольскій драгунскій. Благодаря недостатку войскъ, я принужденъ былъ оставить Исаева, несмотря на то, что ему угрожали со всѣхъ сторонъ; но вскорѣ я могъ ему выслать 800 челов. Олонецкаго полка, оставшагося на Ольтѣ. Итакъ, я ограничился двумя полками. Въ Нижегородскомъ полку было на лицо 10 офицеровъ (изъ коихъ подполковникъ Валенти былъ раненъ во время Браиловскаго штурма и ходилъ еще на костыляхъ) и 180 солдатъ; Тираспольскій полкъ имѣлъ только 350 чел.; затѣмъ, въ 10 эскадронномъ Волынскомъ уланскомъ полку было 320 чел. и въ трехъ казачьихъ полкахъ не болѣе 900 чел.; наконецъ, Нашебургскій и Ладожскій полки были хорошо укомплектованы. Кромѣ того, въ Бухарестѣ были расположены 2 резервныхъ

баталіона. Все вмѣстѣ составляло 4.200 чел., съ которыми я и долженъ былъ защищать 100 верстъ открытой мѣстности противъ 30—40 тысячъ турокъ. На моихъ рукахъ оставалось 5.000 больныхъ въ Бухарестѣ, 2.000 въ другихъ госпиталяхъ, близъ Бухареста, артиллерійскіе парки, депо, магазины и никакихъ средствъ охраны, въ случаѣ неожиданнаго нападенія турокъ, чего можно было ожидать ежеминутно.

Не успѣлъ я пріѣхать въ Бухарестъ, какъ узналъ, что турки, въ количествѣ 6—7 тысячъ, перешли Дунай, между Кладовой и Гирсово и заняли Чернецъ, гдѣ командовалъ Желтухинъ. Это была большая ошибка со стороны Исаева, довѣрить такой важный постъ человѣку съ весьма малымъ запасомъ храбрости, рѣшимости и военныхъ знаній. Лишь только онъ увидѣлъ турокъ, какъ быстро отступилъ и тѣмъ открылъ имъ дорогу въ Краіово.

Потеря этого поста была для меня самымъ чувствительнымъ ударомъ, который я могъ только получить въ М. Валахіи. Мнѣ же нечего уже было надѣяться замѣнить его, разъ турки овладѣли Чернецомъ. Я тотчасъ же приказалъ генералу Исаеву собрать все, что только было возможно, и постараться отнять его у турокъ, чего бы это ни стоило.

Исаевъ и самъ уже подумалъ объ этомъ и послалъ туда бравага подполковника Аша, Малороссійскаго полка, съ его баталіономъ, баталіономъ пандуровъ въ 100 челов., двумя полками Уральскихъ казаковъ, Пензенскимъ полкомъ и резервнымъ Сибирскимъ баталіономъ. Желтухину онъ приказалъ находиться въ подчиненіи Аша.

19 августа, на разсвѣтѣ, Ашъ окружилъ и атаковалъ Чернецъ. Турки окопались въ одномъ разрушенномъ домѣ, а потому надо было его штурмовать такъ же, какъ и ретраншаментъ, выстроенный наскоро и не прочно. Ашъ сначала открылъ огонь, а турки, взявъ примѣръ съ Желтухина, сразу всѣ разбѣжались, несмотря на то, что къ нимъ подходила помощь изъ Кладовы и они должны были соединиться.

Ашъ могъ бы помѣшать этому соединенію и забрать всѣхъ, кто былъ въ домѣ, но онъ не ожидалъ такого быстраго исчезновенія непріятеля. Турокъ преслѣдовали, убили у нихъ полсотни людей, и, такимъ образомъ, Чернецъ былъ взятъ обратно и укрѣпленъ; а я былъ освобожденъ на нѣкоторое время отъ моихъ крайне основательныхъ опасеній.

Багратіонъ хотѣлъ наказать Желтухина, да и было за что, но Исаевъ вмѣшался въ это дѣло и выгородилъ его, такъ что Желтухинъ не только не былъ наказанъ, но продолжалъ чинить новыя

безчестія, что не помѣшало ему быть произведеннымъ графомъ Каменскимъ въ генералы, внѣ очереди, въ кампанію 1810 г. [1]).

Въ тотъ же день, 19 августа, турки перешли Дунай немного ниже остр. Ольмара и атаковали редутъ, занятый слабымъ баталіономъ 6-го Егерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Глѣбова. Атаки турокъ продолжались цѣлый день, но безуспѣшно. Вечеромъ, 20 августа, Глѣбовъ получилъ подкрѣпленіе и самъ перешелъ въ наступленіе, выгналъ ихъ съ острова и обратилъ въ бѣгство. Турки бѣжали съ такой поспѣшностью, что не подобрали даже своихъ убитыхъ, которыхъ обыкновенно стараются унести съ собой. Они снова переправились обратно черезъ Дунай.

Я не могъ претендовать на кн. Прозоровскаго, что онъ мнѣ оставилъ такъ мало войскъ, такъ какъ по числу баталіоновъ было болѣе чѣмъ достаточно, но онъ не могъ знать, что болѣзни будутъ сильнѣе и упорнѣе въ этомъ году, чѣмъ въ предъидущіе, и что онѣ отнимутъ у меня четвертую часть состава частей, изъ коихъ половина не будетъ въ состояніи служить. Самъ онъ не придавалъ большого значенія оборонительнымъ планамъ и думалъ, вѣроятно, что великій визирь, вмѣсто того, чтобы угрожать Валахіи, пойдетъ навстрѣчу ему, лишь только онъ перейдетъ Дунай.

Войска, посланныя кн. Багратіономъ мнѣ изъ Саджата, соединились 12 августа въ лагерѣ подъ Капочени, а 8 августа выступилъ Милорадовичъ съ своимъ корпусомъ, уменьшившимся отъ болѣзней до 4.800 чел., изъ коихъ 900 чел. заболѣли въ первые же дни похода.

Въ продолженіе 4 дней передъ Бухарестомъ не было ни одной души, такъ какъ Нашебургскій и Ладожскій полки прибыли только 11 августа.

Самъ Милорадовичъ уѣхалъ 10-го [2]).

---

[1]) 1827 г. Этотъ Желтухинъ — посрамленіе русской военной службы, всегда служилъ такъ, какъ въ Чернецѣ; между тѣмъ, онъ до сихъ поръ на службѣ и уже генералъ-лейтенантъ и начальникъ дивизіи. Его особенный талантъ къ блестящимъ парадамъ, которымъ тогда отдавалось предпочтеніе, поддержалъ его, несмотря на ненависть всей арміи. На смотру 1812 г. Императоръ Александръ, увидя его дивизію, сказалъ: „Какая досада, что Желтухинъ такой трусъ“. Кромѣ того, онъ былъ злой и интриганъ.

[2]) Въ день его отъѣзда, онъ далъ намъ новое доказательство своего легкомыслія и даже сумасбродства, которое прелестно обрисовываетъ его характеръ. Онъ пришелъ со мной проститься въ 9 ч. вечера (такъ какъ всѣ формы между нами были тщательно соблюдаемы), и въ разговорѣ я ему сказалъ, что купецъ Балтарески только-что получилъ большую партію

Мое положеніе со дня на день становилось болѣе критическимъ; турки могли меня атаковать со всѣхъ сторонъ, будучи сильнѣе насъ въ 6 разъ. Между тѣмъ, я ихъ опасался гораздо менѣе, чѣмъ валаховъ, которые постоянно меня обманывали.

Я уже говорилъ, что вся администрація находилась въ рукахъ нашихъ враговъ и, возможно, что я во всемъ буду чувствовать нужду. Недостатокъ фуража давалъ уже себя чувствовать, а вскорѣ я дошелъ до того, что вовсе не имѣлъ съѣстныхъ припасовъ, но коммиссаръ Ковенко, человѣкъ очень богатый и разумный, купилъ самъ всего и отправилъ на свой счетъ въ мой лагерь [1]).

Александръ Суццо былъ всегда съ великимъ визиремъ и велъ дѣятельную переписку съ Бухарестомъ, направляя ее черезъ Систово.

Великій визирь, Коеръ-Юсуфъ-паша, по отъѣздѣ изъ Шумлы, предполагалъ сначала пріѣхать въ Силистрію, перейти Дунай и занять Коларашъ (какъ сдѣлалъ его предшественникъ Мустафа Челибей). Это движеніе, съ военной точки зрѣнія, исходило изъ удобства мѣстности, возможности подавать помощь въ Браиловъ, производить нашествія въ центръ Б. Валахіи и заставить кн. Багратіона перейти обратно Дунай. Но Суццо, оповѣщенный Филипеско, что послѣ ухода корпуса Милорадовича, у меня остается только 4.000 солдатъ подъ ружьемъ, склонилъ великаго визиря измѣнить свои планы и произвести нападеніе между р. р. Аржишемъ и Ольтой. Въ успѣхѣ этого предпріятія онъ не сомнѣвался [2]), и если бы турки взяли Бухарестъ, обѣ Валахіи были бы потеряны на довольно продолжительное время, войска М. Валахіи отрѣзаны, и наша главная армія была бы принуждена экстренно перейти Дунай, чтобы защитить берега Ялоницы и, быть можетъ, Серета.

товаровъ. Онъ сейчасъ же побѣжалъ туда съ Филипеско, заставилъ купца распаковать весь товаръ и набралъ для семьи своей повелительницы шалей и матерій на 3.000 дукатовъ, которыхъ, конечно, никогда не заплатилъ. Онъ уже былъ долженъ этому Балтарески нѣсколько тысячъ дукатовъ, и я не понимаю, какъ онъ могъ согласиться увеличить долгъ, зная, что никогда его не заплатитъ.

[1]) Этотъ хорошій, душевный порывъ былъ представленъ кн. Багратіону друзьями Милорадовича, какъ желаніе имѣть пользу съ этихъ покупокъ, и Ковенко получилъ репримандъ; но я открылъ глаза князю и возстановилъ истину.

[2]) Всѣ эти подробности я узналъ отъ Боснякъ-Ага, въ 1810 г.; послѣ взятія Рущука онъ мнѣ говорилъ, что турки знали рѣшительно все, что происходило въ Бухарестѣ, черезъ Филипеско.

Суццо имѣлъ свои особые планы, совѣтуя это движеніе; кромѣ того, оно удовлетворяло его самолюбію и давало возможность отомстить Бухаресту.

Я не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ вѣрныхъ извѣстій ни о движеніи, ни о силѣ непріятеля. Люди, преданные Россіи, не имѣли ни власти, ни средствъ; власть была въ рукахъ людей, которымъ я нисколько не довѣрялъ и не могъ имѣть среди нихъ ни малѣйшаго авторитета, такъ какъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ гражданскія дѣла и долженъ былъ ограничиться командованіемъ войскъ.

При мнѣ состоялъ депутатъ отъ Дивана, справедливо подозрѣваемый мною въ шпіонствѣ, и съ этою цѣлью онъ, вѣроятно, и былъ присланъ ко мнѣ и потому, конечно, я не смѣлъ ему ничего довѣрять. Всѣ приказанія, которыя я посылалъ генераламъ, всѣ рапорты Багратіону были написаны мною собственноручно или моимъ довѣреннымъ адъютантомъ. Никогда моя канцелярія ни о чемъ не знала, и я приказалъ журналисту не вносить ихъ въ журналъ; я даже не велъ мѣсячныхъ рапортовъ, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь изъ писарей не былъ бы подкупленъ, дабы отнюдь не было извѣстно о малочисленности моихъ войскъ. Когда я посылалъ главнокомандующему депеши съ нарочнымъ, то запечатывалъ металлическій ящикъ, какой обыкновенно въ Россіи носятъ курьеры на груди.

Какъ только распространился слухъ о движеніи турокъ, ужасъ объялъ жителей и купцовъ Бухареста, страшившихся грабежей и пожаровъ, всегда сопровождавшихъ нашествіе турокъ. Бояре, болѣе преданные имъ, чѣмъ намъ, усугубили ти опасенія, преувеличивъ опасность; каждый изъ этихъ господъ имѣлъ во дворѣ у себя всегда запряженную повозку съ уложенными вещами. Быть можетъ, многіе изъ нихъ и не оставили бы города, въ случаѣ нападенія турокъ, но поддерживать волненія и опасенія, повидимому, входило въ ихъ разсчеты.

Къ несчастію и меня захватила ужасная лихорадка, извѣстная подъ названіемъ Дунайской, которая, въ продолженіе 48 часовъ, едва давала мнѣ отдыхъ въ 12 часовъ, а между тѣмъ, я былъ заваленъ дѣлами и корреспонденціей. Это уже въ пятый разъ отъ начала войны, но къ счастію и въ послѣдній.

Консулъ Россіи, очень хорошій и дѣятельный человѣкъ, г. Кириковъ, силился дать мнѣ какія-нибудь свѣдѣнія о непріятельскихъ движеніяхъ, но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти были рѣдки и не всегда вѣрны, такъ какъ онъ получалъ ихъ отъ Манукъ-Бея, къ которому я не имѣлъ полнаго довѣрія, но долженъ былъ держать на службѣ.

*

Къ счастію, валахи, зная приблизительно, сколько я имѣлъ войскъ въ Бухарестѣ, не знали, что корпусъ ген. Эссена 3-го былъ подъ моимъ начальствомъ, что собственно и составляло мою главную силу.

Весь Бухарестъ былъ загроможденъ присланнымъ провіантомъ, одеждой, барабанами, госпиталями и проч., а чтобы вывезти все это, а также и артиллерійскіе парки, мнѣ требовалось громадное количество крестьянскихъ подводъ, которыхъ я не могъ бы собрать, даже и съ большимъ трудомъ. Кромѣ того, такое распоряженіе могло бы быть принято за малодушіе или трусость съ моей стороны и увеличило бы слишкомъ сильно царствующую панику въ Бухарестѣ и дало бы имъ для сего очевидный предлогъ. Каждый день прибѣгали ко мнѣ изъ всѣхъ домовъ города узнать, готовы ли мои экипажи и собирается ли моя жена къ выѣзду, и были удивлены моему спокойствію.

Злоба и ненависть Филипеско были такъ велики и такъ плохо скрывались, что меня предупредили, что онъ хочетъ меня отравить черезъ посредство греческихъ врачей, лечившихъ меня. Я находился въ положеніи Александра съ докторомъ Филиппомъ и такъ же, какъ и онъ, принялъ прописанное лекарство и поправился. Неудача съ отравленіемъ породила массу другихъ непріятностей. Между прочими интригами Филипеско противъ меня, я разскажу одну, доказывающую всю низость его. Онъ послалъ 500 дукатовъ одной гречанкѣ, любовницѣ стараго Исаева, жившей съ нимъ, съ тѣмъ, чтобы она уговорила Исаева уѣхать изъ М. Валахіи. Посланъ былъ бояринъ 2 класса Лакостамъ (депутатъ Валахіи при гр. Каменскомъ и генералѣ Кутузовѣ, нажившій себѣ большое состояніе), но Исаевъ, несмотря на свою привязанность къ этой гадкой особѣ, слишкомъ любилъ свою родину и славу, чтобы совершить подобную подлость. Этотъ анекдотъ показываетъ, въ какомъ положеніи я тогда находился и на что были способны враги Россіи, которые жертвовали даже своей страной, чтобы только достигнуть желаемыхъ результатовъ. Онъ доказываетъ также, куда можетъ завести излишнее самолюбіе.

Милорадовичъ, конечно, не могъ теперь не знать объ обманахъ и поступкахъ Филипеско, но, не будучи въ состояніи сознаться, что онъ былъ ослѣпленъ и обманутъ имъ, и чтобы показать мнѣ обратную сторону и желая вернуться въ Бухарестъ, онъ сдѣлался сообщникомъ обмана и самъ былъ въ то же время обманутъ. Въ эту войну этотъ генералъ сдѣлалъ для своей родины вреда больше, чѣмъ турки; онъ долженъ бы былъ сложить свою голову на эшафотѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ осыпанъ милостями. Пере-

писка его съ бухарестскими друзьями была самая дѣятельная и гвоздемъ ея желаній было напортить мнѣ.

Генералъ Энгельгардтъ [1]) былъ заодно съ ними въ этомъ благомъ намѣреніи.

Филипеско составилъ письмо Государю, въ которомъ просилъ, отъ имени всей Валахіи, замѣнить меня Милорадовичемъ, будто единственнымъ, могущимъ спасти ее; затѣмъ, что я французъ, эмигрантъ и что назначеніе меня на такой высокій постъ могло вооружить Наполеона. Это письмо, также какъ и предыдущее, о которомъ я уже говорилъ, было подписано всѣми болгарами, т. е. всѣ подписи были фальшивыми. Меня увѣряли, что письмо отправилъ консулъ Ду Коленкуру—герцогу Висенскому, бывшему тогда французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, но Коленкуръ отослалъ его обратно, выражая неудовольствіе по поводу подобной просьбы.

Я долженъ былъ одинъ сражаться противъ столькихъ недоброжелателей, интригъ и вѣроломства, а я не имѣлъ ни войскъ, ни провизіи, ни средствъ и почти умиралъ отъ лихорадки, но все-таки я торжествовалъ надъ всѣми и спасъ Валахію и армію. Если когда-нибудь я могъ чѣмъ-либо отплатить моему Императору и Россіи, принявшимъ меня, то конечно только теперь, въ такое критическое и опасное время, что я и не замедлилъ сдѣлать. Не желая быть фанфарономъ, я могу смѣло сказать, что принесъ огромную пользу Россіи, а между тѣмъ, это долгое время оставалось неизвѣстнымъ.

Чтобы быть наготовѣ, въ случаѣ надобности, я послалъ ген. Эссену 3-му секретно приказъ, чтобы онъ подошелъ къ Обилешти, откуда онъ могъ одинаково наблюдать за Силистріей, бывшей въ 40 верстахъ, и за Туртукаемъ—въ 30 верстахъ; ко мнѣ же онъ могъ подойти въ 2 большихъ перехода. Я приказалъ ему быть готовымъ къ походу, а самъ собралъ въ Капочени: Тираспольскихъ драгунъ, Нашебургскій полкъ, Ладожскій полкъ, 200 чел. Нижегородскаго полка и 200 Волынскихъ уланъ.

Мои казаки съ полк. Грековымъ занимали берега Аржиша и

---

[1]) Этотъ человѣкъ ограниченный, несдержанный и интересантъ, былъ преданъ Милорадовичу, на протекцію котораго онъ разсчитывалъ больше, чѣмъ на мою. Онъ даже не умѣлъ скрыть своего недоброжелательства. Узнавъ, что я не хотѣлъ пользоваться депутатами, которыхъ онъ мнѣ назначилъ, а просилъ Варлама, какъ человѣка, которому я могъ довѣрять и поручать доставку вѣрныхъ свѣдѣній, какъ знающему хорошо страну, онъ отнесся къ Варламу самымъ скандальнымъ образомъ, грозя погубить его.

Кильниша и производили частыя развѣдки въ Журжево, Зимницу и Турно. Уѣзжая изъ Уды, я велѣлъ срыть неудачно расположенный редутъ, а взамѣнъ приказалъ занять баталіономъ Ладожскаго полка редутъ въ Крешести. Этотъ баталіонъ, 200 Волынскихъ уланъ и казаки Мелентьева составляли отрядъ Турчанинова, который долженъ былъ защищать пространство въ 80 верстъ. Турчаниновъ, желая знать о распространеніи и намѣреніи турокъ и съ цѣлью ввести ихъ въ обманъ, предпринялъ нѣсколько смѣлое наступленіе къ с. Фламундѣ—укрѣпленной деревнѣ, лежащей на берегу Дуная, въ 8 верстахъ отъ Турно. Но турки отбили его нападеніе и убили у насъ 20 человѣкъ. Потеря была незначительна, но эта неудача наша придала смѣлость туркамъ, и я былъ недоволенъ подобной неосторожностью.

25 августа они сами перешли въ наступленіе изъ Турно и Зимницы, двинувшись въ центръ аванпостовъ Турчанинова. Хотя это была и простая рекогносцировка, но она вызвала цѣлое дѣло, въ которомъ есаулъ Желтухинъ, командовавшій Мелентьевскимъ полкомъ, былъ убитъ, также какъ и нѣсколько солдатъ. Турки, проникнувъ до Магуры, отступили обратно.

Ночью, 23 августа, турки высадились на островѣ, тогда маіоръ Апшеронскаго полка Кириловъ, занимавшій укрѣпленіе, которое мы имѣли ошибку оставить не срытымъ, на южной оконечности острова, замѣтилъ ихъ высадку и тотчасъ же выслалъ отрядъ, дабы выгнать ихъ; но турки получили подкрѣпленіе и произвели новый десантъ, нѣсколько выше, около деревни. Узнавъ объ этомъ, подполковникъ Олонецкаго полка Рыбниковъ, командовавшій на островѣ, выступилъ самъ имъ навстрѣчу, при чемъ замѣтилъ, что они были значительно сильнѣе его отряда, и потому его наступленіе было неудачно.

Если бы я оставилъ на островѣ одинъ редутъ, или самое большое два, то войска могли бы защищаться, но разсѣянныя въ лѣсу и принужденныя подавать помощь за 6—7 верстъ отряды наши были повсюду разбиты. Рыбниковъ былъ убитъ, а одно орудіе его баталіона, за потерею всѣхъ лошадей и выбытіемъ изъ строя всѣхъ артиллеристовъ, было взято турками. Наши войска, стѣсненныя со всѣхъ сторонъ, въ безпорядкѣ отступили къ редуту острова, выстроенному со стороны М. Валахіи, гдѣ подполковникъ Орловскаго полка Андріевскій, подошедшій со своимъ баталіономъ его защищать, собралъ отступавшихъ и, такимъ образомъ, сохранилъ редутъ, а турки побоялись атаковать его. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 3-хъ офицеровъ и до 200 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Узнавъ объ этомъ печальномъ событіи, генералъ Исаевъ собралъ все, что могъ, и занялъ позицію въ 3 верстахъ отъ Дуная, около Балта-ди-верди. Онъ владѣлъ еще редутомъ на лѣвомъ берегу Дуная, но вынужденъ былъ покинуть тотъ, который мы имѣли на островѣ, такъ какъ 3.000 чел. турокъ овладѣли имъ, имѣя такой же силы отрядъ на правомъ берегу.

Съ потерею острова, всякое сообщеніе между нами и сербами прекратилось, и тѣ и другіе были буквально брошены на произволъ судьбы.

Турки окопались на островѣ, къ нимъ прибыли еще войска изъ Ниссы и Видина, и Мула-паша, командовавшій войсками этого послѣдняго, публично объявилъ о намѣреніи завладѣть М. Валахіей. Если бы не медленность, сопровождавшая всѣ операціи турокъ, раздоры, царствующіе между ихъ начальниками, которые большею частью ненавидятъ другъ друга и никогда не подаютъ помощи одинъ другому, безъ всѣхъ этихъ причинъ, говорю я, не было никакого сомнѣнія, что Исаевъ, при всей своей дѣятельности и храбрости, долженъ былъ отступить за Ольту. Самъ я рѣшительно не могъ прислать ему подкрѣпленія, такъ какъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы защищать Б. Валахію. Турки, впрочемъ, ограничились лишь незначительными нападеніями, какъ вдругъ, узнавши объ успѣхахъ кн. Багратіона въ Болгаріи, признали себя вынужденными измѣнить свои намѣренія.

Сраженіе при Фрасине.

23 августа, полковникъ Грековъ донесъ мнѣ, что близъ Рущука замѣченъ огромный турецкій лагерь и другой, нѣсколько меньшій, близъ Журжева. На другой день я получилъ отъ него донесеніе, что лагерь у Рущука уменьшился, а другой, т. е. у Журжева, сильно увеличился и, наконецъ, 25 августа, онъ вновь донесъ, что вся турецкая армія, казалось, двинулась къ нашей сторонѣ.

По этимъ даннымъ нельзя было болѣе сомнѣваться относительно намѣреній турокъ, хотя кн. Прозоровскій нѣсколько разъ меня увѣдомлялъ, а кн. Багратіонъ извѣщалъ меня двадцатью письмами, что великій визирь, если и намѣревается перейти Дунай, то въ Силистріи.

Со всѣхъ сторонъ на меня надвигалась гроза, а потому надо было ее разсѣять, не ожидая, чтобы она разразилась. Я зналъ, что великій визирь съ князьями Суццо и Калинаши и всею своею свитою находится въ Рущукѣ.

25 августа, въ 7 час. вечера, плацъ-маіоръ Бухареста капитанъ Скальскій, полякъ, креатура Милорадовича, но преданный своему долгу и мундиру, привелъ ко мнѣ двухъ болгарскихъ женщинъ, бѣжавшихъ изъ Журжева. У меня въ то время былъ сильнѣйшій пароксизмъ лихорадки, и я лежалъ безъ памяти. Скальскій ожидалъ до полуночи, пока я не пришелъ въ себя. Одна изъ этихъ женщинъ сказала мнѣ, что ея мужъ былъ лакеемъ у одного турецкаго офицера, но онъ съ нимъ очень дурно обращался, и она бѣжала; прекрасно понимая по-турецки, она слышала какъ офицеръ говорилъ ея мужу о предположеніи атаковать насъ и что предположеніе это должно быть исполнено черезъ 6 дней, т. е. въ слѣдующій понедѣльникъ, 1 сентября; что ожидали только прибытія понтоновъ, такъ какъ турки были увѣрены, что я разрушу мосты на Кильнишѣ, Аржишѣ и Саборѣ; что великій визирь двинется прямо на Бухарестъ черезъ Петри, Фальштокъ и Капочени, съ 30.000 чел., а въ то же время 3.000 всадниковъ перейдутъ Дунай въ Туртукаѣ и также двинутся прямо на Бухарестъ, вдоль лѣваго берега Аржиша и Домбровицы (гдѣ, какъ видно изъ моихъ описаній, имъ не встрѣчалось никакихъ препятствій) и, наконецъ, другіе 3.000 всадниковъ должны подойти изъ Турно, черезъ Руссо-де-Веде, обойти мой правый флангъ и также подойти къ Бухаресту черезъ Водулалъ [1]).

На войнѣ ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать, между тѣмъ, мнѣ показалось страннымъ, что подобная женщина была настолько въ курсѣ плановъ нашего противника [2]), но на дѣлѣ оказалось, что все, что она говорила, весьма правдиво. Движеніе турокъ доказало это. Я же ничѣмъ не рисковалъ, принявъ предосторожности, которыя не разстраивали моихъ плановъ обороны и могли привести къ хорошимъ результатамъ. Нельзя было терять ни минуты, и я понялъ, что если бы я сталъ колебаться и не предпринялъ бы тотчасъ смѣлаго оборонительнаго рѣшенія, я бы погибъ.

Ждать турокъ въ Капочени было бы верхомъ безумія; я не могъ бы тамъ защищаться и былъ бы окруженъ со всѣхъ сторонъ, въ то время какъ турки заняли бы Кильнишъ и Аржишъ, правые берега которыхъ такъ возвышены, что они вездѣ могли бы поста-

---

[1]) Я всегда подозрѣвалъ, что кто-нибудь изъ офицеровъ руководилъ тогда движеніемъ турокъ, такъ какъ этотъ сложный, прекрасный планъ, во всѣхъ подробностяхъ разработанный, казалось мнѣ, былъ выше соображеній турокъ.

[2]) Все, что эта женщина мнѣ сказала, было поразительно вѣрно. Впослѣдствіи, Боснякъ-Ага мнѣ подтвердилъ это, изъ чего можно заключить, что въ турецкой арміи не можетъ быть большихъ секретовъ.

вить батареи и, подъ охраной ихъ, безъ малѣйшихъ трудностей, навести мосты. Противъ меня могли бы быть двинуты отряды изъ Туртукая и Турно, и тогда Бухарестъ былъ бы взятъ, сожженъ, всѣ наши больные, магазины, парки и проч., попали бы въ руки непріятеля, и я, не имѣя выхода, принужденъ бы былъ сдаться.

Я рѣшилъ тотчасъ же двинуться къ Журжеву и вызвать турокъ на генеральное сраженіе. Если я его выиграю, то разобью всѣ ихъ планы; если же проиграю, то выжидательное мое положеніе въ Капочени не улучшитъ дѣла.

Я приказалъ ген. Эссену 3-му прибыть 27 августа, въ полдень, въ Фолштокъ, на Кильнишѣ, перейдя: Домбровицу въ Будешти, Саборъ—въ Фалешти и Аржишъ—въ Колибосѣ. Въ Фальштокѣ онъ долженъ былъ соединиться со мною, чтобы уже вмѣстѣ двинуться на Журжево. Полковнику Турчанинову я приказалъ собрать свой маленькій отрядъ и быть: 26—передъ Турно, съ 27 на 28—передъ Зимницей, а 29—передъ Коколетци, въ 20 вер. отъ Журжева. Я его предупредилъ, что сраженіе предполагается 29-го и ему поручается атаковать лѣвый флангъ турокъ, если только обстоятельства позволятъ.

Для исполненія сего, отрядъ Турчанинова долженъ былъ въ 3 дня пройти болѣе 100 верстъ, что онъ и сдѣлалъ.

Въ мои планы входило не обнаруживать своихъ силъ, а показывать туркамъ только часть ихъ, заставляя тѣмъ предполагать, что у меня повсюду имѣются войска. Въ результатѣ я ожидалъ, что турки задержатъ свое движеніе изъ Турно, которое меня страшно стѣсняло. Затѣя моя удалась прекрасно; я очень удачно поручилъ эту диверсію Турчанинову, дѣятельному и разумному офицеру, очень любящему подобнаго рода экспедиціи.

Мѣстность, прилегающую къ Туртукаю, я совершенно очистилъ отъ войскъ, только въ Ольтеницѣ у меня остался Выборгскій полкъ, такъ какъ турки не могли, за недостаткомъ судовъ, разомъ, въ большомъ числѣ, перейти Дунай.

По моимъ разсчетамъ, у меня еще будетъ время, по исполненіи моего плана, въ случаѣ счастливаго его исхода, отправить отрядъ къ Туртукаю или къ Силистріи, смотря по обстоятельствамъ; надо было только дѣйствовать, по возможности, скорѣе. Всѣхъ же пунктовъ, все равно, я не могъ защищать.

Кн. Багратіонъ, которому я сообщилъ о своихъ планахъ, не зналъ такъ хорошо ни Бухареста, ни его окрестностей, а еще того менѣе—турокъ, а потому ужасно испугался моихъ смѣлыхъ предположеній и посылалъ мнѣ приказъ за приказомъ, предписывая

мнѣ ничѣмъ не рисковать. Онъ говорилъ, что судьба Валахіи зависитъ отъ войскъ, которыми я командую, и если я, вопреки его мнѣнію, рѣшусь атаковать турокъ около Журжева, то предостерегалъ меня не рисковать атакой ретраншамента и проч. и проч. Но эти совѣты его я получилъ уже послѣ сраженія съ турками!

Сначала я и не думалъ объ атакѣ ретраншаментовъ предмѣстья Журжева; быть можетъ, я и рѣшился бы на это, если бы я только могъ завязать дѣло и выиграть его. Зная по опыту, что послѣ пораженія турокъ охватываетъ паника, я былъ увѣренъ, что не встрѣчу никакого сопротивленія въ этихъ ретраншаментахъ и могъ бы потопить въ Дунаѣ всѣхъ турокъ, не успѣвшихъ скрыться въ крѣпости или спастись на лодкахъ.

Лишь только я узналъ, что армія визиря перешла Дунай, въ Бухарестѣ воцарился безумный страхъ, впрочемъ вполнѣ извинительный. У меня тамъ было всего два резервныхъ баталіона въ 400 чел.

Тогда я собралъ всѣхъ выздоравливающихъ изъ менѣе слабыхъ больныхъ, въ числѣ 2.000 чел. и сформировалъ изъ нихъ 2 баталіона и 2 эскадрона. Тѣ, которые страдали приступомъ пароксизма лихорадки, оставались въ госпиталѣ, а на слѣдующій день люди, хорошо себя чувствовавшіе, замѣняли тѣхъ, у которыхъ долженъ быть лихорадочный пароксизмъ. Этотъ полкъ, который какіе-то шутники назвали „лихорадочнымъ", имѣлъ офицеровъ тоже изъ числа больныхъ, былъ порученъ Энгельгардту. Онъ, по своей слабости, корысти и заблужденію, хотя и отдался нашимъ врагамъ, но все же онъ не измѣнилъ долгу и могъ считаться отважнымъ и хорошимъ офицеромъ.

Я скрылъ отъ всѣхъ свой планъ и публично распространялъ басни о движеніи визиря и объ опасностяхъ, угрожавшихъ городу; я увѣрялъ, что не сдѣлаю шага впередъ, что мнѣ нечего бояться, и что я употреблю всѣ усилія, чтобы успокоить жителей Бухареста.

27 августа, на разсвѣтѣ, я отправился въ Капочени, но былъ такъ слабъ, что дорогой два раза чувствовалъ себя очень плохо, и сопровождавшій меня врачъ принужденъ былъ давать мнѣ стаканъ эѳира и другихъ возбуждающихъ средствъ, чтобы только поддержать мои силы.

Войска изъ Капоченскаго лагеря я направилъ въ Фальштокъ и въ тотъ же день, 27-го іюля, генералъ Эссенъ 3-й, прибывшій туда въ одинъ часъ со мной, соединился съ нашими войсками.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, я двинулся на Петрики,

благополучно прошелъ лѣса и дефиле, гдѣ 500 турокъ могли легко задержать всю колонну. Расположившись бивакомъ въ глубинѣ лѣса, я выслалъ впередъ нѣсколько казаковъ, дабы скрыть отъ турокъ мое наступленіе, о которомъ они легко могли узнать изъ Бухареста, гдѣ хотя и не предполагали о моемъ движеніи, но поднялся страшный шумъ, когда, 28 числа, узнали, что меня нѣтъ дома, думая, что я бѣжалъ [1]).

Вмѣстѣ съ корпусомъ Эссена у меня было всего 6.223 чел., но полки, составлявшіе эту маленькую армію, были лучшими войсками. Эссенъ, Ермоловъ, Новакъ, гр. Мантейфель, гр. Д'Орурвъ— все славные, храбрые офицеры, были моими друзьями, и я гордился ихъ дружбой и смѣло могъ разсчитывать на нихъ. Генералъ Ратгофъ, котораго я просилъ себѣ въ помощники, захворалъ лихорадкой и остался въ городѣ.

Авангардомъ командовать я назначилъ полковника Грекова и отрядилъ къ нему:

200 Волынскихъ уланъ.
Казачій полкъ Грекова.
Казачій полкъ Астахова.
1 баталіонъ Ладожскаго полка.
2 орудія Донской артиллеріи.

Подъ моимъ начальствомъ находились:

2 баталіона Московскихъ гренадеръ.
2 баталіона Шлиссельбургскаго полка.
2 баталіона Нашебургскаго полка.
2 баталіона 29-го Егерскаго полка.
5 эскадроновъ Тверскихъ драгунъ.
5 эскадроновъ Петербургскихъ драгунъ.
5 эскадроновъ Тираспольскихъ драгунъ.
16 орудій 12-ти фунтовыхъ.
12 орудій конной артиллеріи.

---

[1]) Все-таки я не могъ скрыть отъ всѣхъ свое странное исчезновеніе. Варламъ и его сторонники (т. е. наши), снѣдаемые безпокойствомъ, не покидали моей пріемной; они видѣли меня уѣзжающимъ, и я не могъ ихъ обманывать, что въ сущности становилось и лишнимъ; я имъ сказалъ: „до свиданія, господа я ѣду атаковать турокъ; послѣзавтра, 29-го, я ихъ разобью; вечеромъ вы получите извѣстіе, а черезъ 5 дней по эту сторону Дуная не останется ни одного турка".

Это фанфаронство было слегка въ духѣ Милорадовича; я очень желалъ сдержать обѣщаніе, но далеко не былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Къ счастью, благопріятный исходъ сдѣлалъ меня пророкомъ.

Въ общемъ, считая и полковыя пушки, 44 орудія, чего для 6.000 чел. было даже много.

Въ Фальштокѣ я оставилъ всѣ обозы подъ прикрытіемъ баталіона Нижегородскаго полка, имѣвшаго всего 200 вооруженныхъ солдатъ.

29-го августа, съ разсвѣтомъ, я передвинулся еще на 6 верстъ впередъ и скрылся въ небольшой лощинѣ, а чтобы вызвать турокъ къ серьезному дѣлу, я выдвинулъ авангардъ, съ которымъ выѣхалъ и самъ въ дрожкахъ (drochki), такъ какъ не имѣлъ силъ держаться на лошади.

Передъ Петрики лѣсъ кончается, и открывается огромная равнина, перерѣзанная не глубокими лощинами; справа равнина примыкаетъ къ горамъ, а слѣва къ притокамъ Дуная и трудно-проходимымъ болотамъ. Около этихъ болотъ лежала деревня Фрасине, къ которой вела едва проходимая тропа. Справа горы замыкаются и образуютъ большую гладкую равнину, на которой расположено Журжево. Спуститься съ горъ въ равнину можно по многимъ дорогамъ, почтовый же трактъ проходитъ черезъ с. Дая, въ 10 верстахъ отъ Петрики и въ 13 отъ Журжева, пересѣкая небольшой мутный ручеекъ и черезъ него мостъ. По ту сторону моста лежитъ небольшой лѣсъ—заглохшіе сады Дая, который пересѣкаетъ широкая дорога, подымающаяся на разстояніи 3 верстъ на возвышенность, къ которой я и приблизился съ авангардомъ въ 7 час. утра.

Завидѣвъ насъ, турки въ числѣ 1.500 чел. выступили изъ Журжева, тогда я, желая воспользоваться этимъ ихъ движеніемъ, приказалъ казакамъ и уланамъ броситься на нихъ, но въ продолженіе 4-хъ часовъ турки не сдѣлали ни шагу впередъ и даже начали отступать.

Потерявъ надежду въ этотъ день начать серьезное сраженіе, я вернулся на линію и приказалъ Грекову произвести такое же наступленіе, но онъ не успѣлъ, такъ какъ былъ въ 6 верстахъ отъ лагеря. Въ это время появилась изъ-за горъ турецкая конница, которая и атаковала отступавшихъ казаковъ; другая же конная колонна ихъ, прискакавшая галопомъ изъ Журжева, увеличила число турокъ до 8.000 ч. съ 6-ю орудіями. При такихъ условіяхъ, положеніе Грекова, не имѣвшаго и 1.500 ч., стало критическимъ, и я долженъ сознаться—по моей винѣ, такъ какъ, скрывая свои силы, я не долженъ былъ такъ удалять авангардъ и тѣмъ подвергать его опасности. Эссенъ замѣтилъ мнѣ это, но я не послушался его и нѣсколько легкомысленно полагалъ, что въ этотъ день турки уже больше не появятся.

Я бы могъ понести большія потери, если бы не рѣдкая твер-

дость и предпріимчивость баталіона Ладожскаго полка и его храбраго командира маіора Савоини [1]), которые спасли дѣло, принявъ весь ударъ на себя. Всякій другой баталіонъ, менѣе стойкій на войнѣ, могъ быть опрокинутымъ и разбитымъ. Принужденный къ отступленію Грековъ, понеся нѣкоторыя потери, отошелъ съ 2-мя пушками, 200 уланами и 600 казаками на возвышенности, о которыхъ я говорилъ. Тогда изъ садовъ Дая выдвинулся баталіонъ Ладожскаго полка, быстро перешелъ какъ мостъ, такъ и ручей и, занявъ небольшую площадку на большой дорогѣ въ Бухарестъ, перестроился въ каре, гдѣ и былъ атакованъ турецкой конницей съ такою злобою, какую я рѣдко видѣлъ у турокъ. Беснякъ-Ага, командовавшій этимъ отрядомъ, смотрѣлъ на солдатъ этого баталіона, уже какъ на погибшихъ [2]).

Беснякъ кидался въ атаку 5 или 6 разъ, но всегда безуспѣшно [3]). Трое турокъ, занесенные своими лошадьми во внутрь каре, моментально погибли подъ ударомъ штыковъ.

Въ теченіе часа этотъ храбрый баталіонъ, окруженный турками, отбивалъ всѣ ихъ нападенія. Уже были израсходованы всѣ патроны, но ни одинъ человѣкъ не дрогнулъ. Маіоръ Савоини, вполнѣ достойный командовать такими солдатами, находился верхомъ среди каре, наблюдая за всѣми, думая обо всемъ, руководя всѣмъ и подбадривая солдатъ, обѣщалъ скорую помощь, которая дѣйствительно скоро и явилась. Въ баталіонѣ было уже 100 убитыхъ и раненыхъ, и ряды пустѣли, но потери турокъ были громадны, ибо 2 пушки

---

[1]) 1827 г. Савоини теперь начальникъ дивизіи и генералъ-лейтенантъ; прекрасный офицеръ. Онъ италіанецъ, сынъ купца изъ Одессы.

[2]) Онъ закричалъ имъ по-русски: «Сдавайтесь»! Онъ мнѣ говорилъ потомъ, что если бы его люди слѣдовали за нимъ съ большей отвагой, онъ бы врѣзался въ каре, но разсѣянная и, такимъ образомъ, обезсиленная конница не можетъ легко врубиться въ трехъ-линейное каре, изъ котораго со всѣхъ сторонъ открытъ огонь, если только индивидуальная храбрость не поколеблетъ фронтъ и разорветъ каре, чего, впрочемъ, нечего опасаться русскимъ; съ ними подобнаго случая не бывало. Напримѣръ, при Кагулѣ, каре ген. Племянникова не было разстроено въ моментъ атаки турецкой конницы, но по окончаніи сраженія, когда ружья уже были сложены въ козлы, 300 янычаръ, скрытые въ тростникахъ, бросились на нихъ внезапно и отрѣзали фланги каре, которые, какъ стѣны города, могутъ разбить только пушки.

[3]) Ладожскіе солдаты узнали Босняка, котораго часто видали во время перемирія, передъ Измаиломъ. Въ послѣднюю атаку этотъ храбрый разбойникъ такъ близко подскакалъ къ нашему каре, что солдаты закричали: «Вотъ Беснякъ»! и тотчасъ же всѣ ружья были направлены на него. Его ранили въ лѣвую руку, и онъ принужденъ былъ покинуть поле сраженія. Отвага турокъ была парализована. Новый начальникъ не замѣнилъ его.

безпрерывно стрѣляли въ нихъ. Лишь только я узналъ, что турки снова двинулись на мой авангардъ, я послалъ ему на помощь генерала Ермолова съ Нашебургскимъ полкомъ, 6-ю орудіями 12-ти фунтовыми, роты Веселицкаго (подъ командою Мелина 2-го, больного лихорадкою; его везли на лафетѣ) [1]), 12 орудій конной артиллеріи и Тверскихъ драгунъ, подъ командою Бердяева.

Я приказалъ Ермолову направиться на лѣвый флангъ непріятеля, и самъ поѣхалъ туда съ Эссеномъ, который посовѣтовалъ мнѣ направить туда и главныя силы. Онъ по-прежнему былъ правъ, а я по-прежнему заблуждался, не слѣдуя его совѣтамъ [2]). Я могъ бы окружить оба непріятельскихъ фланга и захватить ихъ пушки раньше, нежели они перешли бы ручей. Я слишкомъ придерживался своей первоначальной идеи—скрывать главныя силы, чтобы вызвать завтра турокъ на генеральное сраженіе, заставляя ихъ думать, что у меня только это небольшое число войскъ, которое я имъ уже показалъ.

Чтобы захватить больше пространства, ген. Ермоловъ приказалъ сформировать, изъ 1.100 вооруженныхъ солдатъ своего полка, два каре, а Тверской полкъ съ конной артиллеріей былъ посланъ лѣвѣе. Турки, при видѣ этой поддержки, оставили каре Ладожскаго полка, которое было очень обрадовано своему освобожденію, и бросились на оба каре Нашебургскаго полка, но огонь 10-ти пушекъ нанесъ имъ большія потери и заставилъ замолчать 6 ихъ орудій; наконецъ, турки отступили и въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ бросились бѣжать. Бердяевъ съ своими драгунами кинулся ихъ преслѣдовать, а Новакъ направилъ огонь 12 орудій въ самую середину толпы турокъ и съ такою отвагою, что я не могъ не любоваться имъ. Поручикъ Розенталь особенно отличился здѣсь [3]).

Турки въ своемъ паническомъ бѣгствѣ были опрокинуты, многіе попали въ ручей и массой погибли подъ выстрѣлами нашей артиллеріи. Поле битвы покрылось мертвыми тѣлами. Янычары, оставшіеся въ 2-хъ верстахъ, также отступили, но казаки догнали ихъ, взяли одно знамя и многихъ истребили. У турецкой конницы также было отнято одно изъ знаменъ. Сраженіе это стоило туркамъ 1.500 чел. Боснякъ, вылечившійся отъ ранъ, три мѣсяца

---

[1]) Онъ вышелъ изъ кадетскаго корпуса и хотя никогда не видалъ огня, но велъ себя съ необыкновенной неустрашимостью.

[2]) Мнѣ можно простить ошибки, сдѣланныя во время этого дѣла, принявъ во вниманіе мою слабость. Я долженъ былъ каждую минуту глотать или нюхать эѳиръ, иначе упалъ бы въ обморокъ.

[3]) Онъ былъ убитъ въ слѣдующемъ году, при осадѣ Базарджика. Это былъ славный офицеръ.

спустя, разсказалъ мнѣ объ этомъ. Наши потери состояли изъ 2-хъ офицеровъ и 170 солдатъ. Это было незначительно для столь продолжительнаго и удачнаго дѣла, имѣвшаго желанный результатъ. Дѣло окончилось въ 8 ч. вечера, и я расположился бивакомъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, я хотѣлъ подойти къ Журжеву, но проливной дождь заставилъ войска остаться на мѣстѣ до 9 ч. утра. Я переждалъ этотъ ливень въ небольшой палаткѣ, которая не могла быть хорошимъ лекарствомъ отъ лихорадки, а между тѣмъ пароксизмъ болѣе не повторялся [1]).

30 августа войска наши подошли къ Журжеву въ двухъ колоннахъ и развернулись фронтомъ, между Турбитомъ и Чардыръ-Оглы, въ узкую и длинную линію. Затѣмъ я выслалъ казаковъ къ турецкимъ ретраншаментамъ, чтобы они своимъ дерзкимъ и лихимъ набѣгомъ вызвали визиря на сраженіе. У меня было 6.000 ч., а визирь имѣлъ 30.000; но ни одинъ турокъ не выходилъ, всѣ они были заняты укрѣпленіемъ своего громаднаго лагеря, въ который и сконцентрировали свои войска, однимъ флангомъ къ Дунаю.

Своимъ прибытіемъ въ Коконецъ полковникъ Турчаниновъ привелъ турокъ въ изумленіе и въ ужасъ. Извѣстія, получавшіяся изъ Турно и Зимницы, гдѣ проходилъ Турчаниновъ, показали имъ, что я имѣлъ очень много войскъ и буду ихъ атаковать всюду.

Князь Суццо, потерявшій къ себѣ довѣріе, былъ заподозрѣнъ визиремъ въ невѣрности сообщенія его, что у меня не было и 3.000 человѣкъ. Фактъ былъ вѣренъ, но не считая корпуса Эссена.

Этотъ походъ Турчанинова имѣлъ блестящій успѣхъ, и онъ исполнилъ данное мною порученіе съ большимъ стараніемъ и энергіей.

Сраженіе подъ Фрасине, которое дѣйствительно спасло Валахію, доказываетъ, что главная способность генерала состоитъ въ хорошемъ изученіи страны, гдѣ онъ воюетъ, и въ знаніи непріятеля. Вступить въ сраженіе съ 6.000 чел. противъ 40.000, изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ 30.000 конницы, и находящихся подъ

---

[1]) Въ день сраженія я чувствовалъ необычайную слабость и заснулъ въ 10 ч. вечера, а на другой день, несмотря на дождь, я проспалъ до 9 ч. утра. Ген. Эссенъ 3-й, зная мой планъ дѣйствій, не разбудивъ меня, выступилъ съ войсками, оставивъ мнѣ 1 баталіонъ, 1 эскадронъ и 50 казаковъ, которые и охраняли мою палатку.

защитою стѣнъ крѣпости, казалось безуміемъ! и дѣйствительно, поступать такъ значило идти въ разрѣзъ правиламъ военнаго искусства. Но благодаря той мѣстности, гдѣ я находился, я былъ увѣренъ, что мои 6.000 побѣдятъ 40.000 турокъ; а въ мѣстности, болѣе пересѣченной и поросшей лѣсомъ, имѣя даже вдвое войскъ, я былъ бы разбитъ. Безъ сомнѣнія, въ Россіи найдется много генераловъ, болѣе меня талантливыхъ, но кто никогда не велъ войны противъ турокъ, а иные даже и изъ воевавшихъ съ ними, не рискнули бы предпринять такое смѣлое дѣло, которое между тѣмъ единственно и могло меня спасти, имѣло громадный успѣхъ. Милорадовичъ и Зассъ дѣйствовали бы, какъ и я, но болѣе никто. Хотя я и не приказывалъ называть себя „спасителемъ Бухареста", но я имъ былъ въ дѣйствительности. Турки, будучи увѣрены, что я имѣю 20.000 чел., отказались отъ своего наступательнаго плана и оставались въ бездѣйствіи. Нѣсколько дней я оставался у нихъ на виду и возвратился на высоты Дая только вечеромъ 31 августа, гдѣ и пробылъ до 4 сентября. Опасаясь за свой лѣвый флангъ, подверженный нападенію изъ крѣпости, гарнизонъ которой былъ выведенъ, я отправилъ въ Будешти гр. Мантейфеля съ Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ, казачьимъ полкомъ и 200 Нижегородцевъ, чтобы наблюдать за Туртукаемъ. Съ остальными войсками я возвратился въ лагерь въ Капочени, а Турчаниновъ снова занялъ свою прежнюю позицію. Передъ тѣмъ какъ покинуть мои биваки, я велѣлъ построить навѣсы, разбросать множество соломы и вырыть кухни на 20 полковъ, чтобы обмануть турокъ, что мнѣ и удалось. Боснякъ мнѣ потомъ сказалъ, что эта хитрость заставила визиря повѣрить, что я былъ втрое сильнѣе, нежели на самомъ дѣлѣ, и онъ не могъ понять, откуда я собралъ такую массу войскъ.

Возвратясь снова въ скверный Капоченскій лагерь, гдѣ корпусъ Милорадовича настроилъ множество навѣсовъ и землянокъ, которыя мною и были предоставлены солдатамъ, имѣвшимъ возможность укрыться въ нихъ отъ жары лучше, чѣмъ въ палаткахъ. Но, конечно, я никакъ не предполагалъ встрѣтиться тамъ съ турками. Я приказалъ полковнику Грекову, прекрасному начальнику аванпостовъ, чтобы онъ строго слѣдилъ за турками, и если онъ замѣтитъ, что они намѣреваются двинуться впередъ, тотчасъ же донести мнѣ объ этомъ, и тогда я форсированнымъ маршемъ подойду къ Фрасине и атакую турокъ вторично. Но дѣло обошлось и безъ моего вмѣшательства; объятые ужасомъ пораженія, они лишь изрѣдка рекогносцировали наши аванпосты и то съ большою осторожностью. Зная, что кн. Багратіонъ подвигался къ Силистріи, я

вскорѣ былъ освобожденъ отъ всякихъ опасеній. Не боясь болѣе за Силистрію, я оставилъ Эссена у себя и поручилъ генералу Ротгофу командовать моимъ правымъ флангомъ отъ Ольты до Кильниша и усилилъ этотъ отрядъ полками Нашебургскимъ пѣхотнымъ и Тираспольскимъ драгунскимъ. Затѣмъ, я составилъ планъ овладѣнія Туртукаемъ, въ успѣхъ котораго я очень вѣрилъ. Удачные результаты этого плана могли бы имѣть очень важныя послѣдствія, такъ какъ занятіе этого города отрѣзало бы сообщенія Рущука съ Силистріей и воспрепятствовало бы туркамъ прибыть туда, и заставить насъ снять осаду, какъ они это сдѣлали мѣсяцъ спустя.

Я приготовилъ необходимое число судовъ и, кромѣ того, имѣлъ 50 понтоновъ, изъ которыхъ я хотѣлъ сдѣлать паромы, соединивъ два понтона вмѣстѣ и покрывъ ихъ досками изъ остатковъ Фальстокскаго моста. Произведенныя вокругъ Туртукая рекогносцировки показали, что турки не ожидали подобнаго предпріятія, и я могъ бы ихъ захватить совершенно врасплохъ, но я сдѣлалъ громадную ошибку, испросивъ на это разрѣшеніе Багратіона, а онъ сдѣлалъ еще большую—не давъ мнѣ таковаго.

Багратіонъ, высказывавшій мнѣ, впослѣдствіи, живую дружбу и безграничное довѣріе, тогда еще очень мало надѣялся на меня, такъ какъ не оправился еще и отъ впечатлѣнія, которое произвело на него мое разжалованіе послѣ Аустерлицкой битвы; къ тому же я не имѣлъ чести пользоваться покровительствомъ Безака.

За сраженіе при Фрасине, которое я считалъ блестящимъ, необходимымъ и успѣшнымъ, но не особенно выгодно для меня изложенное въ реляціи Багратіона, меня пожаловали Владиміромъ 2 ст. и не обратили вниманія на мои представленія о храбрецахъ, дравшихся со мной, но очень скупо награжденныхъ.

Въ Бухарестѣ я былъ принятъ очень скромно властями, когда 4 сентября, пріѣхалъ туда. Члены Дивана не только не прибыли благодарить меня за ту услугу, которую я имъ оказалъ, помѣшавъ туркамъ разрушить Валахію и ея столицу, но даже Филипеско былъ слишкомъ не тактиченъ, чтобы не скрыть своего настроенія.

Самъ Энгельгардтъ ограничился лишь нѣсколькими смущенными комплиментами.

Вскорѣ я избавился и отъ опасеній за М. Валахію, которую, признаюсь, я не имѣлъ надежды отстоять. Турки, потерявшіе случай овладѣть ею, не сумѣли найти его вторично.

Великій визирь собралъ къ себѣ всѣ войска, бывшія у Видина,

оставивъ на островѣ Ольмаръ лишь небольшой отрядъ, соотвѣтствующій только для обороны, но никакъ не для наступленія.

Только разъ 6 сентября, около 700 турокъ, выйдя изъ Кладовы и Гирсовы, разграбили на сѣверѣ М. Валахіи уѣздъ Тиргожи и опустошили его. Но посланный Исаевымъ капитанъ Ивановъ съ батальономъ Сибирскихъ гренадеръ, пандурами и казаками изъ Балтади-Верде, нагналъ возвратившихся турокъ и обратилъ въ бѣгство съ потерею 100 чел.

Я долженъ отдать полную справедливость Исаеву, который, въ продолженіе всей этой кампаніи, принималъ самыя дѣятельныя и разумныя мѣры для защиты и сохраненія ввѣренной ему страны и выказалъ столько же предпріимчивости, сколько ума во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и походахъ.

Тѣ же счастливыя обстоятельства, освободившія меня отъ турокъ въ обѣихъ Валахіяхъ, избавили сербовъ отъ непріятеля, грозившаго разорить и ихъ страну. Турецкія войска направились отъ Моравы къ Видину, и босняки, оставшись одни, держались оборонительнаго положенія. Сербы, освобожденные отъ своихъ главныхъ враговъ, занялись своими внутренними междуусобицами. Господарь Георгій Черный, довольно жестокій и властный въ этой, такъ сказать, республикѣ, имѣлъ много враговъ и думалъ, что имъ покровительствуетъ Родофинаки. Онъ жаловался мнѣ на него, прося смѣнить этого министра; старанія же мои успокоить его были напрасны. Онъ грозилъ Родофинаки, который, зная хорошо, что Георгій Черный, казнившій своего брата, способенъ былъ на всякую крайность, бѣжалъ изъ Бѣлграда въ Землинъ и прибылъ ко мнѣ черезъ Трансильванію. Побѣгъ этотъ очень не понравился Багратіону и доказалъ, что Родофинаки обладалъ больше осторожностью дипломата, чѣмъ храбростью военнаго. Багратіонъ хотѣлъ приказать ему вернуться на его постъ, но Родофинаки рѣшительно отказался исполнить это, а Коронели, назначенный на его мѣсто, находя болѣе удобнымъ вести свои дѣла съ болгарами и Безакомъ, остался въ главной квартирѣ.

14 сентября, Грековъ мнѣ донесъ, что лагерь турокъ у Журжева замѣтно уменьшается, а 15-го я получилъ извѣстіе, что турки совершенно сняли свой лагерь. Отъ нашихъ шпіоновъ я узналъ, что визирь отказался отъ всѣхъ предпріятій противъ обѣихъ Валахій и собралъ всѣ свои силы, чтобы дѣйствовать противъ Багратіона.

Кампанія въ Валахіи кончилась и съ полной силой началась въ Болгаріи. Такъ какъ мнѣ болѣе нечего было дѣлать въ Бухарестѣ,

пребываніе въ которомъ мнѣ стало невыносимо, то я просилъ Багратіона разрѣшить мнѣ служить съ нимъ. Ходатайство мое было уважено, но я никакъ не могъ даже подозрѣвать, что онъ въ Бухарестъ пошлетъ Милорадовича. Въ данномъ случаѣ, онъ соблюдалъ болѣе свои интересы, чѣмъ общее благо. Присутствіе Милорадовича въ арміи очень не нравилось Багратіону, такъ какъ тотъ открыто возставалъ противъ него, публично критиковалъ всѣ его дѣйствія и посылалъ своему другу Аракчееву длиннѣйшія посланія, при каждомъ случаѣ.

Милорадовичъ пріѣхалъ въ Бухарестъ 8 сентября, а 19-го я выѣхалъ оттуда.

Пріѣхавъ къ Багратіону, я имѣлъ съ нимъ разговоръ, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Я ему подробно описалъ мои операціи и выяснилъ положеніе Валахіи, которое онъ уже начиналъ понимать. Я совѣтовалъ ему выслать Филипеско, но онъ отвѣтилъ, что до окончанія кампаніи онъ не въ состояніи заниматься этими дѣлами.

Любезность, съ которою онъ меня встрѣтилъ, и приказъ, въ которомъ онъ благодарилъ меня за мои военные и гражданскіе успѣхи въ Валахіи, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, не могли дать мнѣ повода предполагать, что въ военномъ журналѣ онъ будетъ мотивировать назначеніе Милорадовича безпокойствомъ за судьбу Валахіи, а потому и необходимостью назначить туда хорошо знающаго страну и ея средства защиты. Все было невѣрно и смѣшно въ этой мотивировкѣ, которая была безчестіемъ для меня и страшной низостью для Милорадовича. Совершенная неправда, что будто являлись еще опасенія за Валахію, а если и такъ, то надо было оставить въ ней того же генерала, который только-что спасъ эту страну. Журналъ былъ работой Безака, но Багратіону слѣдовало бы прочитать и исправить его, прежде чѣмъ его подписать [1]).

Безакъ, какъ я уже говорилъ, все еще преклонялся передъ именемъ Милорадовича, хотя и ненавидѣлъ его за дурное обращеніе съ нимъ и думалъ, что ему все будетъ позволено со мной, зная, что я все еще въ немилости при дворѣ.

Сообщ. Е. Каменскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Я узналъ объ этомъ журналѣ долго спустя, когда онъ былъ уже напечатанъ. Знай я раньше, я бы не замедлилъ пожаловаться Багратіону и даже Государю.

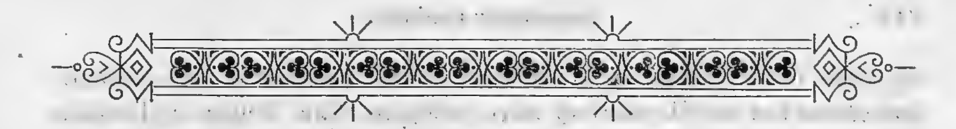
Къ исторіи монастырей 1670 г.

Государю Преосвященному Симону архіепископу Вологоцкому и Бѣлоозерскому бьетъ челомъ и являетъ сирота Государевъ Воложанинъ посацкой человѣкъ Ивашко Осиповъ сынъ Головковъ, а кружечнаго двора ларешной цѣловальникъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 179-мъ году *(т. е. въ 1670-мъ)* декабря во 2 день Вологоцкой таможенной голова Гаврило Өетіевъ присылалъ по меня сироту на кружечной дворъ таможеннаго коморника и велѣлъ мнѣ сиротѣ быть въ таможенную избу, и я сирота въ таможенную избу пришелъ того жь числа, и онъ Гаврило Өетіевъ у меня сироты спрашивалъ торговъ прошлого 177 году, и я сирота ему Гаврилу говорилъ: по какову Великого Государя указу тѣхъ прошлыхъ годовъ торгововъ *(торговъ)* спрашиваешь? И онъ Гаврило Өетіевъ въ таможенной избѣ меня сироту билъ и увѣчилъ и съ палкою по таможнѣ ходилъ и заставилъ меня сироту силно руку приложить невѣдомо къ какой запискѣ. И я сирота, не мога терпѣть побой и страстей, руку приложилъ. И какъ я сирота изъ таможни пошелъ, и невѣдомо по какову умыслу Вологжанинъ Иванъ Григорьевъ сынъ Салтановъ меня сироту бранилъ всякою неподобною бранью, и выбѣжалъ за мною на крыльцо, и меня сироту хотѣлъ бить. И я сирота отъ нево Ивана побѣжалъ и являлъ на него, Ивана Салтанова, въ ряду и въ земской избѣ, что и впредь мнѣ сиротѣ онъ Иванъ угрожаетъ убивствомъ. И я сирота для Великого Государя дѣла на кружечной дворъ и на винокуренную поварню днемъ и ночью хожу безпрестани, а опричь его Ивана Салтанова лихихъ людей не знаю. Государь Преосвященный Симонъ, архіепископъ Вологоцкій и Бѣлозерскій, пожалуй меня сироту Государева, вели, государь, челобитье мое и явку записать, чтобъ мнѣ сиротѣ Государеву отъ того Ивана Салтанова, отъ его похвальныхъ словъ впредь изувѣчену и убиту не быть. Государь великій святитель, смилуйся.

На оборотѣ челобитной рукоприкладство: къ сей извѣтной челобитной Ивашко Головковъ руку приложилъ.—*Наверху помѣта*: 179, декабря въ 3 день. Записать.

Сообщ. И. Суворовъ.

Радостная кончина.

Въ теченіе прошлаго столѣтія въ Черниговѣ и въ Черниговской губ. былъ всѣмъ извѣстенъ общественный дѣятель, литераторъ и археологъ, почтенный Александръ Ивановичъ Ханенко.— Это былъ очень богатый, знатный дворянинъ, происходившій отъ одного изъ гетмановъ, человѣкъ образованный, благородный, игравшій видную роль въ дѣятельности редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ.

Послѣ него осталось много литературныхъ произведеній и историческихъ трудовъ.—Дѣтямъ своимъ онъ озаботился дать лучшее образованіе, ему удалось приготовить изъ нихъ прекрасныхъ общественныхъ дѣятелей и служителей родины.

Старшій его сынъ, почтенный Александръ Александровичъ Ханенко, занималъ послѣдовательно должность земскаго начальника въ Черниг. уѣздѣ, черниговского городского головы, черниговскаго тюремнаго инспектора, а главное въ то самое время, о которомъ идетъ рѣчь, состоялъ въ должности соборнаго старосты Борисоглѣбскаго собора, хранившаго мощи Святителя Θеодосія чудотворца земли Черниговской и Преображенскаго собора, въ который предполагалось перенести мощи на всегда, что и было исполнено въ 1896 г. 9 сентября. Въ 1901 г. А. А. Ханенко скоропостижно скончался 6-го августа—въ день храмового праздника Преображенскаго собора.

Въ теченіе всей жизни Александра Ивановича Ханенко занимала мысль о проведеніи дѣла открытія мощей святителя Θеодосія (изъ рода Углицкихъ), архіепископа черниговскаго. Онъ очень много поработалъ надъ изслѣдованіемъ жизни святителя и едва-ли не первый издалъ подробное описаніе этой жизни.

При всякомъ удобномъ случаѣ Александръ Ивановичъ поднималъ вопросъ и ходатайство объ освященіи мощей; по почину духовенства, при участіи его,— еще тогда очень молодого человѣка,—

въ 1824 году состоялось извлеченіе тѣла святителя изъ могилы, находившейся въ Черниговѣ подъ соборомъ Свв. Бориса и Глѣба и перенесеніе въ пристроенную для этого къ тому собору часовню,— гдѣ тѣло и покоилось въ серебряной ракѣ въ теченіе семидесяти лѣтъ—до 1896-го года.

Къ этому году вопросъ объ освященіи мощей святителя и о канонизаціи его святымъ назрѣлъ; весной того года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ осуществленіи благой мысли.

Старикъ не могъ достаточно нарадоваться, прослышавъ, что старанія, которыя онъ поставилъ задачей своей жизни, увѣнчались успѣхомъ; онъ торжествовалъ, когда узналъ, что „Государь Императоръ Николай II, внявъ желаніямъ народа православнаго, одобрилъ мысль объ освященіи мощей и повелѣлъ привести ее въ исполненіе установленнымъ порядкомъ“.

Скоро стало извѣстно, что высокопреосв. Іоанникій,—митрополитъ кіевскій и галицкій назначенъ предсѣдателемъ духовной коммиссіи, на которую возложено совершеніе всѣхъ подготовительныхъ работъ къ акту освященія, исполненіе всѣхъ полагающихся при этомъ формальностей и, какъ результатъ этого, назначеніе дня торжества освященія.

Въ началѣ іюля высокопреосв. Іоанникій прибылъ въ Черниговъ, подробно осмотрѣлъ соборъ, побывалъ нѣсколько разъ у раки святителя Ѳеодосія, имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ мѣстными іерархами, а на 10-е іюля назначилъ главную формальность—осмотръ мощей святителя; къ осмотру были привлечены: епископъ черниговскій и нѣжинскій Антоній, епископъ новгородсѣверскій Питиримъ—викарій Черниг. епархіи, а также протоіерей градского собора и ключарь.

А. И. Ханенко переживалъ счастливые дни своей жизни, но, по своимъ годамъ, онъ уже не могъ переносить волненій и слегъ, хотя былъ совершенно здоровъ.—Оставаясь дома, онъ поминутно разсылалъ людей то къ одному, то къ другому изъ своихъ друзей и знакомыхъ, разузнавать о ходѣ дорогого для него дѣла и о новостяхъ по этому событію вообще.

Когда въ назначенный день совершенно особый колокольный звонъ возвѣстилъ о томъ, что митрополитъ Іоанникій съ архіереями выѣхалъ изъ загороднаго Троицкаго монастыря въ городъ и направился къ Борисоглѣбскому собору,—А. И. Ханенко, созвавъ всѣхъ домашнихъ, сказалъ имъ съ большой радостью: „вотъ когда я могу считать себя счастливымъ; я знаю, что могу теперь умереть спокойно; слава Господу, Творцу вселенной и благодареніе Царю Батюшкѣ... Помолимся“...

Домашніе въ умиленіи оставались при старикѣ. — Очень велико было ихъ и всего города изумленіе, когда стало извѣстно, что, по разсчету времени, какъ только послѣдовало окончаніе церемоніи осмотра мощей и принято было рѣшеніе ходатайствовать о назначеніи днемъ торжества воскресенья 9-го сентября—въ самый моментъ возвѣщенія новымъ звономъ выхода владыки Іоанникія изъ мѣста упокоенія святителя,—Александръ Ивановичъ Ханенко тихо, незамѣтно скончался съ радостной улыбкой на устахъ.

Этотъ случай, происшедшій какъ бы срочно, въ указанный моментъ, произвелъ въ городѣ, а затѣмъ въ округѣ громадное впечатлѣніе на всѣхъ.

Бодрый, здоровый старикъ, дѣйств. статскій сов., достойнѣйшій А. И. Ханенко скончался на 94-мъ году жизни и погребенъ въ погостѣ Елецкаго Успенскаго монастыря въ Черниговѣ.

Сообщ. А. Е. К.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

